

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

МЕРТВЕЦЫ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.
СОЧИНЕНІЯ. ШЕСТОЙ ТОМЪ.

**ИЗД. ШИШОВНИКЪ.
ПЕТРОГРАДЪ.**

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ.

Томъ шестой.

И-ВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВЪ.

Р А З С К А З Ы

И

П О В Ъ С Т И.

И-ВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ.

МЕРТВЕЦЫ.

ПОВѢСТЬ.

ОТЪ АВТОРА.

Въ этой небольшой повѣсти я рассказываю о томъ, какъ жили мои герои въ 1905 году. Образы ихъ возникаютъ въ условіяхъ политической ссылки. Они сами плѣнники и окружены такими же. Моя тема, слѣдовательно, созвучна революціи. Но какъ? Я не хотѣлъ намѣтить большую дорогу нашего бунтарскаго движенія. Нѣтъ, лишь одинъ изъ кривыхъ его путей змѣится въ моей глухой тайнѣ. Вотъ почему не надо искать среди героевъ этой повѣсти тѣхъ, кого русская интеллигенція называетъ своими вождями и мучениками. Я рассказываю о мертвецахъ, но я вѣрю, что иные—живые и свѣтлые—идутъ впередъ неустанно, и что русская земля не оскудѣла.

«И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземстаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь»...

Г о г о л ь.

I.

Въ трехъ верстахъ отъ города, у Красной Заимки, на берегу, поросшемъ березнякомъ и тальникомъ, чернѣла большая нескладная коляска.

Въ коляскѣ сидѣли вице-губернаторъ, прокуроръ и казачій офицеръ. Въ кустахъ, у коновязныхъ столбовъ, помахивая хвостами, стояли лохматя, низкорослыя, крѣпконогія лошади, надъ которыми тучею висѣли комары. Тутъ же, вокругъ лошадей, бродили казаки, дымя трубками.

Внизу, около пристани, толпились ссыльные. Везѣрная рѣчная ширь, серебристая мгла надъ синью дальнихъ острововъ и легкій пепель облаковъ — весь этотъ пустынный міръ казался глухонѣмымъ и чуждымъ человѣку. И голосъ человѣка звучалъ здѣсь странно.

Анастасія Дасіевна Чарушникова, горбатая дѣвушка неопредѣленнаго возраста, съ круглыми совиными глазами, забралась на высокій камень и, взмахнувъ руками, какъ темными крыльями, воскликнула пронзительно:

— Ничего, товарищи, не видно, а я прямо так горю нетерпѣніемъ.

— Не волнуйся, Настасья. Приѣдутъ,—сказала басомъ дородная фельдшерница Пуговкина и громко разсмѣялась.

— Нѣтъ, вы подумайте только! — крикнула Чарушникова, неизвестно къ кому обращаясь:—Вѣдь, сама Безсонова ѣдетъ! Вообразите!

— И воображать нечего,—сказалъ сердито социальдемократъ Вереевъ, желчно улыбаясь:—Безсонова! Безсонова! Чѣмъ она замѣчательна? Развѣ тѣмъ, что въ партіи и года не ужилась, ушла къ эсъ-эрамъ, а въ тюрьмѣ, говорятъ, и въ эсъ-эрствѣ разочаровалась. И здѣсь, въ Сибири, всѣ эти два года держала себя, какъ принцесса. Удивительно, что она подъ протестомъ подписалась...

— Ахъ, Гавріилъ Романовичъ,—засмѣялась Чарушникова, грозя ему пальцемъ:—вотъ она приѣдетъ, и вы первый въ нее влюбитесь. Я ее въ Петербургѣ знала. Она тамъ всю молодежь съ ума свела. Звѣзда.

— Она красивая?—спросилъ Прилуцкій, молодой полякъ, высокій, стройный, съ голубыми мечтательными глазами.

— Нѣтъ, она не красивая, но она лучше красивой—очаровательная... Я ее три года тому назадъ видѣла: тогда ей лѣтъ двадцать было, не больше.

— Вамъ, Настасья Дасіевна, вѣрить нельзя,—процѣдилъ сквозь зубы Вереевъ, разглядывая въ бинокль рѣчную даль:—вамъ потому вѣрить нельзя, что вы сама фантастическая...

— Вѣрно, вѣрно,—захлопала въ ладоши Чарушникова:—я сама себя не понимаю, и все вокругъ меня, какъ сонъ.

— Это—паузки,—крикнулъ кто-то въ толпѣ, указывая на рѣчную даль, гдѣ что-то чернѣло, то пропадая за серебряной завѣсою, то снова возникая.

И прокуроръ поднялся въ коляскѣ и смотрѣлъ въ бинокль. На берегу засуетились. Какіе-то якуты, прикор-

нушіе было въ кустахъ, поднялись теперь и, спѣшно отвязавъ двѣ легкія изъ бересты лодки, поплыли навстрѣчу паузкамъ.

— А подводы нѣтъ до сихъ поръ!—волновался Андрей Владиміровичъ Волковъ, приземистый, съ красной бороденкою челоуѣкъ, съ всегда почему-то подмигивающими глазами и съ добродушною улыбкою на толстыхъ губахъ:— Ахъ, этотъ Серапіоновъ! Божился, вѣдь, негодяй, что подвода къ двѣнадцати непременно будетъ.

— Захарій Серапіоновъ не обманетъ. Онъ челоуѣкъ точный—точноѣ васъ, Волковъ,—брюзгливо пробормоталъ Вереевъ, пожимая плечами.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за косогора выѣхала подвода кушца Серапіонова, которую заказалъ хлопотливый Волковъ.

Медленно двигались паузки. Нетерпѣливо сновали по берегу поджидавшіе ихъ люди.

Наконецъ, обозначились линіи нескладныхъ барокъ съ огромными рулевыми веслами. Какъ будто плыло земноводное чудовище, пѣня хвостомъ воду. Уже слышались голоса, и кто-то махалъ платкомъ.

— Поютъ! Поютъ!—крикнула Чарушникова.

Звучалъ надъ рѣкою траурный напѣвъ, внушая, какъ всегда, торжественную печаль:

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...»

Когда паузки подошли къ пристани и съ палубы спущены были зыбкія, скрипучія сходни, толпа ссыльныхъ на берегу смѣшалась съ толпою прибывшихъ товарищей. Иные, какъ Безсонова, переведены были сюда изъ О. за послѣдній „протестъ“; иные высланы были изъ Россіи за февральскіе аграрные беспорядки въ южныхъ губерніяхъ.

— Моя фамилія Мяукинъ. Я счастливъ, что, наконецъ, познакомился съ вами, Гавріиль Романовичъ,—спѣшилъ выразить свои чувства одинъ изъ пріѣхавшихъ, странно прижимая руки къ груди и поднимаясь зачѣмъ-то на цыпочки, будто танцуя.

— И я очень радъ. Мы васъ читали. Какъ же! — сказалъ Вереевъ, неопредѣленно улыбаясь и съ любопытствомъ разсматривая Мяукина, его блѣдное лицо съ большимъ носомъ, на которомъ едва держалось пенсне, и бѣгающіе безпокойные глаза.

— Пожалуйте, господа, пожалуйста!—крикнулъ басомъ рыжеусый конвойный офицеръ, направляясь съ синею папкою въ рукъ къ вице-губернаторской коляскѣ.

Началась переключка партіи.

— Безсонова, Ольга Андреевна, бывшая слушательница Женскихъ Курсовъ...

Изъ толпы ссыльныхъ вышла высокая дѣвушка, въ черномъ. Ея большіе зеленовато-сѣрые глаза смотрѣли разсѣянно; губы чуть-замѣтно улыбались насмѣшливо и мечтательно въ то же время; и было что-то египетское въ ея профилѣ, что-то загадочное и древнее. Ступала она какъ-то нетвердо и неувѣренно, какъ будто не привыкла она ходить по землѣ. И потому, должно быть, казалась она большой птицей съ раненымъ крыломъ.

— Ахъ, какъ она устала! Какъ устала!—прошептала Чарушникова.

— Не нравится мнѣ ваша Безсонова,—пробормоталъ Вереевъ, недружелюбно косясь на горбунью.

II.

Въ двухъэтажномъ домѣ якута Епанчева, гдѣ столовались холостые ссыльные и гдѣ хранилась библіотека колоніи, устроенъ былъ по обычаю обѣдъ для новыхъ товарищей. Распоряжался всѣмъ Волковъ. Его красная борода мелкала вездѣ: онъ неустанно сновалъ изъ кухни въ столовую и обратно. Собственноручно ставилъ онъ на столъ блюда то съ гусемъ, то съ жирною нельмою; кряхтя и торжествуя, откупоривалъ онъ бутылки и звенѣлъ неистово посудю...

Три комнаты, уставленные столами, биткомъ были набиты ссыльными—старыми и молодыми: тутъ былъ и длиннородый Зоновъ, патріархъ революціи, когда-то на каторгѣ гремѣвшій кандалами, и другой старикъ—Табалинъ, тамъ, въ тюрьмѣ, заболѣвшій душевно и навсегда затаившій въ своихъ глазахъ темную грусть.

Въ одномъ изъ угловъ Вереевъ, окруженный товарищами, чему-то ихъ поучалъ, выговаривая каждое слово точно и внятно, какъ будто припечатывалъ:

— Итакъ, господа, восемнадцатаго феврала правительство выпускаетъ манифестъ противъ крамолы, а вечеромъ въ тотъ-же день публикуется рескриптъ на имя Булыгина о созывѣ народныхъ представителей... Принимая во вниманіе, что, съ одной стороны...

Голосъ Вереева звучалъ, какъ стукъ стали машинной.

А въ другомъ углу разговоръ шелъ о взрывѣ въ гостиницѣ „Бристоль“. Съ польскимъ акцентомъ, блѣдный отъ волненія, говорилъ Прилуцкій и все поглядывалъ на Безсонову, около которой вертѣлся Мяукинъ, прижимая руки къ груди и поднимаясь на цыпочки, какъ будто танцуя.

— За столъ, господа, пожалуйста! За столъ!—кричалъ Волковъ, хлопотливо стуча стульями и скамьями.

Когда всѣ усѣлись, всталъ, по обычаю, длиннородый Зоновъ, подымая стаканъ:

— Товарищи! за здоровье Вѣры Николаевны!

Всѣ покорно встали, звеня стекломъ. Старики совершали обрядъ неспѣшно и чинно и съ видомъ мечтательнымъ; молодые тоже пили „за здоровье“—иные въ простотѣ и сердечно, иные (были и такіе) не безъ ироніи надъ прошлымъ „романтизмомъ“...

Потомъ всѣ усердно тыкали вилками въ соленые грузди, въ селедку и прочія яства, приготовленныя старухою Епанчевою.

Пили много и курили много. Въ сизыхъ клубахъ табачнаго дыма плавали лица человѣческія. Они то возни-

кали, то снова пропадали въ полумракѣ душнаго жилища, какъ странныя маски. А неугомонный Волковъ все подливалъ и подливалъ въ графинчики холодную очищенную. Она хранилась у него въ сѣняхъ въ ящикѣ со льдомъ. И самъ онъ впопыхахъ успѣвалъ таки опрокидывать стаканчики; еще ноги его служили ему нехудо, но рукою уже помавалъ онъ не такъ увѣренно и лепеталъ что-то несурное:

— За здоровье, товарищи! Какъ его? А! Чортъ! За рескриптъ, товарищи!

А Вереевъ трезвымъ голосомъ все говорилъ и говорилъ, не уставая, что-то благоразумное:

— Съ одной стороны, петербургское девятое января, а съ другой...

— А я, Гаврила Романовичъ, пьянъ... И съ одной стороны и съ другой стороны... Со всѣхъ, значить, сторонъ,— промышчалъ эсъ-декъ Хивринъ, по профессіи портной.

— Не надо пить, Хивринъ... Я хотѣлъ поговорить съ вами,—сказалъ Зоновъ, беря подъ руку захмелѣвшаго Хиврина.

Но Хивринъ оттолкнулъ его.

— Не хочу... не нуждаюсь... Мнѣ, извините, на васъ наплевать, господинъ Зоновъ. Вы, извините, интеллигентъ и утопистъ, а я, слава тебѣ Господи, про-ле-тарій!

— Ну... Ну... ладно,—бормоталъ Зоновъ, отвертываясь отъ сердитаго портного.

Подлетѣла къ Безсоновой на своихъ черныхъ крыльяхъ Чарушникава и, заглядывая ей въ лицо, стала шептать восторженно:

— Наконецъ, я васъ вижу, очаровательница. Вы забыли меня, навѣрное. А я васъ такъ помню, такъ помню! Въ Петербургѣ на вечеринкахъ и на сходкахъ я вами всегда восхищалась. Вы измѣнились, устали, но такая же прекрасная.

— И я васъ помню, конечно. Какъ вы могли думать, что я васъ забыла! Вы мнѣ одно слово сказали памятное.

— Неужели? Какое-же это слово, очаровательница?

— Вы мнѣ сказали, что я всегда говорю о жизни, а думаю о смерти. И отъ этого будто бы у меня глаза лукавые и улыбка загадочная.

— Вѣрно! Вѣрно!—восторженно крикнула горбунья:— И какъ мнѣ лестно, что вы мои слова запомнили...

— Душно здѣсь,—сказала Безсонова.

— Невыносимо! Дышать невозможно! Выйдемте на крыльцо, Ольга Андреевна.

Они вышли черезъ сѣни на высокое крыльцо, откуда былъ виденъ весь городокъ и рѣка. Луна была на маломъ ущербѣ. Двѣ нескладныя деревянныя башни, торчавшія посреди города, черныя съ одной стороны и блѣднозеленыя отъ луны—съ другой, казались теперь великанами въ мантияхъ. Маленькіе домишки, ютившіеся вокругъ беспорядочно, спали тяжелымъ сномъ.

Отъ рѣки вѣтеръ приносилъ острый запахъ влажныхъ травъ и запахъ таежной чащи, которая чернѣла на томъ берегу, какъ шатеръ, безкрайный и безмѣрный, раскинутый Богомъ среди великой пустыни.

— Я слышала обо всѣхъ, кто съ вами пріѣхалъ,—сказала Чарушникова, усаживаясь на крыльцо рядомъ съ Безсоновой:—только объ одномъ Крушинскомъ не слышала. Кто онъ такой, этотъ Крушинскій?

— Да вотъ и онъ,—засмѣялась Безсонова:—а мы только что о васъ говорили, Валентинъ Александровичъ!

— Вотъ какъ! Что же именно?—спросилъ Крушинскій, который вышелъ на крыльцо вмѣстѣ съ охмелѣвшимъ Волковымъ.

Крушинскому было лѣтъ двадцать пять. Глаза у него были сѣрые, совсѣмъ молодые, но говорилъ онъ важно и внушительно, какъ человѣкъ пожившій и „виды видавшій“. Держался онъ прямо чрезвычайно, точно „аршинъ проглотилъ“, какъ при первомъ же взглядѣ на него замѣтилъ Андрей Владиміровичъ Волковъ.

— Что же вы говорили про меня, Ольга Андреевна?—

повторилъ Крушинскій:—мнѣ, вы знаете, ваши мысли всегда интересны...

— Ольга Андреевна не успѣла высказаться,—засмѣялась Чарушникова:—вы тотчасъ же явились, какъ только я ваше имя произнесла.

— Валентинъ! Не любопытствуй! Не надо,—коснѣющимъ языкомъ пробормоталъ Волковъ.

— А вы уже „на ты“?—улыбнулась Безсонова.

— Мы съ Валентиномъ на Алданъ ѣдемъ, многоуважаемая. Мы экспедицію затѣяли. Мы далеко пойдёмъ, чортъ возьми.

— Зачѣмъ на Алданъ?

— Какъ зачѣмъ?—сказалъ важно Крушинскій:—Я филологъ и этнографъ, А Волковъ—естественникъ. Мы поѣдемъ для научныхъ изслѣдованій.

— И для золота. Я убѣжденъ, что на Алданѣ золото есть,—прибавилъ Волковъ, подмигивая.

Въ то время, какъ Безсонова, Чарушникова, Крушинскій и Волковъ бесѣдовали на крыльцѣ, внутри епанчевскаго дома между Вереевымъ и Мяукинымъ разгорѣлся споръ. Всѣ столпились вокругъ спорщиковъ.

— Что вы мнѣ толкуете про Бога и религію!—звонкимъ голосомъ выкрикивалъ Вереевъ, оглядываясь и какъ бы ища сочувствія у окружающихъ:—довольно злоупотребляли этими понятіями наши враги. Мы должны быть трезвыми и точными. А религія пусть будетъ приватъ-захе. Намъ она для борьбы не нужна.

— Но поймите вы, — распѣвалъ теноромъ Мяукинъ, прижимая руки къ своей плоской груди: — поймите вы, наконецъ, что проле-та-ріатъ самъ несетъ въ себѣ новое религіозное сознаніе.

— Религія нужна правительству для эксплуатаціи народа,—сказала басомъ дородная фельдшерца Пуговкина:—то, что вы, товарищи, говорите, мнѣ очень не нравится. Очевидно, Мяукинъ, вы склонны къ компромиссу.

— Соціализмъ есть религія человѣчества, обнаженная

отъ мифологическихъ покрововъ, — взвизгнулъ Мяукинъ, отмахиваясь отъ Пуговкиной:—Бога нѣтъ, но онъ будетъ! Это мы, социалисты, его создадимъ!

— Богъ бывшій, настоящій или будущій—все равно Богъ,—сказалъ Вереевъ, хмурясь,—подобныя утверждения отвлекаютъ народъ отъ его насущныхъ интересовъ. Нѣтъ, Мяукинъ, я теперь вижу, что вы не марксистъ.

— Какъ не марксистъ!—чуть не заплакалъ Мяукинъ.— Зачѣмъ же, товарищъ, вы меня оскорбляете? Господа, марксистъ я или нѣтъ?

Всѣ зашумѣли. Одни кричали: „Марксистъ Мяукинъ, конечно, марксистъ“! Другіе напротивъ съ ехидствомъ заявляли: „Какой онъ марксистъ! Онъ и не социалистъ вовсе!“

— Этакъ вы, Мяукинъ, и до тумановщины договоритесь!—прогрохотала своимъ басомъ Пуговкина, заглушая крикуновъ.

— Что такое тумановщина?

— А это у насъ такой докторъ есть ссыльный, Тумановъ по фамиліи—чудакъ такой...

— Тумановъ!—сказалъ Вереевъ:—это, знаете ли, романтикъ особаго рода... Онъ среди насъ третій годъ, а мы его до сихъ поръ понять не можемъ... Загадочная личность, такъ сказать... Вотъ у насъ и принято называть тумановщиной то, чего понять нельзя...

— Позвольте-съ! Но я-то при чемъ тутъ?—завопилъ Мяукинъ.—Я говорю ясно и просто: мы строители Бога Въ сознательномъ рабочемъ залогъ нашей божественности! Товарищи! Развѣ это непонятно?

— Рабочій! Это звучитъ гордо! Впередъ и выше! Впередъ и выше!—пробормоталъ пьяный Хивринъ.

III.

Наконецъ, товарищи стали расходиться по домамъ. Первая ушла Безсонова, которую вызвался проводить Кру-

шинскій. Ольга Андреевна поселилась, по совѣту Волкова, въ семействѣ якута Стебутова, въ маленькомъ домикѣ, на берегу рѣки, недалеко отъ лавки Серапионова. Крушинскій днемъ обошелъ весь городокъ и теперь увѣренно велъ Ольгу Андреевну по пустымъ улочкамъ, гдѣ жались къ землѣ низкіе горбатые домишки. Невѣрный свѣтъ луны, кривыя тѣни на землѣ, дикій вой собакъ и смутный ропоть рѣки—все было тоскливо и страшно.

— Я не смѣю напоминать вамъ о моей любви, — сказалъ Крушинскій, когда онъ и Ольга Андреевна уже подошли къ ея дому:—но я прошу васъ: не говорите пока рѣшительнаго нѣтъ!

— Зачѣмъ вы начинаете опять, Валентинъ Александровичъ, этотъ напрасный разговоръ! Поймите вы, наконецъ, что я не могу любить... Вообще не могу... Я не жива и не могу быть живой... Нѣтъ, нѣтъ...

— Вы враждебно ко мнѣ относитесь?

— Совсѣмъ не враждебно... Но вы не знаете, какая я. Я хуже, чѣмъ вы думаете.

— Я не хочу, чтобы вы были иною.

— Вы не сказали бы этого, если бъ лучше меня знали... Прощайте...

— Я не хочу, я не могу,—пробормоталъ онъ, когда косоглазая якутка-подростокъ отперла дверь и Безсонова уже стояла на порогѣ.

Ольга Андреевна медлила войти въ домъ, держась за ручку двери.

И Крушинскій не спѣшилъ уходить. Его высокая фигура казалась плоскою, какъ будто картонною. А лицо, зеленовато-бѣлое отъ луны, похоже было на мертвую маску.

Нахмутивъ свои тонкія брови, нѣсколько мгновений Ольга Андреевна разглядывала лицо юноши и, наконецъ, улыбнулась странно и еще разъ внятно сказала:

— Прощайте!

Босоногая дѣвченка-якутка провела Ольгу Андреевну въ ея комнату. Тамъ много было ларей, и нагромождены

были какіе-то сундуки въ углу; натоплено было жарко; передъ образомъ Николая Чудотворца горѣла лампадка; на красномъ комодѣ стояло круглое зеркало.

Ольга Андреевна заперла дверь. Сквозь неплотную штору проникалъ въ комнату лунный свѣтъ, всегда тревожившій Ольгу Андреевну. Она стала на стулъ и занавѣсила окно платкомъ, но на верху все-таки оставалась щель и оттуда лучился этотъ призрачный и мучительный свѣтъ. Она чувствовала, что уже не въ силахъ бороться съ нимъ.

— Какъ я устала, Господи!—прошептала Ольга Андреевна, ложась въ постель и закрывая глаза.

И тотчасъ же она почувствовала, что, несмотря на усталость, ей не придется заснуть въ эту ночь. Луна и смутныя мысли волновали ее. Что такое—вся эта странная жизнь, здѣсь, посреди таежныхъ дебрей, на этихъ пустынныхъ берегахъ?—думала Ольга Андреевна, изнемогая въ какой-то непонятной тоскѣ:—и кто эти люди вокругъ меня? Зачѣмъ я не говорю правды Крушинскому? Я говорю ему: нѣтъ, нѣтъ... Но онъ не вѣритъ и надѣется...

Ольга Андреевна почувствовала, что ей холодно. Она поднялась съ постели и хотѣла подойти къ сундуку, на которомъ лежала шуба, чтобы накрыться ею, но неожиданно для себя пошатнулась и прошептала въ испугѣ:

— Господи! У меня лихорадка.

Лежа въ постели подъ одѣяломъ и шубой, она продолжала дрожать. Ноги у нея стали тяжелыми, какъ будто къ нимъ привязали гири.

— Алданъ... Алданъ... Экспедиція на Алданъ,—бредила Ольга Андреевна и, сознавая, что бредить, старалась не повторять этихъ ненужныхъ ей словъ, но языкъ и губы не слушались ея:

— Алданъ... Алданъ...

Отъ лампадки, мерцавшей тихо, поплыли круги и кольца, красныя и золотыя. Все заволокло легкимъ туманомъ.

Но время отъ времени изъ тумана возникали чьи-то

лица, плоскія, какъ будто нарисованныя на картонѣ. Ольга Андреевна вглядывалась въ нихъ, стараясь угадать, кто это.

Закивалъ длинный бѣлый носъ въ пенснэ, и теноришко замыкалъ что-то о богоподобномъ пролетаріи; плоскій, какъ будто вырѣзанный изъ картона, Крушинскій беззвучно шевелилъ своими картонными губами; дрожала тутъ-же красная бороденка Волкова...

— Ахъ, ноги тяжелыя какія,—пробормотала Ольга Андреевна и попыталась поднять голову съ подушки.

Въ постели, на ногахъ ея, сидѣла черная птица—Анастасія Дасіевна Чарушникова. Потомъ она стала расти, пухнуть и покрыла Ольгу Андреевну своими черными крыльями.

— Не хочу, не хочу!—простонала Ольга Андреевна.

Теперь кто-то иной подошелъ къ ней и наклонился низко.

— Кто это?—спросила она тихо, предчувствуя, что это Валерій Вербовскій.

Это былъ онъ—такой же ротъ красный, наглая улыбка и тайный страхъ въ глазахъ—все какъ тогда, четыре года тому назадъ.

— А онъ зачѣмъ здѣсь?—подумала она въ ужасѣ и хотѣла крикнуть, чтобы онъ ушелъ.

А Валерій Вербовскій стоялъ молча, но Ольга Андреевна знала, о чемъ онъ думаетъ. Его мысли казались ей маленькими розовыми червяками. Они шевелились и скручивались, и она какъ-то понимала, что это значить. Словами это было трудно выразить, но приблизительно выходило, что онъ думаетъ такъ: я доволенъ, потому что Ольга лежитъ въ постели и летучая мышь огромная покрыла ее крыльями. Пусть Ольга лежитъ недвижно. Это хорошо. Пусть, пусть...

Ольга Андреевна сдѣлала усилие и спустила ноги съ кровати. Черная мышь-птица, Анастасія Дасіевна, соскользнула съ постели и чернымъ клубкомъ покатила въ уголь. Красный ротъ Вербовскаго поплылъ назадъ къ стѣнѣ.

— Ты и теперь меня боишься?—спросила Ольга Андреевна, улыбаясь.

Онъ быстро нагнулся и куда-то исчезъ.

— Я больна! У меня бредъ!—хотѣла крикнуть Ольга Андреевна, и упала опять въ постель.

IV.

Въ то время, когда Безсонова такъ тяжело и мучительно бредила въ своей комнатѣ, Анастасія Дасіевна Чарушникова спѣшила по темнымъ горбатымъ улицамъ къ себѣ домой. Она вдрогнула и насторожилась, какъ звѣрокъ, когда услышала позади себя торопливые шаги и чей-то тревожный голосъ, называвшій ее по имени.

Это былъ Станиславъ Казиміровичъ Прилуцкій.

— Какъ я радъ, что догналъ васъ, Анастасія Дасіевна,—пробормоталъ Прилуцкій, повидимому, взволнованный чѣмъ-то.

— Что случилось?—изумилась горбунья, останавливаясь и стараясь разглядѣть своими совиными круглыми глазами лицо Прилуцкаго, измѣнившееся теперь при невѣрномъ свѣтѣ луны.

— Ничего не случилось. Простите меня,—смутился на мгновеніе Прилуцкій, но тотчасъ-же овладѣлъ собою и, стараясь казаться спокойнымъ, проговорилъ неспѣшно:— я просто хотѣлъ проводить васъ. Намъ по дорогѣ.

Чарушникова лукаво засмѣялась:

— Я хитрая, товарищъ. Говорите откровенно, въ чемъ дѣло. Зачѣмъ я вамъ нужна?

— Извольте. Я скажу, пожалуй. Я вотъ цѣлый день сегодня смотрѣлъ на вашу Безсонову. Ее зовутъ Ольгой Андреевной?

— Да.

— Такъ вотъ я цѣлый день смотрѣлъ на нее. Какое удивительное лицо! Я не видалъ подобныхъ лицъ. Признаюсь, она меня заинтересовала чрезвычайно.

— Да... Да... Это понятно... Но я то при чемъ здѣсь?

— Ахъ, вы мнѣ ужасно нужны,—сказаль Прилуцкій и взяль Чарушникову за руки:—вы мнѣ ужасно нужны. Вы знали ее въ Петербургѣ. Вы можете рассказать о ней то, чего я не знаю. Я слышалъ кое-что. Но я хочу все знать, все...

— Ну, нѣтъ, молодой человекъ, я вамъ ничего не скажу... Пусть она вамъ сама говорить, если захочетъ, а я не скажу... Да и спать мнѣ надо...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я пойду къ вамъ сейчасъ...

— Вы? Ко мнѣ?—удивилась горбунья:—вѣдь, ночь сейчасъ... Моя хозяйка съ ума сойдетъ... Нѣтъ ужъ, товарищъ, прощайте.

— Тогда идите ко мнѣ,—волновался Прилуцкій, все еще удерживая Чарушникову:—и, знаете, мы побесѣдуемъ и... и... выпьемъ, пожалуйста... У меня коньякъ есть...

Чарушникова размѣялась.

— Ну, хорошо. Идите. Только не надѣйтесь на меня. Я вамъ ничего не скажу. Да и нечего въ сущности мнѣ рассказать... Сама я ничего не знаю.

— Скорѣе, скорѣе,—торопилъ свою спутницу Прилуцкій.

Онъ жилъ по близости. Въ его комнатѣ стѣны до потолка были уставлены полками съ книгами. На столѣ стоялъ снимокъ съ Лукреціи Кривелли, и подъ стекломъ старинной рамки хранилась засушенная роза.

— У васъ хорошо здѣсь,—сказала Чарушникова, усаживаясь въ кресло:—и непохоже на квартиры товарищей: у нихъ, вѣдь, все Марксъ и Чернышевскій, прищипленные къ обоямъ, а на столѣ брошюрки на папирсной бумагѣ... Да вы не волнуйтесь...

— Вотъ коньякъ,—проговорилъ Прилуцкій, дрожащей рукой наливая рюмку.

Чарушникова взяла рюмку и выпила рѣшительно, по мужски.

— Лимончика нѣтъ-ли?

— Есть, есть,—заторопился Прилуцкій.

— А вы что-жъ не пьете?

— О, я то же буду пить—улыбнулся Прилуцкій:—но не мучайте меня, Анастасія Дасіевна. Я, признаюсь, хочу узнать правду, очень хочу...

— Какую правду? Что такое?—нахмурилась Чарушниковна.

— Правду о Безсоновой...

— Вы хотите знать правду о ней? Извольте, Станиславъ Казиміровичъ, я вамъ скажу... Только, вѣдь, вы мнѣ не повѣрите все равно.

— Повѣрю.

— Ольга Андреевна Безсонова совѣмъ не женщина, да и не человѣкъ вовсе. Къ ней и приблизиться нельзя. Она вамъ непременно скажетъ: *poli me tangere*...

Черная маленькая фигурка Чарушниковой затряслась, задрожала отъ смѣха, и расплескался въ рюмкѣ коньякъ.

— Кто же она?—нетерпѣливо спросилъ Прилуцкій, наливая снова коньякъ развеселившейся горбуны.

— Она—какъ я! Правда, она—очаровательница, а я—уродецъ! Но, въ сущности, она похожа на меня, увѣряю васъ. Мы обѣ живемъ, какъ во снѣ живутъ. Мы все настоящее вспомнить хотимъ, а здѣсь, въ ссылкѣ, мы только такъ себѣ, для безсмысленности.

— Что это значить? „Для безсмысленности“?

— А вотъ, если вы съ нею познакомитесь, она вамъ объяснитъ, что это значить,—хототала Чарушниковна.

— Не смѣйтесь. Не надо! Еще одно слово, одно слово:—что вы знаете про Вербовскаго, про Валерія Вербовскаго?

— Вы спрашиваете про этого негодяя!—крикнула Чарушниковна и, вскочивъ съ кресла, бросилась въ уголъ, гдѣ висѣло ея пальто.

Но Прилуцкій загородилъ дверь.

— Не уходите! Не уходите!—умолялъ онъ.

Анастасія Дасіевна остановилась, какъ бы колеблясь:

— Пьяна я. Лишнее наговорить боюсь.

— Ахъ, мнѣ все можно,—лепеталъ Прилуцкій, дрожа отъ страха, что Чарушникова уйдетъ отъ него сейчасъ.

— Пьяна я,—повторила странная гостья, оглядываясь:— пьяна я, а у васъ темно. Я люблю, чтобы огней много было, если ужъ коньякъ на столѣ.

Прилуцкій подошелъ къ столу и вытащилъ двѣ пачки свѣчей.

— У насъ будутъ огни,—твердилъ онъ, торопливо разставляя по угламъ—въ подсвѣчникахъ, бутылкахъ и стаканахъ—стеариновыя свѣчи.

Чарушникова бросила пальто. Въ непонятномъ восторгѣ она хлопала въ ладоши и смѣялась, радуясь огнямъ, вспыхнувшимъ на недолгій срокъ.

— Милый вы, Прилуцкій,—крикнула Анастасія Дасіевна, воодушевляясь.

Она схватила свѣчку и поднесла ее къ лицу Прилуцкаго

— Глаза у васъ дивныя! Что-то въ нихъ томное, женственное, польское! Я васъ поцѣлую!.. Можно?

И, ставъ на цыпочки, она неожиданно притянула къ себѣ голову Прилуцкаго и нѣжно поцѣловала его въ лобъ. Смѣясь, совсѣмъ пьяная, она упала въ кресло.

— Ну, слушайте... У этого Вербовскаго—губы красныя, наглыя, безстыдныя, а въ глазахъ—рабскій страхъ. Вотъ онъ какой Вербовскій. Безсонова не могла такого любить. Онъ за нею два года ходилъ. Но вы знаете, какой у нея характеръ? Ей погибнуть хочется. Это, знаете, совсѣмъ по русски, или, можетъ быть, вообще... по-славянски. Она давно уже рѣшила, что ей одинъ путь—съ высоты внизъ. Если у нея что-нибудь съ Вербовскимъ и было, то для безсмысленности.

— А было все-таки?

Но Чарушникова не удостоила его отвѣтомъ.

— Мало ли что говорятъ! Было не было—все равно. Идти на свиданіе, презирая; отдаваться съ ненавистью; она способна на все... Что я говорю? Повторите мои слова, Прилуцкій...

— Способна на все...

— Я такъ сказала? Вздоръ! Вздоръ! Я не могла этого сказать.

— Правда, что онъ стрѣлялъ въ нее?

— Стрѣлялъ и промахнулся. Рука дрогнула...

— А вы знаете, что я слышалъ про этого Вербовскаго? Я не хочу вѣрить, Анастасія Дасіевна... Но если это правда, тогда... Тогда... Что-же дѣлать тогда, Анастасія Дасіевна?

— Какой вы еще молодой! — улыбнулась Чарушникова:—Почему вы волнуетесь? И что вы могли слышать... Скучное что-нибудь и неважное. Вы о немъ, пожалуйста, не говорите и меня не разстраивайте. Я разсержусь, право.

— Я то ничего не буду говорить. Боюсь, что другіе заговорятъ. Но что бы не случилось, она чище всѣхъ и прекраснѣе всѣхъ!

— Прекраснѣе... Прекраснѣе, — бормотала Анастасія Дасіевна, засыпая въ креслѣ.

— Проснитесь! Анастасія Дасіевна! Проснитесь! — тщетно умолялъ Прилуцкій.

Она бормотала во снѣ, усмѣхаясь:

— Очаровательница!

V.

Портной Хивринъ уже четыре года занимался своимъ ремесломъ въ этомъ городѣ. Дѣла его шли такъ себѣ. Онъ купилъ, однако, въ долгъ небольшой домишко: самъ онъ съ женою, Матреною Савельевною, и съ подмастерьемъ Демьяномъ Кассьяновичемъ Жмуркинымъ (тоже социаль-демократомъ), поселился въ одной половинѣ дома, а другую сдавалъ Богдану Юрьевичу Туманову, о которомъ такъ многозначительно говорили въ епанчевскомъ домѣ и котораго Вереевъ насмѣшливо назвалъ „загадочною личностью“. На него, на Богдана Юрьевича, намекала фельдшерица Пуговкина, пугая тумановщиной товарища Мяукина.

Съ Тумановымъ жила жена его, Лидія Николаевна. Дѣтей у нихъ не было. О ней также говорили въ колоніи нерѣдко и немало, но всегда въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ. Однимъ словомъ, и она въ нѣкоторомъ родѣ была особа „загадочная“.

Когда Хивринъ, послѣ епанчевскаго обѣда, вернулся домой, онъ долго бродилъ вокругъ своего дома, не находя крыльца.

— Фу! Чортъ! Гдѣ же дверь?—недоумѣвалъ Хивринъ, обижаясь на кого-то:—Дверь подайте! Эй! Вы! Какъ васъ тамъ...

Хивринъ тщетно стучалъ палкою въ стѣну. Повсюду на стѣнѣ возникала черная тѣнь и кривлялась, какъ бы дразня его.

Наконецъ, набредя на крыльцо, Хивринъ неистово принялся бить кулаками въ дверь и кричать во все горло:

— Матрена Савельевна, отопри! Это я! Отопри, Матрена...

Никто не отвѣчалъ Хиврину. Случайно потянулъ онъ за скобу и тотчасъ же дверь распахнулась.

— Вотъ тебѣ и на!—молвилъ Хивринъ, трезвѣя:—Жена! Матрена!

Въ сѣни выскочилъ изъ мастерской Жмуркинъ, сонный и раздѣтый.

— Чего орешь!—крикнулъ онъ сердито:—ступай спать, пьяница!

— А Матрена гдѣ?—спросилъ Хивринъ, недоумѣвая.

— Въ горницѣ съ Игоремъ Александровичемъ сидитъ.

— И чего врешь! Коробановъ въ Епанчевкѣ со мною водку пилъ.

— Значить, былъ въ Епанчевкѣ, да надоѣли вы ему, вотъ онъ и ушелъ,—зѣвнулъ во весь ротъ Жмуркинъ и пошелъ въ мастерскую, ворча.

Чѣмъ-то недовольный и обезпокоенный Хивринъ вошелъ въ горницу, не раздѣваясь и не снимая шапки. Тамъ было пусто, и во второй комнатѣ, гдѣ стояла кровать, тоже никого не было.

— Ишь ты! По ночамъ гулять вздумала!—пробормоталъ Хивринъ и, рѣшивъ про себя, что „проучить“ жену, повалился въ постель не раздѣваясь, какъ былъ, въ огромныхъ сапожищахъ и въ пальто.

Шапка его свалилась на полъ. И спутавшіяся прилипшія пряди волосъ на лбу, недвижимое теперь лицо, освѣщенное луною, рука, закинутая неестественно и неудобно: все было какъ у мертваго. Похожъ былъ въ тотъ часъ портной Хивринъ на мертвеца.

Уже полгода усердно навѣщалъ старикъ Коробановъ товарища Хиврина, не мало его тѣмъ изумляя; впрочемъ, въ послѣдніе дни Пигасій Ивановичъ пересталъ дивиться на частыя посѣщенія Коробанова. Дѣло было ясно: старикъ-народоволець влюбился въ Матрену Савельевну. Сообразивъ это, Хивринъ не рѣшился, однако, что-либо предпринять. Его убѣжденія противорѣчили его желаніямъ, но въ пьяные часы сознательный портной совсѣмъ безсознательно укроялъ жену, упрекая въ невѣрности. Впрочемъ, Хиврину какъ-то не вѣрилось, что молодая бабенка предпочтетъ его, такого передового и умнаго человѣка, этому, хотя и почтенному старику, но все же не понимающему смысла и значенія классовой борьбы.

Но Матрена Савельевна, очевидно, не слишкомъ твердой была марксисткой и относилась весьма благосклонно къ высокому и красивому народовольцу, не успѣвшему растратить жаръ души, несмотря на его пятьдесятъ пять лѣтъ.

Матренѣ Савельевнѣ не было еще и тридцати. Она была здѣшной обывательницей, изъ небогатыхъ, и приходилась троюродной племянницей купцу Серапіонову, весьма гнушавшемуся бѣдными родственниками, которыхъ онъ неизмѣнно держалъ въ черномъ тѣлѣ, а иногда и совсѣмъ не замѣчалъ. Три года назадъ женился на ней Хивринъ, обучивъ ее ранѣе грамотѣ.

Матрена Савельевна была собою недурна, хотя выдающіяся скулы и нѣсколько приплюснутый носъ обличали, что въ крови ея есть изрядная доля крови якутской. Лука-

вые съ темнымъ огнемъ глаза, толстыя, алыя, крѣпкія губы и пріятный станъ ея, не слишкомъ худой и не слишкомъ полный, понравились Коробанову чрезвычайно.

Коробановъ, научившійся механикѣ въ крѣпости, служилъ теперь у Сераціонова, наблюдая за паровой машиною, кстати сказать, единственную въ этомъ городѣ. И жилъ онъ рядомъ съ мастерской, въ небольшой квартирѣ изъ трехъ комнатъ. Вотъ сюда и привелъ онъ Матрену Савельевну въ ту самую ночь, когда Хивринъ и прочіе товарищи пировали въ Епанчевкѣ.

Она сидѣла на мягкомъ диванѣ, ничуть не смущаясь новыми обстоятельствами и жуя съ удовольствіемъ сладкіе пряники, которыми угощалъ ее старикъ.

— Нѣтъ въ мірѣ никого прекраснѣе васъ, Матрена Савельевна!—говорилъ Коробановъ, стоя передъ нею на колѣняхъ.

— Ну, ужъ тоже скажете вы!—смѣялась она, оскаливъ бѣлые зубы:—Во всемъ мірѣ! Эка хватили, право...

— Нѣтъ никого прекраснѣе васъ!—повторялъ Коробановъ, склоняя голову богомольно.

Коробановъ арестованъ былъ въ Петербургѣ, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Онъ не зналъ тогда женщинъ и не думалъ о нихъ. И въ тюрьмѣ онъ мечталъ о томъ, какъ „народъ одолѣетъ, наконецъ, своихъ враговъ и покончитъ счеты со старымъ порядкомъ“. О своей загубленной жизни онъ не жалѣлъ, и то, что молодость его пройдетъ безъ любви въ одиночномъ заключеніи, не пугало его. Въ это время въ крѣпости отбывала наказаніе Надежда Мулатова. Она была ровесница Коробанову, но успѣла сдѣлать для революціи больше, чѣмъ онъ, и пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ товарищей. Всѣхъ заключенныхъ волновала ея судьба и, когда удалось, уговоривъ одного сторожа, завязать другъ съ другомъ сношенія, всѣ спѣшили выразить Мулатовой свои добрыя и почтительныя чувства. А когда позволили заключеннымъ работать вмѣстѣ въ крѣпостныхъ мастерскихъ, всѣ наперерывъ старались чѣмъ-нибудь об-

легчить ея участь. И это благоговѣйное чувство было похоже на влюбленность, но никому изъ нихъ даже въ голову не приходило, что это такъ. И, можетъ быть, если бы кто-нибудь сказалъ имъ это, они оскорбились бы, не умѣя назвать свое истинное отношеніе къ дѣвушкѣ. Коробановъ тоже, какъ всѣ, былъ влюбленъ въ нее, и такъ же, какъ всѣ, не понималъ этого. Впослѣдствіи, въ Сибири, въ тайгѣ, будучи ужъ человѣкомъ не первой молодости, Коробановъ сошелся съ одною якуткою и жилъ съ нею ладно, но въ этой связи не было настоящей страсти и не было того чистаго восторга, какой онъ испыталъ когда-то, мечтая о Мулатовой. Якутка и дѣти ея умерли въ эпидемію и Коробановъ сталъ жить бобылемъ, пока страстно и слѣпо не влюбился въ Матрену Савельевну.

И такъ, въ ту ночь Матрена Савельевна сидѣла у него на диванѣ, жуя пряники и манерничая, а онъ изнывалъ въ своей нѣжной и суевѣрной любви.

— Черезъ годъ переведутъ меня на поселеніе подѣ Иркутскъ,—говорилъ Коробановъ, робко касаясь ея руки и понизивъ голосъ:—и мы бѣжимъ съ вами, Матрена Савельевна, въ Россію. Я перемѣню имя. И мы начнемъ съ вами новую жизнь—въ борьбѣ и опасности. Не правда ли?

— Мнѣ что-жъ! Поѣдьте въ Россію, Игорь Александровичъ. Я у дяденьки попрошу рекомендацію. Намъ въ Россіи кредитъ откроютъ. Торговлю тамъ маленькую завести можно.

— Какое чистое и наивное сердце у васъ, Матрена Савельевна! Вы даже не догадались, повидимому, о какой жизненной борьбѣ я говорю.

— Вамъ, Игорь Александровичъ, виднѣе. Вы ученый. А я къ тому сказала, что мнѣ въ бѣдности надоѣло жить. Вотъ муженекъ купилъ домишко въ долгъ, а по моему теперь ему расплатиться трудно будетъ.

— Дитя! Дитя! Не въ деньгахъ счастье! Ахъ, какая чистота у васъ въ глазахъ, Матрена Савельевна!

— Сядьте ко мнѣ поближе, Игорь Александровичъ,— молвила Хиврина, указывая на диванъ.

VI.

Три часа просидѣлъ въ креслѣ Прилуцкій, не засыпая и мечтая о чемъ-то. Время отъ времени онъ внимательно разглядывалъ лицо заснувшей у него гостьи. Она спала безпокойно, бормоча несвязное въ бреду. Иногда она открывала глаза и говорила, не замѣчая, повидимому, Прилуцкаго:

— Пора, пора... Время пришло... Я пойду, я пойду...

Наконецъ, совсѣмъ разсвѣло. Чарушникова полулежала въ креслѣ недвижно. Теперь лицо ея зеленовато-землистое, съ черными кругами подъ глазами, съ тоненькими нитями губъ, казалось мертвымъ и зловѣщимъ.

Неожиданно она проснулась, какъ будто бы кто-то незримый подошелъ къ ней и коснулся ея.

— Который часъ?—крикнула она, озираясь съ тревогою.

— Восемь часовъ,—сказалъ Прилуцкій.

— Ахъ, Боже мой! Пора, пора!—заторопилась горбунья и, накинувъ на себя пальто, бросилась вонъ изъ комнаты. Она даже не простилась съ Прилуцкимъ и помчалась, размахивая руками, къ домику Стебутова. Когда Чарушникова ворвалась въ комнату, Ольга Андреевна еще лежала въ постели, но уже очнулась и съ тревогою вспоминала о своемъ ночномъ бредѣ, чувствуя, что она больна и что скоро она опять лишится сознанія.

— Что съ вами, очаровательница?—всплеснула руками Чарушникова, замѣтивъ, что Ольга Андреевна въ жару.

— Не знаю,—прошептала Безсонова, закрывая глаза и покоряясь болѣзненной дремотѣ, опять ею овладѣвшей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ теперь не оставлю, дивная! — пробормотала Анастасія Дасіевна.

Она позвала дѣвочку-якутку и послала ее въ домъ Хиврина за докторомъ Тумановымъ, а сама принялась хо-

зѣйничать въ комнатѣ. И получаса не прошло, а комната была уже въ порядкѣ. Чарушникова вытерла одеколономъ лицо Ольгѣ Андреевнѣ; поставила термометръ; приготовила все нужное для компресса, и, наконецъ, усѣлась въ кресло около больной, ожидая доктора.

Безсонова опять начала бредить и металась по кровати, не понимая, гдѣ она и кто около нея.

Иногда она просила пить, и тогда Чарушникова подносила ей стаканъ съ водою, низко нагибаясь къ ея лицу и разглядывая больную своими круглыми совиными глазами, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, какъ сова, худо [она видѣла придневною свѣтѣ.

Наконецъ, пришелъ докторъ Тумановъ. Чарушникова встрепенулась и бросилась къ двери, загородила ему порогъ, бормоча что-то и увлекая его въ сѣни.

— На минуту! На минуту, товарищъ,—шептала она, повиснувъ у него на рукѣ:—ахъ, мнѣ надо предупредить васъ и рассказать вамъ въ чемъ дѣло.

— Я слушаю,—сказалъ Тумановъ, отступая и съ любопытствомъ вглядываясь въ странную горбунью, давно уже ему извѣстную, но всегда казавшуюся загадочной.

— Заболѣла эта дѣвушка... Понимаете? Та, что приѣхала вчера... Безсонова заболѣла... Сама Безсонова...

— Я слышалъ, что везутъ къ намъ Безсонову. И о прошломъ ея слышалъ немного. Но почему такъ таинственно вы о ней говорите?

— О ней? А какъ же о ней говорить? А, впрочемъ, я другое хотѣла сказать. Ея надо лѣчить, надо спасти... Понимаете? И я думаю, товарищъ, что лѣкарства не помогутъ здѣсь, то есть, если и помогутъ, то не совсѣмъ. Вы, именно вы должны сдѣлать что-нибудь для нея. Только какимъ-то усиленіемъ воли—я думаю вашей воли—можно одолѣть ея болѣзнь.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, — нахмурился Тумановъ.—Вы позволите посмотрѣть больную?

— Можно, можно, конечно!—засуетилась Чарушникова,

не пропуская, однако, доктора въ комнату и даже цѣпко схвативъ его руку костлявыми пальцами.

— Можно, можно, конечно! — повторила она, криво усмѣхаясь:—только она такая... Очаровательная...

— Что такое?—сказалъ Тумановъ:—вы говорите что-то непонятное...

— Ахъ, не уходите! Не уходите!—прошептала Чарушникова, хотя Тумановъ и не собирался уходить. — Нѣтъ, нѣтъ! Вамъ придется выслушать ея сердце... Я боюсь за ея сердце... И вообще... У нея жаръ и бредъ.

И она повлекла доктора къ больной.

Безсонова лежала въ постели, выпроставъ изъ-подъ одѣяла руки, тонкія и блѣдныя. Ея зеленовато-сѣрые глаза были влажны, и на лицѣ то загорался, то угасалъ нѣжный румянецъ.

— Я вамъ доктора привела, очаровательница! Онъ вамъ сердце послушаетъ,—суетилась Чарушникова около больной.

Но Ольга Андреевна безучастно смотрѣла на доктора, не замѣчая его, повидимому.

Тумановъ взялъ руку Безсоновой и вынулъ часы. Нервно и торопливо бился пульсъ больной подъ холодными пальцами доктора. Уже прошло полминуты, уже шестьдесятъ ударовъ насчиталъ Тумановъ, а все еще рука больной была въ его рукѣ и онъ пристально вглядывался въ этотъ профиль египетскій, въ эту корону рыжеватыхъ волосъ и въ эти губы, на которыхъ змѣилась такая непонятная улыбка.

Что-то было мертвое и тяжелое въ этомъ пристальномъ взглядѣ доктора.

— Сердце, сердце ея послушайте!—опять засуетилась Анастасія Дасіевна.

— А не послать ли за Кезельманомъ?—спросилъ нерѣшительно Тумановъ, вставая и отходя отъ постели.

— Что вы! Господь съ вами!—испугалась Чарушникова:—и думать не смѣйте. Я вамъ говорю: только одинъ вы и можете ее спасти!

Больная заметалась въ постели, замѣтивъ доктора и, должно быть, принявъ его за другого.

— Какъ хочешь, Валерій... Мнѣ все равно... Но какіе пустые глаза! Какіе робкіе глаза! Вотъ это ужасно...

Чарушникова, услышавъ эти несвязныя слова, широко открыла и безъ того большіе круглые глаза свои и поспѣшно обратилась къ Туманову:

— Вѣдь, такъ услышишь, пожалуй, чего и слушать не надо...

— Молчаніе страшнѣе словъ, Анастасія Дасіевна, — сказалъ не совѣмъ кстати Тумановъ, отвертываясь и смущаясь почему-то.

— Страшнѣе, страшнѣе! — залепетала Чарушникова.

Тумановъ сѣлъ въ кресло и задумался. И Анастасія Дасіевна присѣла на краешекъ стула и впиалась глазами въ болѣзненное лицо доктора. Онъ не носилъ бороды и усовъ, и отъ этого всѣ морщины, ужъ означившіяся около утомленныхъ губъ, были явственно видны. Вьющіеся свѣтлые волосы, прямой и строгій профиль и прекрасно очерченный ротъ дѣлали лицо его привлекательнымъ. Но что-то мертвое и жуткое было въ его остановившемся взглядѣ. И многіе увидѣвъ эти стальные и уже чуть тусклые глаза, отходили отъ него, шепча: „мертвецъ“...

Иные увѣряютъ, что въ головѣ мертвеца даже погребеннаго, въ гробу, подъ землею, возникаютъ иногда мысли. И насмѣшливо-мрачные философы стараются даже обосновать свое предположеніе „научно“, увѣряя, что подъ влияніемъ процесса разложенія нѣкоторыя клѣтки мозга какъ бы оживаютъ на мгновеніе, и тогда мертвецы что-то вспоминаютъ, и какіе-то обрывки сознанія ведутъ подъ мертвымъ черепомъ свой дикій и ужасный хороводъ. Это, конечно, лишь парадоксъ и горькая шутка—не болѣе. Но у живыхъ мертвецовъ бываютъ порою такія судорожныя движенія въ душѣ, такой хаосъ воспоминаній и предчувствій, что все это очень похоже на могильную фантастику, придуманную невеселымъ насмѣшникомъ.

И нѣчто подобное творилось въ душѣ Туманова, когда онъ сидѣлъ у постели Ольги Андреевны. Ему казалось, что гдѣ-то онъ видѣлъ этотъ египетскій профиль и эту сумашедшую улыбку, но онъ не могъ сообразить, было ли то во снѣ или наяву... Оцѣпенѣніе, въ которое неожиданно впалъ Тумановъ, было похоже на гипнозъ. Какъ будто Анастасія Дасіевна, размахивая своими руками, навѣяла на него сонъ.

Ему мерещилась какая-то шумная толпа въ освѣщенномъ залѣ, тамъ, въ городѣ; онъ слышалъ шелестъ шелка и невѣрныя шаги дамы въ черномъ. Быть можетъ, Безсонова была тамъ? Не она ли прошла тогда мимо него, какъ-то нетвердо ступая, какъ будто не привыкла она ходить по землѣ... „Большая птица съ раненымъ крыломъ“,—подумалъ тогда Тумановъ. Не ея ли это была тонкая рука сжимавшая черный пернатый вѣеръ? Не она ли потомъ возникла передъ нимъ на улицѣ въ синемъ туманѣ, когда оранжевые круги фонарныхъ огней длинною цѣпью протянулись вдоль моста перекинутого черезъ темный каналъ?

Но эта нить воспоминаній оборвалась. Возникли какія-то странныя паутинки мыслей и ощущеній. Неожиданно стала звучать въ душѣ музыка, что-то похожее на вступление къ гайдновской ораторіи „Сотвореніе Мира“—какія-то волокна, протянувшіяся отъ скрипичныхъ струнъ. Голубыя волокна первоначальной туманности закружились, завились въ душѣ доктора. И какъ-то совсѣмъ естественно и обыденно появлялась изъ туманности голова Мяукина, и его большой носъ въ пенснэ киваль, и глазъ шурился, и Мяукинъ говорилъ, говорилъ очень быстро, намекая на какія-то событія. Потомъ исчезъ и Мяукинъ, и только тогда очнулся Тумановъ и увидѣлъ передъ собой лицо Безсоновой.

— Сердце! Сердце ея послушайте, докторъ,—тараторила Чарушникова и тянула Туманова за рукавъ.

Черезъ полчаса, сдѣлавъ необходимыя указанія, докторъ Тумановъ вышелъ изъ стебутовскаго домика.

VII.

Пигасій Ивановичъ проснулся въ одиннадцатомъ часу. Замѣтивъ, что на немъ сапоги и пальто, онъ поморщился кисло, припоминая вчерашнія обстоятельства.

— Матрена Савельевна!—позвалъ онъ тихо, полагая, что жена въ сосѣдней комнатѣ.

— Ея здѣсь нѣту,—отозвался Жмуркинъ:—просыпаться пора...

— Испить бы,—пробормоталъ Хивринъ стыдливо.

Онъ съ трудомъ поднялъ голову, спустилъ ноги съ постели и побрелъ въ мастерскую.

Жмуркинъ сидѣлъ на столѣ, по-турецки, и шилъ сюртукъ. Очки, спустившіеся на кончикъ носа, придавали ему видъ сосредоточенный и важный. Демьянъ Кассьяновичъ Жмуркинъ былъ человѣкъ серьезный: онъ чрезвычайно уважалъ науку, понимая, впрочемъ, ее на особый ладъ. Любилъ онъ всѣ житейскія дѣла объяснять „научно“, „согласно даннымъ естествознанія“.

И на этотъ разъ онъ былъ вѣренъ себѣ и сказалъ угрюмо, поправивъ очки на носу и гнѣвно посмотрѣвъ на товарища:

— Алкоголь размножаетъ въ животѣ микробы. Отъ этихъ микробовъ бываетъ внутреннее воспаление и перерождается сѣрое вещество мозга. Въ результатъ человѣческія функціи бываютъ неисправны. Вы, Пигасій Ивановичъ, являетесь, такъ сказать, живымъ экспериментомъ въ этомъ родѣ.

— А Матрена Савельевна гдѣ?—спросилъ Хивринъ, не возражая на рѣчь товарища.

— Мы съ вами, слава Богу, не мистики, — сказалъ строго Жмуркинъ:—что незримо, значить, того и нѣту. Изъ ничего ничего не бываетъ. Отсутствие Матрены Савельевны научный фактъ.

— А гдѣ-же спала Матрена Савельевна?—недоумѣвалъ Хивринъ.

— Наука недостаточно точно изслѣдовала женскую психологію, — замѣтилъ Жмуркинъ, не желая, повидимому, отвѣчать прямо на вопросъ Пигасія Ивановича: — однако есть основаніе думать, что особы женскаго пола склонны къ фантастическому, подобно дѣтямъ и стихотворцамъ. Впрочемъ, революціонеру не слѣдуетъ унывать ни при какихъ семейныхъ невзгодахъ.

Сообразивъ что-то и багрово покраснѣвъ, Хивринъ стукнулъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Жена мнѣ Матрена или не жена? Откровенно говоря, Демьянъ, я въ этомъ дѣлѣ предчувствую подлость.

Жмуркинъ нахмурился и нехотя возразилъ:

— Нарушеніе нашихъ интересовъ—результатъ классовой борьбы. Общія условія буржуазнаго общества оказали вредное вліяніе на половыя отношенія. Я до сихъ поръ, кстати сказать, не пилъ чаю. Касательство къ самовару была ежедневная функція Матрены Савельевны.

— Я ей покажу кузькину мать, когда она вернется,— процѣдилъ сквозь зубы Хивринъ, влѣзая на столъ и усаживаясь на немъ по примѣру Жмуркина по-турецки.

— Къ вамъ можно, товарищи? — прогремѣлъ чей-то басъ въ сѣняхъ.

На порогѣ стояла Агриппина Аванасьевна Пуговкина.

— Я сейчасъ была въ серапіоновской лавкѣ, мыло тамъ покупала,—сказала Пуговкина, усаживаясь на табуретъ и снимая пляпку: — а не зайти ли мнѣ, думаю, къ Коробанову, и зашла...

— Ну, и что-жъ?—спросилъ Хивринъ, нахмурясь.

— Видѣла супругу вашу,—сказала Пуговкина:—они тамъ вдвоемъ гнѣздо вьютъ. Идиллія!

— То есть какъ-же это—гнѣздо?

— Да вы что? Въ самомъ дѣлѣ не понимаете?—пробасила Пуговкина, изумляясь.

— Безмѣрное употребленіе алкоголя ослабило умствен-

ныя способности Пигасія Ивановича,—замѣтилъ Жмуркинъ.

— Признаюсь, я этого не ожидалъ,—молвилъ угрюмо Хивринъ, слѣзая со стола: — что-жъ вы мнѣ посовѣтуете, Агриппина Аѳанасьевна?

— Посовѣтую не бабиться и не хныкать. Женщина, надѣюсь, не раба. А насильно милъ не будешь. Я идиллій не люблю, но если господину Коробанову и вашей супругѣ угодно влюбляться, это ихъ частное дѣло. Не правда ли, товарищъ Жмуркинъ?

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ нерѣшительно Демьянъ Кассьяновичъ,—только я думаю, что и въ этомъ дѣлѣ надлежало посовѣтоваться съ колоніей.

— Ну, нѣтъ!—захохотала Пуговкина:—если я за кого замужъ пойду, у колоніи разрѣшенія не стану брать.

— Нѣтъ, какъ же это?—сказалъ Хивринъ, недоумѣвая:—ежели жениться на дѣвицѣ, это одно дѣло, а то вѣдь это иной фасонъ, когда мужняя жена... Нѣтъ, извините, здѣсь дѣло общественное... Я заявлю Гаврилъ Михайловичу.. Товарищи! Обратите ваше вниманіе! Революціонеры мы или буржуи? Я этакое дѣло оставить не могу, Агриппина Аѳанасьевна, какъ вамъ будетъ угодно.

— Да мнѣ-то что! — пробасила Пуговкина сердито: — дѣлайте, что хотите. Я, собственно, не къ вамъ пришла, а къ Туманову. Лѣчиться хочу. Онъ хотя и романтикъ, а докторъ великолѣпный. У меня ревматизмъ, кажется...

— Туманова дома нѣту,—сказалъ Жмуркинъ, взглянувъ на Пуговкину исподлобья: — за нимъ Чарушникова присылала: больна эта... Какъ ее? Безсонова что-ли?

— Безсонова заболѣла! Вотъ еще новости... Пойду-ка я туда—про все узнаю и съ Тумановымъ посовѣтуюсь.

И, надѣвъ шляпу, помчалась Пуговкина дѣлать третій утренній визитъ свой.

Богданъ Юрьевичъ Тумановъ женился на Лидіи Николаевнѣ въ 1898 году. Было ей тогда шестнадцать лѣтъ, а ему двадцать шесть. Происхожденіе Лидіи Николаевны было темное и загадочное. Воспитывалась она у старой княжны Уховой, въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, въ барскомъ домѣ, при Екатеринѣ построенномъ, недалеко отъ Крестовоздвиженской церкви. Лидія Николаевна сама не знала, при какихъ обстоятельствахъ попала она къ княжнѣ Уховой, да и княжна, кажется, не могла припомнить, какъ это случилось. Лидочка училась въ частномъ пансіонѣ, а когда ей было четырнадцать лѣтъ, пришлось пригласить къ ней студента для занятій по математикѣ, потому что къ этой наукѣ Лидочка была неспособна и одна никакъ не могла справиться съ уроками алгебры.

Репетировалъ ее въ это время Тумановъ, а черезъ два года онъ женился на своей ученицѣ.

Началась любовь Лидочки къ Туманову нѣсколько странно. Дѣвочка боялась своего учителя и трепетала передъ нимъ, какъ передъ существомъ необыкновеннымъ и таинственнымъ. Вотъ этотъ трепеть и плѣнилъ, должно быть, Туманова. И у Лидочки чувство страха сочеталось какъ-то съ чувствомъ обожанія. Вскорѣ дѣвочка, кстати сказать, не зная тайны отношеній между мужчиною и женщиною, подчинилась Туманову всецѣло и безгранично. Тумановъ увезъ Лидочку и противъ воли старой княжны съ нею повѣнчался. Поцѣлуи и объятія Туманова странно повліяли на эту женщину-ребенка. Въ первые же дни замѣтилъ Тумановъ, что съ Лидочкою что-то случилось—не то, чтобы она сошла съ ума, но какъ-то необычно стала она смотрѣть на людей и на міръ: какъ будто бы не взрослою стала она, а, напротивъ, вернулась къ дѣтскому первоначальному пониманію окружавшей ее жизни. Тумановъ не пытался воспитывать ее на иной ладъ. Впрочемъ, она неизмѣнно его

любила. Годъ они прожили за границей, а въ началѣ 1902 года его арестовали и сослали въ Сибирь. Она, конечно, добровольно за нимъ послѣдовала.

Когда за Тумановымъ прибѣжала дѣвченка-якутка и повела его въ стебутовскій домикъ къ Безсоновой, Лидія Николаевна лежала еще въ постели, у себя въ комнатѣ. Въ девять часовъ пришла по обыкновенію стряпуха отъ Серапіоновыхъ и поставила самоваръ.

Лидія Николаевна встала, надѣла, какъ всегда, сарафанъ, напилась чаю и сѣла за пяльцы вышивать гладью по шелку. На рукодѣлье она была мастерица. Дивные узоры умѣла она составлять, подбирая искусно цвѣтныя шелка.

Она сидѣла надъ пяльцами, какъ сказочная царевна, русокудрая, голубоглазая, съ тихимъ румянцемъ на лицѣ. Ея полный станъ легко склѣнялся надъ шелковой тканью; пальцы ловко и проворно играли иглою; она пѣла, не смущаясь тѣмъ, что голосъ былъ у нея небольшой; она пѣла пѣсеню старинную напѣвомъ стариннымъ:

«Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца,
Не красенъ день безъ солнышка»...

Когда Тумановъ вернулся домой, она встрѣтила его улыбкою:

— Здравствуйте, Богданъ Юрьевичъ. Какъ чувствуетъ себя ваша больная? Что такое за болѣзнь у нея?

— Здравствуйте, Лидія Николаевна,—сказалъ Тумановъ почтительно и нѣжно, какъ онъ всегда съ нею говорилъ:—больная моя чувствуетъ себя худо, а какая у нея болѣзнь трудно еще опредѣлить—воспаленіе легкихъ, быть можетъ.

— Нравится вамъ этотъ узоръ, Богданъ Юрьевичъ?—спросила Лидія Николаевна, поднявъ на мужа свои огромныя, внутреннимъ свѣтомъ освѣтленные глаза.

— Очень нравится. Только мнѣ кажется, вотъ эти листы ки должны быть темнѣе: тогда гармонія будетъ пріятнѣе.

— Вѣрно! Вѣрно... Ахъ, какой у васъ тонкій вкусъ, Богданъ Юрьевичъ.

Тумановъ прошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ, было, за письменный столъ, но Лидія Николаевна неожиданно опять его позвала. Такая необыкновенная настойчивость удивила Туманова.

— Что вамъ угодно, Лидія Николаевна?—спросилъ онъ, подойдя къ ней.

Онъ стоялъ съ перомъ въ рукѣ, какъ человѣкъ занятый дѣломъ, готовый вернуться къ работѣ при первой возможности.

— Какъ зовутъ вашу больную, Богданъ Юрьевичъ?—спросила Лидія Николаевна, улыбаясь попрежнему свѣтло и невинно.

— Ольгой Андреевной зовутъ ее. А фамилія ея—Безсонова. Вы почему про нее спросили, Лидія Николаевна?

— А сама не знаю. Она молоденькая?

— Она древняя, какъ Сивилла,—сказалъ задумчиво Тумановъ:—то-есть, простите меня, я не то говорю, что надо:—двадцать два года ей, кажется...

— Древняя! Ахъ, какъ вы насмѣшили меня, Богданъ Юрьевичъ... Безсонова... Вы сказали, Безсонова? Къ чему это я? Да вотъ фамилія ея мнѣ напомнила, что я сонъ чудной сегодня видѣла.

— Какой сонъ?

— Да вотъ, будто-бы я въ полѣ стою, во ржи. И будто полдень, жарко мнѣ очень. И слышу меня голосъ кличетъ по имени...

Лидія Николаевна замолчала и какъ-то ужъ очень простовато посмотрѣла на Туманова своими изнутри освѣтленными глазами.

— Я слушаю васъ, Лидія Николаевна,—сказалъ Тумановъ, наклонивъ голову.

— Такъ вотъ, говорю, голосъ меня кличетъ: „Лидія! Лидія!“ а я будто бы сама себѣ говорю: „Схоронись! Схоронись!“—Прикорнула я во ржи—а рожь-то спѣлая, наливная,

золотая—лежу недохну. И слышу, телѣга ѣдетъ, напрямикъ по ржи, мнетъ ее, и вижу въ телѣгѣ двое, а лицъ не видно; скачетъ лошадь большая, съ глазами красными, прямо на меня; и будто бы Богданъ Юрьевичъ, телѣга меня колесомъ задѣла, тяжелымъ такимъ, на грудь прямо, на сердце—и потомъ дальше по ржи опять. И увидѣла я въ ту минуточку, что у тѣхъ, кто въ телѣгѣ сидѣлъ, совсѣмъ лицъ не было, такъ бѣлое что-то, вродѣ бумаги. А я жива и думаю: „Слава Тебѣ, Христось, Сыне Божій“... Тутъ я и проснулась.

Лидія Николаевна тихо размѣялась и опять сказала, заглядывая простодушно въ глаза Туманова:

— А я жива и думаю: „Слава Тебѣ, Христось, Сыне Божій“...

— А тѣ двое, что въ телѣгѣ сидѣли... Вы ихъ такъ и не узнали?—спросилъ Богданъ Юрьевичъ какъ-то невесело.

— Не узнала. И сейчасъ не знаю...—опять засмѣялась Лидія Николаевна.

— У тѣхъ двухъ совсѣмъ лицъ не было, такъ только—бѣлое что-то, вродѣ бумаги,—повторилъ Тумановъ.

Слегка склоняя надъ пальцами свою русую голову, перебирая шелкъ нѣжными руками и простовато улыбаясь, сидѣла Туманова, въ своемъ голубомъ сарафанѣ, какъ царевна прекрасная.

IX.

Прошумѣла недолгая приленская весна—и свѣжа была еще память о лютыхъ морозахъ, когда уже лѣтнее солнце высоко подняло въ небѣ свой золотой слѣпительный щитъ. И вотъ уже въ городѣ, изрытомъ оврагами, не осталось нигдѣ зимняго снѣга—ни даже въ самыхъ низкихъ и укрытыхъ отъ яркихъ лучей мѣстахъ.

Но подъ землю, на глубинѣ двухъ аршинъ, лежалъ извѣчный ледяной пластъ и влага питала жаркую кору земную, и черная разомлѣвшая почва рождала обильно злаки

и тайга принадлежала къ матери своей, и весь этотъ смольный міръ былъ дивенъ и благоуханенъ.

А въ городѣ попрежнему возвышались мрачно бревенчатая башни казацкія, а вокругъ нихъ горбатые домишки жались къ землѣ, ютятся одинъ къ другому, хороня въ ветхихъ горницахъ свою старую тоску. Лишь домъ Серапионова, да Епанчевка, да губернаторскій особнякъ — всѣ двухэтажные — подымали свои кровли и какъ бы смотрѣли поверхъ городской мелкоты на рѣчную даль, откуда могъ прійти пароходъ, хотя и до смѣшного малый, однако все же пароходъ и притомъ съ вѣстями изъ восточно-сибирской столицы — Иркутска.

Дико, глухо и жарко синѣло нѣмое небо надъ пустыней, возставшей, наконецъ, отъ зимней могилы, чтобы шесть — восемь недѣль дышать лѣниво, что-то припоминая смутно, прислушиваясь къ вздохамъ тайги и ропоту ленскихъ водъ.

А въ колоніи суетились люди, какъ муравьи, и каждая вѣсть изъ Россіи, какъ палка, сунутая въ муравейникъ, всѣхъ тревожила, и возникали смутные помыслы, тщетныя надежды, больныя страсти, и воля, то праведная и слѣпая, то грѣшная и зрячая, куда-то влекла этихъ людей, заброшенныхъ судьбою въ таежныя дебри.

Ссылкою правилъ Вереевъ. Это его голосъ, какъ стукъ стали машинной, звучалъ внятно, и крѣпко, и звонко, заглушая всѣ голоса; это онъ распредѣлялъ съ изумительною справедливостью деньги изъ товарищеской кассы; это онъ предсѣдательствовалъ на сходкахъ, приводя въ порядокъ всяческіе споры и препирательства; это онъ, наконецъ, зналъ рѣшительно все, въ немъ, какъ въ словарѣ энциклопедическомъ, были запасы неистощимые всевозможныхъ свѣдѣній, — и на все у него былъ точный отвѣтъ и до послѣдняго времени убѣдительный для большинства, на которое онъ увѣренно опирался. И лицо у него было красивое, умное, строгое и важное. И въ глазахъ его не сіяли тревожные огни, какъ у иныхъ. Работалъ онъ ежедневно въ

опредѣленные часы, занимался гимнастикой, писалъ корреспонденціи въ изданія легальныя и нелегальныя и сочинялъ книгу подъ названіемъ: „Опытъ научнаго анализа экономической структуры инородческихъ общинъ Амгинско-Ленскаго плоскогорья на основаніи статистическихъ данныхъ Я-скаго Областного Правленія, а также частныхъ изысканій и наблюденій“.

Старые народовольцы удивлялись, глядя на такого самоувѣреннаго и себя безмѣрно уважающаго руководителя молодежи, на такого побѣдителя въ спорахъ, на такого дѣятеля партійнаго, удивлялись и уважали, но тайно не очень любили: имъ все хотѣлось воскресить прежній духъ бунтарства, заговора и любви къ крестьянству... Но старики должны были склонить свои головы передъ научностью вереевскихъ положеній. И они склоняли сѣдины—не безъ ропота, однако.

Еще болѣе дивились они на Мяукина, съ которымъ все еще длился споръ у Вереева. Какъ ни обожали старики своего идола—русскаго мужика, все же не рѣшались его именовать—божественнымъ. А Мяукинъ смѣло приписывалъ своему пролетарію всѣ атрибуты абсолюта. У Мяукина были поклонники. Когда онъ становился на цыпочки, какъ бы танцую, и поблескивало его летучее пенснэ на длинномъ носу съ крупными каплями пота на немъ, не мало товарищей слушало его рѣчи, разиня ротъ.

Изъ дома въ домъ носилась на своихъ черныхъ крыльяхъ Чарушникова; все ночное и тайное видѣла она своими совиными глазами; какія-то волнующія вѣсти она приносила; какія-то вѣщія слова произносила, пугая суевѣрныхъ сердца.

И кто-бы могъ подумать, что въ ссылкѣ, куда идутъ, какъ извѣстно, самые передовые и самые насмѣшливые атеисты, можетъ возникнуть духъ суевѣрія и духъ смутныхъ предчувствій. Но это было такъ. Все трезвое „вереевское“, все точное, какъ ариѳметика, неожиданно испепелялось, исчезало и какъ-то пропадало въ таежной мглѣ. И

всѣ умныя, благоразумныя и ясныя слова худо звучали въ это недоброе время.

Прошло нѣсколько дней, а уже совершилось немало событій въ колоніи. То, что Матрена Савельевна ушла отъ Хиврина къ Коробанову, обсуждалось всѣми, какъ дѣло общественное и до всѣхъ касающееся. А партійныя разногласія при такого рода обстоятельствахъ все равно, что масло въ огонь. Хивринъ былъ социаль-демократомъ, а Коробановъ прежде былъ народовольцемъ, а потомъ, въ ссылкѣ, называлъ себя социалистомъ-революціонеромъ, примѣняясь къ современности. Ссылные раздѣлились: одни были за Хиврина, а другіе за Коробанова. Всѣ чувствовали, что здѣсь пахнетъ товарищескимъ судомъ; иные даже тосковали, изнемогая отъ желанія кого-нибудь судить. Впрочемъ, всѣ недоумѣвали, какъ надо приняться за это дѣло. Никто еще не рѣшился громко требовать суда надъ Коробановымъ. Фельдшерица Пуговкина ходила, однако, по знакомымъ и гремѣла басомъ о томъ, что судить никакъ нельзя за такое дѣло, но было видно, что ей самой хочется, чтобы судъ былъ, и ея рѣчи соблазняли товарищей и вовсе не отвращали отъ желанія покопаться въ душѣ ближняго.

А тутъ еще возникли и другія сплетни, пожалуй, болѣе ядовитыя и очень занимательныя для всей разноликой ссылки. Болѣзнь Безсоновой; то, что Тумановъ ежедневно бывалъ у нея; многозначительныя и загадочныя словечки Чарушниковой—все давало поводъ къ странному злословію. Казалось-бы, дѣло естественное, что врачъ навѣщаетъ больную, однако, это всѣхъ смущало почему-то.

Многія ссылныя дамы приходили теперь подъ разными предлогами къ Лидіи Николаевнѣ и, любуясь ея вышиваньемъ, вели съ нею бесѣды на тему о вѣрности и коварствѣ, намекая иногда очень прозрачно на подозрительное будто бы поведеніе Богдана Юрьевича, а, главное, на дурную репутацію Безсоновой. Но Лидія Николаевна никакихъ намековъ не понимала и попрежнему изнутри освѣт-

ленными глазами своими смотрѣла на міръ съ ребяческою простотою.

— Идіотка! Идіотка! — шептали кумушки, уходя разочарованныя изъ тумановской квартиры.

— Вырядилась въ сарафанъ, какъ боярышня, и сидитъ дура душой.

— Веселая, румяная, толстая, и ничего понимать не желаетъ!

— А замѣтили, какіе у нея глаза! Круглые и свѣтлые, какъ у овцы, право...

И всѣ шептали, взыхая и качая головой:

— Идіотка! Идіотка!

И всѣ плели и плели сплетни, къ лепету прислушиваясь Чарушниковой, шелестъ шепотливыхъ ея рѣчей толкуя по-своему. И вся эта суета возникала и длилась, несмотря на то, что вѣсти, приходившія изъ Россіи, были необычайны. Телеграмма о Цусимскомъ боѣ пришла въ городъ одновременно съ письмомъ объ апрѣльскомъ заграничномъ съѣздѣ делегатовъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, о неясномъ еще для ссыльныхъ расколѣ партіи на „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“; съ каждой почтой приходили извѣстія потрясающія, и, наконецъ, прочли ссыльные невѣроятныя сообщенія о событіяхъ въ Одессѣ и о „Князѣ Потемкинѣ“.

Всѣ говорили, что это начало конца, что революція побѣждаетъ, ждали съ нетерпѣніемъ извѣстія объ Учредительномъ Собраніи, мечтали о томъ, какъ ихъ, ветерановъ, встрѣтитъ восторженно освобожденный народъ...

Но будни будили ихъ, возвращая къ повседневности, и отъ бездѣлія и скуки опять принимались плѣнники перемывать косточки безъ вины виноватыхъ.

Устраивали товарищи время отъ времени пирушки—теперь ужъ не въ Епанчевкѣ, а на заимкахъ, на берегу Лены, гдѣ встрѣчали водкою золотыя ночи.

На небѣ лѣтнія зори томились и тлѣли и волны ленскія неустанно роптали—пѣли. И ели зубчатыя, какъ въ

сказкѣ, чернѣли, хороня за узорною своею стѣною Богъ знаетъ какія глухія тайны, Богъ знаетъ какую красу, вѣдомую не имъ, имъ—товарищамъ, а мудрымъ шаманамъ, издавна побратавшимся съ таежнымъ дивомъ.

Х.

Тщетно Крушинскій старался проникнуть къ больной Безсоновой. Дверь ея комнаты, какъ драконъ, охраняла Чарушникова. А если она отлучалась, старуха-якутка, по порученію горбуни, сторожила запретный порогъ.

Возвращался Крушинскій домой опечаленный, но тотчасъ-же возникали передъ нимъ и смѣялись и подмигивали глаза Волкова, какъ будто что-то общая. Волковъ приходилъ съ картами, книгами и рукописными словарями. Неугомонное сердце влекло его въ таежную пустыню, въ дикія алданскія горы... Онъ соблазнялъ товарища золотомъ.

Крушинскій былъ молодъ: ему хотѣлось путешествовать, искать опасности и славы, но онъ не рѣшался оставить Безсонову и все надѣялся на ея взаимность. Онъ даже сталъ писать стихи, гдѣ называлъ Безсонову валькирией. Для него дни протекали медленно.

Наконецъ, однажды удалось ему проникнуть къ ней, подкупивъ якутку. Ольга Андреевна уже сидѣла въ креслѣ, но блѣдныя и худыя руки, бессильно упали на ея колѣни; лихорадочный блескъ, сіявшій изъ глубокихъ впадинъ глазъ, и увядшія губы—все обличало въ ней болѣзненную слабость.

Крушинскому было неловко, что онъ молодъ и здоровъ, что у него сильныя красныя руки и широкія плечи.

— Почему-же вы не ѣдете на Алданъ? — спросила Ольга Андреевна, стараясь улыбнуться.

— Вы знаете, почему,—сказалъ Крушинскій мрачно:— Вы знаете, почему... Я люблю васъ. Я не могу безъ васъ жить.

Но Ольга Андреевна разсѣянно слушала молодого человека. Онъ рѣшился стать на колѣни и прижался губами къ черному платку, которымъ закутаны были ея ноги.

— Что вы! Что вы! Зачѣмъ?—засмѣялась Безсонова:— Ахъ, не подѣ силу вамъ любить меня... Я такая старая, такая усталая... А вы... А вамъ путешествовать надо...

Крушинскій обидѣлся, покраснѣлъ и всталъ, не зная, что дѣлать.

Ольга Андреевна смотрѣла на его колѣни, запачканныя теперь сѣрою пылью, и смѣялась.

Къ досадѣ Крушинскаго, явилась вдругъ Чарушникова и набросилась на него.

— Кто васъ пустилъ сюда? Развѣ можно беспокоить больную! Какъ вамъ не стыдно, молодой человекъ! Мы едва выходили нашу очаровательницу. Вѣдь, она на краю могилы была... А вы тутъ съ глупостями, съ объясненіями въ любви...

— Позвольте! Вы не имѣете права,—смутился Крушинскій:—и кто вамъ сказалъ, что я объяснялся въ любви?

— А это что?—засмѣялась Чарушникова, указывая на предательскія сѣрыя пятна на колѣняхъ молодого человека:—извольте итти домой!

И Чарушникова, уцѣпившись за рукавъ Крушинскаго, потащила его къ порогу и, слегка толкнувъ, захлопнула за нимъ дверь.

На улицѣ около Стебутовскаго домика онъ встрѣтилъ Пуговкину. Агриппина Афанасьевна спѣшила къ Безсоновой, „поговорить о Коробановскомъ дѣлѣ“, но, узнавъ отъ Крушинскаго, что тамъ Чарушникова и что еще никого не пускаютъ къ больной, она увязалась за молодымъ человекомъ и тотчасъ же принялась сплетничать.

— Коробановъ, знаете ли, такъ влюбленъ, что по разсѣянности серапіоновскую машину испортилъ. Вотъ ужъ три дня не работаетъ. Купецъ рветъ и мечетъ. А старикъ нашъ и ухомъ не ведетъ. Сидитъ на диванѣ по цѣлымъ днямъ. Матрена Савельевна у него на колѣняхъ, знаете ли.

И оба пряники ѣдятъ. Срамъ! Я, впрочемъ, думаю, что судить ихъ нѣтъ основанія. Я, Крушинскій, нищепанка и для меня не существуетъ этакихъ моральныхъ запретовъ. Въ нашъ вѣкъ надо быть по ту сторону добра. Не правда ли, товарищъ?

— Да... Да...—сказалъ Крушинскій, худо соображая, о чемъ болтаетъ Пуговкина:—Да... Да... По ту сторону добра... Только по моему, Агриппина Афанасьевна, эта самая Чарушниковна не имѣетъ никакого права такъ распоряжаться. Почему она не пускаетъ къ Ольгѣ Андреевнѣ? Туманова, вѣдь, она пускаетъ?..

— Знаю, знаю! Все знаю!—забасила Пуговкина:—Только и въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія для суда...

— Позвольте! Но кто говоритъ о судѣ? — изумился Крушинскій.

— Какъ кто?—неожиданно обидѣлась Пуговкина: — а вы про что-же говорите? Всѣ говорятъ, что поведеніе Безсоновой предосудительно...

— Однако-жъ это странно. Я, право, не понимаю...

— Не понимаете, потому что молоды,—отрѣзала фельдшерница, усмѣхаясь:—дѣло ясное. Этотъ вашъ Тумановъ довель свою жену Богъ знаетъ до чего. Я у нея третьяго дня была. Она совсѣмъ идиоткою стала: на пальцахъ шелками покровъ какой-то для церкви вышиваетъ. Тоже хороша! Ахъ, ужъ эти добровольно-слѣдующія! Да и вообще бабы! Не люблю бабъ... Да и Безсонову эту. А вы ничего не знаете про документъ?

— Какой документъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что я сама не знаю, какой и у кого онъ въ рукахъ. Знаю только, что есть такой документъ, и отъ него все зависитъ.

— Что же зависитъ, Агриппина Афанасьевна? Я понять не могу.

— Я сама не знаю. Секретъ большой,—шептала Пуговкина, наклоняясь къ самому уху Крушинскаго:—одно

только знаю, что документъ этотъ большой важности и что въ этой исторіи Безсонова замѣшана.

— Неужели и вы не могли узнать, въ чемъ дѣло?

— Не могла. Я у Вереева была, у Прилуцкаго была, стариковъ нашихъ всѣхъ обѣгала. Никто не знаетъ. И Жмуркинъ не знаетъ. А Хивринъ съ утра до ночи пьянъ: съ нимъ разговаривать невозможно. Вотъ развѣ Мяукинъ знаетъ. Только онъ такое поетъ, что уши вянутъ: я ничего понять не могла. Дегенератъ какой-то... А все-таки у него заднія мысли есть. Я не удивлюсь, ежели документъ у него-то именно и окажется...

— Ахъ, и я скоро сойду съ ума, — сказалъ Крушинскій, негодуя:—вокругъ бедламъ какой-то...

— Бедламъ! Бедламъ!—согласилась Пуговкина и стремглавъ бросилась на другую сторону улицы, увидя Туманова.

Но Тумановъ такъ сосредоточенно о чемъ-то думалъ, что не слышалъ, какъ позвала его зычнымъ басомъ взволнованная Пуговкина. Не оглядываясь, онъ шелъ куда-то, и даже Пуговкина не рѣшилась его преслѣдовать.

— Крушинскій! Крушинскій!—крикнула она.

Но молодой человѣкъ повернулъ уже за уголъ и тоже спѣшилъ уйти.

— Въ самомъ дѣлѣ бедламъ какой-то,—гнѣвно замѣтила дородная дѣвица и стала соображать, куда бы теперь пойти поболтать о послѣднихъ событіяхъ.

XI.

Тумановъ самъ не замѣтилъ, какъ очутился въ заколдованномъ кругѣ. Иначе онъ не умѣлъ назвать то, что было у него въ душѣ и вокругъ него. Теперь ему казалося, что вся его прежняя жизнь была лишь предвареніе настоящей жизни. Его отношеніе къ Лидіи Николаевнѣ, его занятія наукою и годы ссылки—все это было лишь первоначаль-

ный опытъ, а то, что онъ чувствовалъ теперь, былъ опытъ предпоследній... Вотъ еще немного дней, немного сновидѣній, и вотъ, наконецъ, придется отвѣчать—кому? И что за вопросы ему поставятъ?

Тумановъ прекрасно понималъ, что онъ дурной чело-вѣкъ, что ни воли, ни смѣлости, ни даже способностей настоящихъ въ немъ нѣтъ, и что шопотъ, который онъ слышалъ у себя за спиною, совсѣмъ не злая шутка, а простая и суровая правда.

— Мертвецъ! Мертвецъ!

Онъ и самъ себя называлъ мертвецомъ, ломая по ночамъ свои пальцы въ отчаяніи, холодномъ и безысходномъ. Что даетъ ему право такъ свысока смотрѣть на товарищей? Откуда эта нелѣпая мысль о превосходствѣ? Неужели эти сны на-яву могутъ оправдать такое надменное отношеніе къ міру?

А, можетъ быть, эти сны на-яву совсѣмъ не откровеніе и ничего нѣтъ въ нихъ подлиннаго? А, можетъ быть, это „явленіе психопатологическое“? „Такая мысль болѣе, чѣмъ вѣроятна“,—думалъ докторъ Тумановъ, изнемогая въ злой и мучительной тоскѣ.

— Мертвецъ! Мертвецъ!

Этотъ шопотъ чудился ему повсюду, и онъ не смѣлъ оглянуться, увѣренный, что чьи-то неживыя губы въ самомъ дѣлѣ шепчутъ могильныя слова.

Ахъ, какъ пугали и влекли его сны на-яву. Вся его жизнь подчинялась для другихъ невидимымъ, а для него зримымъ видѣніямъ,—беззвучнымъ, а для него внят-нымъ голосамъ. Онъ и самъ не понималъ, что значить это вліяніе таинственныхъ силъ. Онъ и вѣрилъ и не вѣрилъ въ то, что онѣ существуютъ внѣ его. Повседневность казалась ему всегда значительной не сама по себѣ, а по тому, что было въ ней условнаго: всѣ вещи, поступки, лица были для него лишь знаками, іероглифами,—и порою онъ какъ будто угадывалъ сокровенный смыслъ обыденнаго. Но Тумановъ сознавалъ, что этотъ странный опытъ убиваетъ его.

Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, неготовымъ его принять и онъ шепталъ въ отчаяніи:

— Мертвецъ! Мертвецъ!

Не потому ли теперь чувствуетъ онъ влеченіе къ Безсоновой? Она, вѣдь, тоже принесла въ міръ что-то могильное... А Лидія Николаевна? Живая ли она? И онъ отвѣтилъ увѣренно:

— Мертвая! Мертвая!

Онъ самъ убилъ ее, когда она съ изумленіемъ и страхомъ глядѣла ему въ глаза и слабо отталкивала его своими тогда еще худенькими дѣтскими руками. Онъ убилъ этого ребенка жестокими поцѣлуями. И то, что они теперь вмѣстѣ, развѣ это не казнь для него? Его любовь похожа на пытку. Дни, долгіе дни, видѣть эту безмысленную улыбку, эти святые глаза—развѣ это не могильная любовь?

И всѣ эти сны на-яву въ сущности воспоминанія о гробахъ или объ одномъ гробѣ. Тумановъ никогда не могъ, какъ слѣдуетъ, сознать то, что онъ называлъ снами на-яву. Онъ только твердо зналъ, что это какъ-то связано съ женственнымъ, но какъ именно, онъ не зналъ и боялся больше всего вотъ этого женственнаго. Онъ чувствовалъ, что его опутываетъ какая-то голубая паутина, но тончайшія нити крѣпче желѣза и порвать ихъ невозможно. И ему страшнѣе былъ этотъ голубой плѣнь.

— Воспоминаніе объ одномъ гробѣ!

„Вотъ въ чемъ смыслъ и тайна моей жизни“,—думалъ Тумановъ.

Онъ вспомнилъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, стоя на берегу Лены, онъ обратилъ вниманіе на голубую мглу, завѣсившую одинъ изъ ближайшихъ острововъ. Почему-то эта туманная завѣса показалась ему особенной. И нѣсколько мгновений онъ былъ увѣренъ, что за этою завѣсою таится нѣчто небывалое, что надо спѣшить туда, что можно еще спасти кого-то, кто погибаетъ сейчасъ.

Ему представилось, наконецъ, что тамъ стоитъ гробъ, а въ гробу спитъ дѣвушка и надо разбудить ее.

Тумановъ прекрасно сознавалъ, что это сумасшедшая мысль, однако, онъ бросился тогда искать лодочника... Онъ случайно ни одного не нашелъ въ тотъ часъ, но, вѣдь, онъ могъ найти. Что-же тогда? Онъ поѣхалъ бы въ лодкѣ на этотъ пустынный островокъ?

— Это болѣзнь! Болѣзнь!—шепталъ тихо Тумановъ.

Однажды къ нему пришелъ Мяукинъ. Это было неожиданное посѣщеніе. Онъ вошелъ на цыпочкахъ, кланаясь и присѣдая, съ обычными ужимками, роняя пенснэ и снова его лоя своими обезьяньими руками, которыя всегда были у него выставлены впередъ, несоразмѣрно большія, съ длинными цѣпкими пальцами.

Лидія Николаевна вышла къ нему. Они встрѣтились въ первый разъ и, кажется, произвели другъ на друга нѣкоторое впечатлѣніе. Она поразила его своимъ боярскимъ костюмомъ, лебединою плавностью жестовъ и необщимъ выраженіемъ лица. Онъ показался ей занятымъ, и ей хотѣлось успокоить какъ-нибудь этого вертляваго человѣка, но онъ—юркій и неугомонный—продолжалъ суетиться и болтать. И ея старанія были тщетны.

— Богданъ Юрьевичъ выйдетъ сейчасъ,—сказала Лидія Николаевна, разглядывая незваннаго гостя:—а вы подождите, присядьте... Ахъ, Господи! Да зачѣмъ вы такъ ногами сѣмените? Это вы всегда такъ?

— Всегда! Всегда!—всплеснулъ руками Мяукинъ, снова вскакивая со стула, на который онъ присѣлъ было:—Это у меня съ дѣтства такая привычка! Вы смѣетесь? А я, вы знаете, даже культивирую эти мои движенія. Вы замѣтили, они ритмичны? Ритмъ—это альфа и омега мірозданія, увѣрю васъ. И тѣло, и душа должны ему подчиняться... Въ будущемъ социалистическомъ обществѣ всѣ будутъ двигаться не иначе, какъ такъ вотъ... Какъ бы танцуя...

И Мяукинъ прошелся по комнатѣ, приплясывая.

— Обратите вниманіе, Лидія Николаевна... Я такъ развилъ въ себѣ ритмическое чувство, что могу одновременно

рукою вести счетъ въ четыре четверти, ногою въ три четверти, а головою въ двѣ. Не угодно ли посмотрѣть?

Ставъ передъ Лидіей Николаевной, Мяукинъ замоталъ головою, замахалъ рукою и затопалъ ногою точно такъ, какъ обѣщалъ, и не спуталъ, не сбился, чѣмъ весьма удивилъ Лидію Николаевну.

Въ это время вошелъ Богданъ Юрьевичъ.

Топнувъ еще раза три, Мяукинъ остановился и, уронивъ пенснэ, сказалъ съ достоинствомъ:

— Совѣтую и вамъ, Богданъ Юрьевичъ, заняться ритмическою гимнастикой. Въ будущемъ социалистическомъ обществѣ это понадобится очень и очень...

Тумановъ молча указалъ ему на стулъ и самъ сѣлъ.

— Вы удивлены моимъ посвѣщеніемъ? Вы меня не ждали?—въ радостномъ оживленіи трещалъ Мяукинъ, непринужденно и развязно усаживаясь:—Вы молчите? И прекрасно... Я не буду повторять моихъ вопросовъ... Но меня собственно интересуется иное... Я только затрудняюсь нѣсколько... Я не знаю, право, сумѣю ли я высказать...

— Въ чемъ дѣло, однако?—спросилъ Тумановъ, недоумѣвая.

— Какъ бы вамъ сказать, Богданъ Юрьевичъ? Я интересуюсь вашею темой—вотъ и все,—выпалилъ Мяукинъ, притворяясь, что онъ нѣсколько смущенъ.

— Моею темой... Зачѣмъ вамъ она?

— Но позвольте... Какъ зачѣмъ? Я социологъ и психологъ... Меня интересуется вообще... А кромѣ того, вы понимаете, конечно. Обстоятельства такъ складываются, что безъ васъ мнѣ никакъ не обойтись.

— Вы напрасно надѣтесь, что я понимаю васъ. Совсѣмъ нѣтъ. Какія обстоятельства? И при чемъ тутъ моя тема?

— Это я по простотѣ относительно обстоятельствъ замѣтилъ,—захихикалъ Мяукинъ:—можно и безъ нихъ... Можно такъ, лирически...

— Къ дѣлу! Къ дѣлу!—нахмурился Тумановъ.

— А вы будете отвѣчать на вопросы?

— Буду, пожалуй.

— Я хотѣлъ бы спросить васъ, вотъ эта перемѣна во взглядахъ вашихъ на политику, ну и на экономику тамъ что-ли... Что перемѣна эта не отразилась-ли, между прочимъ, и на морали?.. Ясно я выражаюсь?

— Совсѣмъ неясно. Говорите поточнѣе и попроще.

— Неужели неясно? Вы были социаль-демократомъ, неправда-ли?

— Въ партіи я никогда не былъ,—угрюмо и лѣнливо отозвался Тумановъ:—далѣе, Мяукинъ...

— Не были? Однако-же вы попали сюда по социаль-демократическому дѣлу.

— Не совсѣмъ такъ. Просто я въ 1901 году служилъ на фабрикѣ врачомъ и мнѣ довелось разговаривать съ рабочими о зубатовской затѣѣ. Я, конечно, не совѣтовалъ имъ довѣрять агентамъ охранки и тѣмъ добровольцамъ изъ общества, которые тогда какъ-то странно поладили и съ Треповымъ, и съ Зубатовымъ. Вотъ и все... А философскихъ предпосылокъ социаль-демократіи я никогда не раздѣлялъ...

Неожиданно Мяукинъ засвисталъ.

— Какія тамъ предпосылки! Этакъ и я, пожалуй, не социаль-демократъ... Если на предпосылки смотрѣть, въ партіи одинъ Вереевъ останется...

Тумановъ улыбнулся.

— Вы улыбаются!—обрадовался Мяукинъ:—прекрасно! Прекрасно! Я этого и ждалъ съ нетерпѣніемъ.

— Ахъ, какой смѣшной! Какой смѣшной!—покачала головой Лидія Николаевна.

— Это ничего, сударыня, что смѣшной, иные разговоры невозможно вести иначе, какъ смѣясь и смѣхъ возбуждая.

— Простите меня, Мяукинъ, но я очень занятъ... Вы, можетъ быть, еще о чемъ-нибудь желаете меня спросить?

— Конечно, конечно... Только мнѣ неловко, право,—кривлялся Мяукинъ, играя пенснэ.

— Я слушаю, Мяукинъ.

— Вы, можетъ быть, слыхали что-нибудь про документъ?

— Онъ у васъ въ рукахъ?

— Можетъ быть, и у меня. Не въ этомъ дѣло. Меня, собственно, интересуесть ваше отношеніе къ нему, хотя непосредственно онъ васъ, конечно, не касается.

— Я не имѣю понятія объ этомъ документѣ; не знаю его содержанія: если вамъ угодно узнать мое мнѣніе о немъ, объясните толкомъ, въ чемъ дѣло и что собственно заставляетъ васъ обратиться именно ко мнѣ, а не къ Верееву или еще къ кому-нибудь.

— Ахъ, это очень тонкая тема, совсѣмъ не вереевская. Да и ужъ очень далеко онъ отъ этого дѣла, вы все-таки гораздо ближе.

— Не слишкомъ ли много загадокъ, Мяукинъ?

— Не моя въ томъ вина, Богданъ Юрьевичъ. Однимъ словомъ, меня интересуесть вотъ что. Съ тѣхъ поръ, какъ вы впали, извините меня, въ мистицизмъ, остались ли обязательными для васъ извѣстныя моральныя нормы? Вѣдь, мистика, по новѣйшему толкованію, сфера безпредѣльной свободы... Не свободенъ ли въ этой сферѣ человѣкъ и отъ прежнихъ своихъ взглядовъ на честное и безчестное... Вы понимаете меня? Я не про категорическій императивъ говорю, а про тѣ моральныя обязательства, которыя принимаютъ извѣстныя общественныя группы, связанныя взаимными интересами... У буржуазіи своя мораль, у насъ, Богданъ Юрьевичъ, своя... Не правда ли? Такъ вотъ обязательна ли для васъ, товарищъ, наша мораль?

— А васъ такихъ много?—неожиданно съ величайшимъ простодушіемъ разсмѣялась Лидія Николаевна.

На мгновеніе Мяукинъ смутился, но, сообразивъ, что эта „хородивая Лидія“, какъ онъ мысленно ее обозвалъ, спрашиваетъ его совсѣмъ безъ задней мысли и даже съ ласковой снисходительностью, тотчасъ-же самъ засмѣялся:

— Много, много, сударыня! А скоро будетъ еще больше... Лидія Николаевна недовѣрчиво покачала головой и

опять склонилась надъ пальцами, за которыя она усѣлась, какъ только вышелъ изъ своей комнаты Тумановъ.

— Вы сказали „мистицизмъ“, — проговорилъ Богданъ Юрьевичъ, хмурясь: — зачѣмъ вы произнесли это слово? Я худо его понимаю... А вамъ, вѣроятно, и вовсе оно чуждо...

— Ну, хорошо, хорошо... Обойдемся и безъ этого слова... Я спрашиваю васъ откровенно и просто, если хотите, наивно: обязательна ли для васъ, товарищъ, наша мораль?

— Я, конечно, могъ бы и не отвѣчать вамъ, — сказалъ Тумановъ, подумавъ немного: — тѣмъ болѣе, что вы упомянули о какомъ-то документѣ и, очевидно, задаете мнѣ вопросъ неспроста, но, можетъ быть, я вамъ все-таки отвѣчу... Лидія Николаевна! Какъ вы мнѣ посовѣтуете? Отвѣчать или нѣтъ?

— Конечно, отвѣчайте, Богданъ Юрьевичъ! Этому молодому человѣку, — улыбнулась она, указывая на Мякина иглою: — очень хочется показаться хитрымъ и умнымъ, а онъ простой совсѣмъ...

— А! Прекрасно! Да, товарищъ, для меня ваша мораль необязательна. Я не знаю, какіе выводы дѣлаете вы сейчасъ изъ моего признанія, но... Это дѣло вашей совѣсти... А мнѣ, по правдѣ сказать, все равно...

— Ужъ будто-бы „все равно“, — захихикалъ Мякинъ и сталъ торопливо прощаться.

Онъ вышелъ не такъ развязно, какъ вошелъ, но все-таки, повидимому, онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы выраженіе лица его было независимо и, по возможности, многозначительно.

XII.

На другой день, въ седьмомъ часу, Тумановъ долженъ былъ, какъ всегда, встрѣтиться съ Ольгой Андреевной на берегу Лены у Серапионовскаго Камня, высокой отвѣсной скалы, прозванной такъ потому, что лѣтъ десять тому на-

задь разбились здѣсь въ злую непогоду паузки купца Серапионова.

У скалы этой никто обычно не бывалъ, но въ тотъ день въ половинѣ шестого явилась туда Чарушникова. Она пришла, крадучись и озираясь, и торопливо забралась въ одну изъ разсѣлинъ и спряталась за густымъ ельникомъ, какъ ночная птица.

Черезъ полчаса почти одновременно сошлись у Камня Безсонова и Тумановъ.

— Мнѣ очень трудно было прійти сегодня, — сказала Безсонова, усаживаясь подъ скалою на пледъ, разостланный Тумановымъ: — два часа сидѣла у меня Пуговкина и все объясняла, что она противъ суда надъ Коробановымъ, но что все-таки надо идти на судъ заступиться за старика... Кошмаръ какой-то! Ничего понять нельзя...

— А у меня вчера Мяукинъ былъ, — улыбнулся Тумановъ: — тоже говорилъ что-то неясное... Но Богъ съ нимъ... Ольга Андреевна! Не странно-ли, мы сходимся съ вами здѣсь тайно, а, вѣдь, если бы кто-нибудь сейчасъ подслушалъ насъ, вѣроятно, очень удивился бы, узнавъ, что мы вовсе не любовники...

— Вотсе не любовники, — повторила Безсонова и, помолчавъ, прибавила: — и не друзья, пожалуй... А, вѣдь, чѣмъ-то мы близки другъ другу...

— Да. Но, если говорить правду до конца, я боюсь этой близости, Ольга Андреевна.

— Не надо бояться, милый.

— Я боюсь, потому что вмѣстѣ жить хорошо, но умирать вмѣстѣ худо, и не нравится мнѣ поговорка: „На міру и смерть красна“...

— А я не живу и не умираю. Въ летаргіи я. И будить меня, пожалуй, не надо... Никому я не нужна и міръ мнѣ не нуженъ.

— Пустыня! — сказалъ Тумановъ, указывая на другой берегъ, гдѣ раскинулась тайга.

— Когда вы говорите о пустынѣ или о тайгѣ, Богданъ

Юрьевичъ, у меня сердце падаетъ. И тогда мнѣ на мигъ проснуться хочется и потомъ ужъ другимъ, вашимъ сномъ уснуть...

— А я думаю, что дурно это—всѣ эти наши сны—и мои, и ваши. Я вѣрю, что есть отвѣтственность. Мы ничего не знаемъ, мы слѣпы, и, чтобы оправдать нашу жизнь, надо смириться и дѣлать что-нибудь простое, тихое, незамѣтное, но настоящее и трудовое и, главное, молчать.

— Надо свой путь угадать. Вашъ путь не такой, Богданъ Юрьевичъ. Боюсь вамъ предсказывать. А свой путь я знаю. Мой путь... Ахъ, да не стоитъ говорить обо мнѣ. Лучше о женѣ вашей расскажите мнѣ что-нибудь. Какъ странно, что до сихъ поръ я съ нею не познакомилась.

— О моей женѣ трудно мнѣ говорить. Я недостойнъ ея.

— Она прекрасная? Я вѣрю, что она прекрасная. Когда же вы познакомите меня съ нею?

— Зачѣмъ? Не надо. Она, можетъ быть, удивить васъ, но полюбить ее вы не можете.

— Какъ вы дурно ко мнѣ относитесь!

— Полюбить ее вы не можете,—повторилъ Тумановъ:— а, знаете, она недавно странный сонъ видѣла: будто бы она подъ колеса телѣги попала... Въ телѣгѣ двое было неизвѣстныхъ какихъ-то. И у нихъ „совсѣмъ лицъ не было, такъ бѣлое что-то, въ родѣ бумаги“... Она такъ и выразилась.

— Страшный сонъ... Вотъ вы рассказали мнѣ его и я теперь все буду о немъ думать. Предчувствія у меня какія-то. Прежде не была я такою боязливою. Вы знаете, когда почта приходитъ, я письма и газеты со страхомъ читаю. Революція, о которой я прежде мечтала, пугаетъ меня теперь. Мнѣ все кажется, что это не то и не такъ.

— У насъ, русскихъ, всегда „не то и не такъ“. А все же, быть можетъ, только у насъ, въ Россіи, и есть еще жизнь. Да, да! Жизнь! Мы съ вами мертвецы—это вѣрно, но Россія жива. Я вѣрю. И здѣсь, вокругъ насъ, странные и смѣшные люди, но они живы. А мы въ летаргіи,—вы, вѣдь, такъ и сказали? Правда, намъ снится порою то, что

„и не снилось нашимъ мудрецамъ“, но мы безсильны что-нибудь дѣлать... А они могутъ...

— Россія!— сказала Ольга Андреевна, взглянувъ на безпредѣльную рѣчную ширь:—Когда я думаю о ней, она мнѣ бѣлою представляется и иногда голубою, какъ небо... Но есть и другая Россія—я знаю—черная... Вотъ если черная Россія голову подыметъ, тогда бѣда и позоръ...

— Есть и такая Россія. И она страшная. Вы правы. Это—чортова Россія. Говорятъ, что русскій чортъ—добродушенъ. Неправда это. Русскаго чорта Иванъ Грозный видѣлъ. И это былъ настоящій нашъ чортъ, то есть отчасти и монгольскій, конечно... Жестокій и смрадный—безъ ироніи и безъ улыбки.

— А, вѣдь, надо улыбаться? Вѣдь надо?—спросила Безсонова и коснулась своею рукою руки Туманова.

Онъ лежалъ на землѣ у ея ногъ и пристально смотрѣлъ въ ея зеленовато-сѣрые глаза, лукавые и печальные.

— Нѣжный мой другъ!—продолжала Безсонова, не отнимая своей руки:—безъ улыбки жить невозможно. И даже во снѣ улыбаться надо, право...

— Я не умѣю.

— Неправда! Я знаю вашу улыбку... Зачѣмъ мы обманываемъ другъ друга! Вѣдь, мы и сходимся здѣсь, у Камня, чтобы вмѣстѣ улыбаться.

— Дивная вы!—сказалъ Тумановъ, сжимая пальцы Ольги Андреевны:—дивная вы!

— Но темная, какъ я,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

Солнце стояло низко—дымно-красное. Вечерній туманъ поднимался отъ рѣки неровно. То здѣсь, то тамъ возникали бѣлыя пятна и медленно двигались среди острововъ и у самаго берега. Казалось, что бродятъ старики съ бѣлыми бородами въ плащахъ.

— Домой пора,—проговорила Безсонова, вставая съ пледа.

Тумановъ молча прижалъ руку къ своимъ губамъ.

— Домой пора,—повторилъ онъ, не отнимая руки.

Когда они ушли, наконецъ, и за выступомъ скалы не стало ихъ видно, вылъзла Чарушникова изъ расщелины, смѣясь беззвучно, и уже свѣтились фосфорически ея совиные глаза въ вечернихъ сумеркахъ.

— Идиллія какая подумаешь!—пробормотала она, разводя руками.

ХІІІ.

Послѣднія вѣсти изъ Россіи объ успѣхахъ революціи волновали ссылку. Вереевъ и еще семь социаль-демократовъ писали проектъ конституціи... Ихъ называли „меньшевиками“ и репутація Вереева, какъ непримиримаго, была поколеблена. У его соперника Мяукина, „большевика“, насчитывалось теперь немало поклонниковъ: онъ предсказывалъ, что Учредительное Собраніе провозгласитъ демократическую республику. Прилуцкій выдвигалъ проектъ республики федеративной изъ шести „штатовъ“—Польши, Финляндіи, Кавказа, Украйны, Великороссіи, и Сибири...

Въ недѣлю два раза собирались въ Епанчевкѣ обсуждать положеніе дѣлъ. Всѣ подумывали о скоромъ отъѣздѣ. Отъ серьезныхъ занятій отвлекали только сплетни о Безсоновой и „Коробановское дѣло“.

Съ тѣхъ поръ, какъ отъ Хиврина ушла его Матрена Савельевна, онъ почувствовалъ, что всѣ относятся къ нему съ особымъ вниманіемъ. Это ему весьма понравилось. Страннымъ образомъ удовлетворялось его тщеславіе. Онъ даже какъ будто-бы сталъ гордиться своимъ положеніемъ и, подвыпивъ, куражился теперь не въ мѣру, увѣряя, что онъ „этого дѣла оставить не можетъ“. Онъ рѣдко бывалъ трезвымъ и въ обществѣ Волкова и молоденькаго социалиста-революціонера Черногорьева лихо кутилъ на ярмарочныхъ паузкахъ, пришедшихъ изъ Иркутска. Съ нимъ въ это время приключилась исторія, о которой стало извѣстно даже иркутскому генераль-губернатору. „Инцидентъ“ обсуждался и въ русской заграничной прессѣ.

А дѣло было вотъ какъ.

Послѣ изрядной попойки Хивринъ съ неизмѣнными товарищами своими отправились къ тетушкѣ Ноннѣ, давней обитательницѣ нашего города, Богъ знаетъ почему попавшей въ эту дикую глушь и устроившей единственный въ здѣшнихъ мѣстахъ домъ, гдѣ ночные гуляки могли найти себѣ пріютъ. Домикъ тетушки Нонны стоялъ на краю города, окруженный со всѣхъ сторонъ пустырями. Когда пьяные пріятели ввалились въ сѣни, ихъ встрѣтилъ не слишкомъ радушно слуга тетушки уголовный-поселенецъ, по фамиліи Глазенко, человекъ роста маленькаго, почти карликъ, но силы неожиданно огромной.

Не смущаясь, однако, вошли гости въ горницу, гдѣ уже играли въ карты три дѣвицы—одна изъ нихъ Улита, молоденькая якутка, миловидная, косоглазая и, какъ звѣрокъ, проворная и дикая, другая Фрося, толстая и грузная, съ маленькими, пухлыми руками, съ открытымъ лифомъ, не вмѣщавшимъ полныя ея груди, и, наконецъ, третья горбоносая еврейка Ревекка, съ трагическими глазами и съ жалкою улыбкою на намазанныхъ алою краскою губахъ.

Пріятели тотчасъ-же подсѣли къ столу и спросили пива. Волковъ заговорилъ съ Ревеккой о проблемѣ пола, съ научной точки зрѣнія; Черногорьевъ объяснялъ Улитѣ, что инородцы не менѣе милы его сердцу, чѣмъ великороссы; Хивринъ обнялъ за широкую талію полногрудую Фросю, жалуясь ей на бывшую жену свою Матрену Савельевну и прося утѣшенія...

Тетушка Нонна какъ-то неохотно подала пиво и все шмыгала по горницѣ, безпокоясь и какъ будто поджидая кого-то. Иногда она выбѣгала въ переднюю и совѣщалась съ Глазенко.

— Непремѣнно будутъ сегодня. Это мнѣ ужъ доподлинно извѣстно,—увѣрялъ Глазенко тетушку:—убрать бы этихъ молодцовъ отъ грѣха подальше...

— Да, вѣдь, какъ ихъ удержишь?—вздыхала тетушка.

И въ самомъ дѣлѣ, полчаса не прошло, какъ подка-

тили къ крыльцу лихія тройки и изъ перваго тарантаса вылѣзъ тотъ, кого поджидала тетушка—самъ Захарій Серапіоновъ, областной богатѣй. За нимъ съ криками и пѣснями повыскакивали его спутники—иркутскіе куфцы и прикащики, всего семь человѣкъ.

— Эй! Посторонись! Серапіоновъ идетъ! — крикнулъ купецъ, входя въ горницу.

Дѣвицы переполошились и повскакивали съ своихъ мѣсть.

Хивринъ, Волковъ, Черногорьевъ недоумѣвали, какъ теперь быть.

— А! Компанія! Мое почтеніе!—раскланялся Серапіоновъ, увидѣвъ посѣтителей:—Что-то вы невеселы, носы повѣсили? Мы васъ развеселимъ! Эй, Андруша! Валяй на гитарѣ! Танцульку устроимъ!

Толстая Фрося залилась звонкимъ смѣхомъ и задрожали толстыя ея груди, готовыя выскочить изъ открытаго лифа:

— Устроимъ танцульку, купецъ. Ахъ, ты нашъ миленькій...

— Ну, и городъ!—крикнулъ одинъ изъ иркутскихъ прикащиковъ, разводя руками:—неужто у васъ, тетушка, болѣе и товару нѣтъ? Три барышни на этакую компанію? Не иначе, какъ жребій бросать придется...

— Тамъ видно будетъ, коммерсантъ краснорѣчивый!—сказала Ревекка, оскаливъ бѣлые, острые зубы.

— Шампанскаго тащи!—командовалъ Серапіоновъ:—Хочу политиковъ угостить. Ишь они какъ нахохлились!

— А штаны ты, братъ, мнѣ худо сшилъ,—неожиданно обратился онъ къ Хиврину:—слободы въ нихъ нѣту. Поскупился, братъ, маленько! Говорилъ тебѣ: сукна не жалѣй...

— Я вамъ въ этомъ домѣ не портной, а свободный гражданинъ,—огрызнулся Хивринъ, недовольный тѣмъ, что толстая Фрося отошла отъ него и подсѣла къ купцу.

Кудрявый прикащикъ, пощипывая гитару, вышелъ на средину комнаты и запѣлъ:

Ай да, Матрешка!
Любишь ли немножко?
Любишь ли ты эту
Вкусную конфету?

Одинъ изъ гостей взялъ бутылку и, выдѣлывая ногами вензеля, сталъ поливать шампанскимъ крашенный полъ горницы.

— Гдѣ Серапіоновъ гуляетъ, шампанское рѣвкой льется,—бормotalъ онъ, уныло моргая.

— Мать честная! Мать честная! Якуточка какая миленькая!—говорилъ какой-то маленькій лысый старичокъ, обнимая Улиту.

— Ты мнѣ надоѣла, Фроська,—сказалъ Серапіоновъ, отталкивая отъ себя толстуху:—поди-ка ты, сухопарая...

И онъ потянулъ къ себѣ за шаль Ревекку.

— Осторожнѣе, ваше степенство. Шаль порвете,—засмѣялась невесело Ревекка, усаживаясь, однако, на колѣни къ купцу.

Но и минуты не прошло, какъ она вскочила съ колѣнъ, дико взвизгнувъ:

— Ахъ, безстыдникъ! Больно-жъ мнѣ! Больно!

— Ну, ну! Не фордыбачь!—засмѣялся Серапіоновъ:—ущипнулъ разокъ, а ты ужъ и въ амбицію.

Онъ опять поймалъ дѣвушку и притянулъ къ себѣ.

— Ахъ же! Какой же вы невѣжа!—отбивалась Ревекка.

— А ты смирись!—бормotalъ Серапіоновъ, схвативъ ее за руки и ломая пальцы.

— Ай больно мнѣ! Больно!—упала на колѣни Ревекка, съ ненавистью глядя на купца:—Тетушка, заступитесь!

— Развѣ не видишь, что Захарій Никитичъ шутить изволить? А ты, глупая, не визжи зря...

— А! Сухопарая! Попалась!—хохоталъ Серапіоновъ, пригибая поблѣднѣвшую дѣвушку къ землѣ.

— Извольте ее оставить въ покоѣ! Я не позволю!—неожиданно крикнулъ молоденькій Черногорьевъ, до того времени непримѣтно сидѣвшій въ углу.

Юноша поднялся, дрожа, и сжимая кулаки:

— Это подло! Слышали? Это подло!

— Вѣрно! — крикнулъ Волковъ, ударивъ кулакомъ по столу: — буржуй проклятый!

— Что! — заревѣлъ Серапіоновъ, подымаясь и грозно всѣхъ оглядывая: — Да ты кто такой? Да знаешь ли ты, кто я? Да я тебя въ бараній рогъ... Да я тебя...

— Позвольте-съ! Это какъ же такъ? Извините! Мы всё за одно, — сказалъ важно Хивринъ, беря, какъ оружіе, пустую изъ подъ пива бутылку.

— Валяй ихъ на мою голову, — сказалъ Серапіоновъ тихо, озираясь.

Но уже кудрявый прикащикъ засучивалъ рукава.

— Ты вотъ этого птенца убери, — командовалъ Серапіоновъ.

Ражій дѣтина, съ круглымъ лицомъ, неспѣшно подошелъ къ Черногорьеву и, взявъ его въ охапку, вынесъ на крыльцо и швырнулъ на улицу, въ бурьянъ.

Явился и Глазенко. У Хиврина со смѣхомъ отняли бутылку, разбили носъ Волкову, и черезъ двѣ-три минуты пріатели очутились за порогомъ домика тетушки Нонны.

Изъ окна высунулась голова Серапіонова и онъ дико загоготалъ:

— Эй, вы! Политики! Будете помнить Захарія Серапіонова.

Ямщики, повидимому, были отпущены, и пусто было вокругъ.

— Этакого дѣла я такъ оставить не могу, — сказалъ Хивринъ мрачно. — Что же теперь дѣлать, товарищи?

— Что-жъ! Айда, товарищи, ко мнѣ! У меня винтовки и браунинги, — предложилъ Волковъ, давно уже безнадежно пьяный.

— Вѣрно! — рѣшительно крикнулъ Черногорьевъ, чувствуя, что хмель бросился ему въ голову и радуясь этому.

Они побѣжали, спотыкаясь, напрямикъ — пустыремъ, перелѣзли черезъ плетень и очутились во дворѣ домика, гдѣ

жилъ Волковъ. Отъ быстрого бѣга головы ихъ кружились еще больше, и они радовались тому, что будутъ сейчасъ стрѣлять и напугаютъ до-смерти ненавистнаго купца.

Захвативъ винтовку и два браунинга, они тѣмъ же путемъ помчались обратно.

Когда они прибѣжали къ домику тетушки Нонны, ящиковъ еще не было, а изъ горницы доносилось разудалое пѣніе и бряцаніе гитары.

— Вотъ сюда, въ рядъ станемъ,—командоваль Хивринъ, указывая на плетень напротивъ вражеской крѣпости.

Они стали, съ серьезными лицами, цѣлясь въ ставни.

— Разъ... Два... Пли!—крикнулъ Хивринъ.

И три выстрѣла—одинъ изъ винтовки и два изъ браунинга—грянули въ разъ.

Дикій визгъ и жалобный крикъ раздались внутри домика.

— Ага-га!—завопилъ въ восторгъ Хивринъ, потрясая винтовкой.—Да здравствуетъ пролетаріатъ! Долой буржуазію!

— Съ ума вы сбѣсились!—завопилъ кудрявый прикащикъ, выбѣжавъ на крыльцо безъ пиджака и жилета:—съ ума вы сбѣсились, черти заморскіе!

— Пали въ него, товарищи!—захохоталъ Хивринъ, цѣлясь.

Прикащикъ мгновенно скрылся, захлопнувъ за собою дверь.

Въ горницѣ притихли.

— Разъ! Два! Три!—опять скомандоваль Хивринъ. И снова грянули одновременно три выстрѣла.

Отворились ставни и чья-то рука помахала бѣлымъ платкомъ.

— Ага! Парламентера выслать хотятъ! Ну, чортъ съ ними... Пусть высылаютъ,—сказаль Хивринъ и потомъ крикнулъ зычно:—Эй, толстопузый! Выходи разговаривать!

Въ окнѣ показалась лысина Серапіонова, и онъ хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Слышь ты! Дьяволы! Сдаемся...

— А условія наши знаешь?—спросилъ Хивринъ.

— Какія тамъ условія? — угрюмо пробормоталъ Серапіоновъ, почесываясь.

— А вотъ какія! Убирайтесь отсюда немедленно! И чтобы всё до плетня отъ самаго крыльца на четверенькахъ ползли...

— Стыдно тебѣ, Хивринъ!—молвилъ купецъ, озлясь:— а я тебѣ еще тройку хотѣлъ заказать изъ аглицкаго сукна, мнѣ изъ Иркутска привезли...

— Чорта ли мнѣ въ твоей тройкѣ, — засмѣялся Хивринъ:—нѣтъ, ваше степенство, неугодно ли съ крылечка по собачьему способу попутешествовать...

— Ахъ, какой ты портной неблагоразумный,—сказалъ Серапіоновъ, прячась за ставню.

Политики еще разъ дали залпъ.

— Согласны! Согласны!—закричали за ставнями.

И черезъ минуты двѣ, ругаясь, поползли съ крыльца вереницей серапіоновскіе пріатели и самъ Захарій Никитичъ.

— Ого-го! Ага-га! Улю-лю!—гикали пріатели, занимая крыльцо, покинутое врагами.

Тамъ уже, робѣя, ждала ихъ тетушка Нонна, а Глазенко спрятался въ чуланъ, не смѣя оттуда выйти.

Вотъ изъ-за этой пьяной исторіи и загорѣлся сыръ-боръ. И какъ-то съ неожиданной стороны.

Серапіонову очень хотѣлось потушить это дѣло: чело-вѣкъ онъ былъ семейный. Но нашлись охотники болтать про эти ночныя похождения и слухи о хивринскихъ подвигахъ распространились быстро по городу. Начальство дѣла не возбудило, за то ссыльные отнеслись къ событіямъ съ преувеличенной горячностью. Хивринъ поведеніемъ своимъ, по мнѣнію большинства, компрометировалъ колонію, но для него нашлись „смягчающія его вину обстоятельства“. Собственно эти обстоятельства особенно всѣхъ интересовали. Было ясно, что Хивринъ дѣйствовалъ „въ состояніи аффекта“, какъ сказалъ точно и научно Жмуркинъ. Но почему— вотъ вопросъ. Не то ли, что Матрена Савельевна покинула его, было причиною его болѣзненного поступка? Теперь даже

осторожные люди полагали, что колонія должна вмѣшаться въ дѣло Хиврина. И самъ виновникъ событій, повидимому, очень желалъ этого суда, чтобы оправдаться, а, можетъ быть, и пожаловаться косвенно на „экспроприацію Матрены Савельевны“, какъ онъ любилъ теперь выражаться.

Однимъ словомъ, пришлось созвать общее собраніе. Къ сожалѣнію, товарищи не предвидѣли всѣхъ послѣдствій этого нѣскольکو страннаго суда.

XIV.

Въ Епанчевкѣ собралась вся колонія. На рефераты и на вечеринки не всѣ приходили, а въ тотъ разъ и такіе пришли, кого никогда и нигдѣ нельзя было встрѣтить. Пришелъ одинъ старичокъ, не изъ очень серьезныхъ народовольцевъ, но какъ-то неудачно сосланный на много лѣтъ; онъ едва держался на ногахъ отъ ветхости, но почему-то очень волновался и близко принималъ къ сердцу послѣднія исторіи; пришли братья Залихватскіе, занимавшіеся теперь торговлей, на которыхъ политическіе смотрѣли косо; и вообще пришло много случайнаго сброда изъ бывшихъ политическихъ, оставшихся въ городѣ по доброй волѣ послѣ окончанія ихъ срока.

Официально, такъ сказать, въ порядкѣ дня значилось дѣло Хиврина, замятое администраціей. Главари колоніи рѣшили имъ воспользоваться; они видѣли въ немъ удобный поводъ для разсмотрѣнія вообще всяческихъ дѣлъ, бросающихъ тѣнь на репутацію политическихъ. Хиврину кое-кто объяснилъ заранѣе, что онъ въ сущности только предлогъ, что товарищи, навѣрное его оправдаютъ, но что дѣло все-таки надо возбудить, чтобы вывести на свѣжую воду тѣхъ, кто является истиннымъ виновникомъ всей этой „внутренней смуты“. Это выраженіе даже понравилось, и о „внутренней смутѣ“ говорили охотно.

Вереевъ, правда, былъ сначала противъ этой затѣи, но

потомъ убѣдился, что, если онъ откажется предсѣдательствовать, собраніе все-таки состоится и поэтому рѣшилъ не покидать обычнаго своего поста. Однако, настроенъ онъ былъ мрачно, предчувствуя, что изъ этого ничего добраго выйти не можетъ. Зато Хивринъ ликовалъ, увѣренный, что будетъ посрамленъ его обидчикъ и врагъ Коробановъ.

Въ Епанчевкѣ душно было и тѣсно, и въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ за столомъ Вереевъ, не могли всѣ помѣститься; любопытные толпились въ дверяхъ, стояли на лавкахъ и стульяхъ, вытягивали шеи. Носъ Мяукина торчалъ впереди. Волковъ пощипывалъ красную бороденку, не очень смущаясь скандальнымъ участіемъ своимъ въ ночныхъ приключеніяхъ Хиврина. Черногорьевъ, напротивъ, былъ до того подавленъ случившимся, что не могъ слова вымолвить и прятался въ дальнемъ углу за спинами товарищей.

Жмуркинъ былъ невозмутимо важенъ; онъ почему-то явился на собраніе съ большою связкою книгъ, прошелъ прямо къ предсѣдательскому столу и сѣлъ тамъ рядомъ съ Вереевымъ, разложивъ передъ собою книги, переложенныя бумажками.

Около Безсоновой, на которую, кстати сказать, всѣ смотрѣли съ откровеннымъ любопытствомъ, вертѣлась Чарушникова. Горбунья ничуть не старалась скрыть свое чрезвычайное волненіе. Она то заглядывала въ глаза Ольгѣ Андреевнѣ, то озиралась кругомъ, какъ будто всѣмъ бросая вызовъ. А Безсонова была разсѣянна, и уже успѣла иныхъ обидѣть, не замѣтивъ поклоновъ. Время отъ времени она спрашивала Чарушникову, тутъ ли Тумановъ. Но Туманова не было.

Зато двѣ пары глазъ были устремлены на Безсонову, но она не замѣчала этихъ неотступныхъ взглядовъ: Крушинскій и Прилуцкій слѣдили за каждымъ ея движеніемъ.

Валентинъ Александровичъ съ трудомъ пробрался къ стулу Ольги Андреевны и о чемъ-то пытался заговорить съ нею, но она только улыбнулась ему, но ничего не отвѣтила и даже, повидимому, не слышала того, что онъ ей сказалъ.

А Прилуцкій, блѣдный, какъ полотно, какъ сталь въ углу, такъ весь вечеръ до самой катастрофы и простоялъ тамъ, не спуская глазъ съ Безсоновой.

Коробановъ пришелъ, когда всѣ уже были въ сборѣ. Онъ вслухъ, довольно громко, ни къ кому, впрочемъ, не обращаясь, подивился, что „по такому пустяковому дѣлу такъ много народу пришло“. Кто-то язвительно замѣтилъ, что странно, молъ, удивляться, что другіе пришли, когда самъ идешь. „Ежели дѣло пустяковое, сидѣлъ бы дома“...

Эту фразу Коробановъ услыхалъ и тотчасъ же вскинулся на говорившаго:

— Я пришелъ сюда, потому что хочу опровергнуть всяческіе навѣты. Я пришелъ по своему дѣлу. Мнѣ хитрить не приходится. До всякихъ тамъ исторій въ публичныхъ домахъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я обличить долженъ. Вмѣшиваться въ интимныя дѣла это ужъ грязь, господа...

— Какъ? Что? Какія дѣла?—зашумѣли вокругъ.

То, что Коробановъ такъ сразу заговорилъ о самомъ важномъ, сбило съ толку многихъ. Особенно смущенъ былъ Вереевъ: разстроился его планъ. Однако онъ схватилъ колокольчикъ, заранѣе приготовленный, и сталъ звонить, приглашая всѣхъ къ порядку.

Наступила тишина. Вереевъ тотчасъ же предложилъ выбрать предсѣдателя. Дѣлалъ это онъ, чтобы выиграть время. Всѣ, конечно, закричали, что долженъ предсѣдательствовать онъ самъ, Вереевъ.

— Товарищи!—сказалъ онъ:—я полагаю, что случай съ Игоремъ Александровичемъ возможно разсмотрѣть на нашемъ собраніи, но не ранѣе, чѣмъ мы придемъ къ какому-либо рѣшенію относительно дѣла Хиврина.

— Я очень прошу меня судить, товарищи,—сказалъ Хивринъ, очень довольный тѣмъ, что „все похоже на парламентъ“ и что онъ герой дня.

— Судите меня, товарищи,—повторилъ онъ, ударяя себя въ грудь.

— Согласны ли, господа, приступить къ дѣлу Хи-

врина?—спросилъ Вереевъ, оглядывая присутствующих:— кто согласенъ, пусть подыметъ руку...

Большинство оказалось желающихъ.

— Агриппина Аванасьевна изложить намъ обстоятельства дѣла, — объявилъ Вереевъ, жестомъ приглашая Пуговкину подойти къ столу.

— Какъ Пуговкину? Почему Пуговкина?—недоумѣвали иные.

— Потому что именно товарищъ Пуговкина, а не другой кто въ этомъ дѣлѣ наиболѣе освѣдомленъ и наименѣе заинтересованъ,—объяснилъ Вереевъ сухо и дѣловито:— какъ извѣстно, Агриппина Аванасьевна къ этому дѣлу никакого отношенія не имѣетъ и, слѣдовательно, будетъ безпристрастна, а, съ другой стороны, ей довелось узнать всякія подробности... Благодаря врожденной любознательности...

Въ комнатѣ зашумѣли:

— Просимъ. Просимъ. Пусть говорить...

Пуговкина басомъ откашлялась и начала свои объясненія, повидимому, очень довольная ролью свидѣтельницы.

— Товарищи! Я, собственно, ницшеанка, и поэтому мнѣ, знаете ли, на всякіе тамъ нравственные предрасудки, извините, наплевать. Я это къ тому говорю, что даже и судить, по моему, вовсе никого не надо, ежели это все въ области морали, такъ сказать...

— Къ дѣлу. Къ дѣлу.

— Я хочу по порядку. Не перебивайте меня, пожалуйста,—обидѣлась Пуговкина.—Такъ вотъ я говорю, что всякія тамъ обстоятельства, какія мнѣ извѣстны, я даже вовсе и не критикую. Однимъ словомъ, товарищи, мы должны быть *jenseits von Gut und Böse*.

— Я бы просилъ васъ, Агриппина Аванасьевна, держаться фактовъ,—сказалъ Вереевъ:—а философію...

— Нѣтъ ужъ, господинъ предсѣдатель, позвольте мнѣ все высказать. Въ сущности ничего таинственнаго здѣсь нѣтъ, хотя нѣкоторымъ очень хочется усматривать въ этой

исторіи, извините за выраженіе, чортъ знаетъ что... Хивринъ, Волковъ и Черногорьевъ отправляются въ публичный домъ. Очень просто. Они были пьяны. Это всѣ знаютъ. Прекрасно. Тамъ они встрѣчаютъ мѣстнаго буржуа Серапіонова. Происходитъ ссора. Отлично. Молодцы Серапіонова выталкиваютъ нашихъ товарищей за дверь. Недолго думая, товарищи бѣгутъ за оружіемъ и стрѣляютъ въ ставни. По счастью, никто не убитъ. Однако, буржуи струсили и сдались. Тутъ нѣсколько странная подробность. Купецъ и прикащики въ знакъ покорности ползли до забора на четверенькахъ.

Въ комнатѣ раздался сдержанный смѣхъ.

— Этотъ—какъ бы сказать?—этотъ символизмъ,—продолжала Пуговкина:—мнѣ, по правдѣ сказать, непонятенъ. Впрочемъ, вообще говоря, это ихъ дѣло... Вотъ и все...

— Такъ, такъ,—сказалъ Вереевъ:—но не знаете ли вы, Агриппина Аванасьевна, психологическихъ мотивовъ этого происшествія?

— Еще бы. Очень знаю...

Въ это время неожиданно изъ толпы раздался голосъ старика Зонова, сѣдобородаго каторжанина:

— Стыдно, товарищи. Стыдно. Въ наше время иначе относились къ такимъ дѣламъ. Мы, ссыльные, у всѣхъ на виду... Трое изъ нашей среды, какъ обыватели, идутъ къ продажнымъ женщинамъ, а мы, вмѣсто того, чтобы осудить это, оправдываетъ ихъ по какимъ-то тамъ ницшеанскимъ теоріямъ. Слушать противно, товарищи.

— Никто ихъ не оправдываетъ,—замѣтилъ Вереевъ, хмурясь:—мы только желаемъ выяснитъ, не было-ли какихъ-нибудь особыхъ причинъ...

— Нѣтъ, вы ихъ оправдываете, — повторилъ Зоновъ упрямо.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Вереевъ,—чтобы выяснитъ наше принципиальное отношеніе къ этому прискорбному факту, я предварительно ставлю на голосованіе такой вопросъ: совмѣстимо ли съ достоинствомъ политическаго

ссылнаго посѣщеніе публичнаго дома? Тотъ, кто полагаетъ, что несомѣстимо, пусть подыметъ руку.

Всѣ встали, зашумѣли, и почти всѣ подняли руки.

— Подавляющее большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что подобныя дѣйствія несомѣстимы съ достоинствомъ революціонера,—сказалъ Вереевъ внятно и громко, подчеркивая каждое слово.

— Сантиментальности!—пробасила Пуговкина, которая одна изъ немногихъ не подняла руки.

— Я полагаю, товарищи,—сказалъ Вереевъ, указывая на Хиврина:—я полагаю, что, высказавъ въ такой общей формѣ нашъ взглядъ на достоинство революціонера, мы не хотѣли оскорбить Пигасія Ивановича... Въ данномъ случаѣ, въ его дѣлѣ, есть смягчающія его вину обстоятельства... На это намекала свидѣтельница, да и всѣ мы это знаемъ. Неправда ли? Не дѣйствовалъ ли нашъ товарищъ Хивринъ въ состояніи аффекта? И почему онъ былъ въ такомъ состояніи? Не найдетъ ли собраніе необходимымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ?

— Да. Да. Надо разсмотрѣть.

— Я прошу слова,—сказалъ мрачно Жмуркинъ, вставая и роняя нѣсколько книгъ.

— Вниманіе, господа. Слово предоставлено Жмуркину.

— Товарищи! — началъ Жмуркинъ: — Карлъ Марксъ учитъ, что товаръ прежде всего есть внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую-нибудь изъ человѣческихъ потребностей. Въ первой главѣ „Капитала“ сказано: „Природа этихъ потребностей, будетъ ли источникъ ихъ желудокъ или воображеніе, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла“... Мы, социаль-демократы, великолѣпно понимаемъ, что проституція является результатомъ противорѣчій буржуазнаго общества, однако, пока мы живемъ въ этомъ обществѣ, и пока оно, такъ сказать, самопроизвольно не уничтожилось, проституція, извините, удовлетворяетъ наши потребности.

— Что? Какъ? Ничего понять нельзя.

— Даже очень все понятно,—нахмурился Жмуркинъ:— я говорю съ научной точки... А съ этой точки проститутка все же внѣшній предметъ...

— Чепуха какая. Вздоръ.

— Держитесь ближе къ дѣлу, товарищъ Жмуркинъ,— замѣтилъ Вереевъ.

— Я къ тому говорю, что товарищъ Хивринъ, очевидно, подъ вліяніемъ алкоголя, почувствовалъ потребность...

— Къ чорту его. Долой. Не хотимъ слушать,—закричали хоромъ.

— Желаетъ ли собраніе дослушать рѣчь Жмуркина?— спросилъ Вереевъ.

— Нѣтъ. Нѣтъ. Довольно.

— Невѣжество какое!—закричалъ Жмуркинъ, угрожая кому-то „Капиталомъ“ Маркса: — Косность! Необразованность!

Онъ удалился изъ комнаты, исполненный гнѣва и презрѣнія, забывъ свои книги.

— Слово принадлежитъ Мяукину, — тщетно кричалъ Вереевъ, заглушаемый невѣроятнымъ шумомъ и возгласами взволнованнаго собранія.

Долго плясалъ у стола Мяукинъ, простирая свои обезьяньи руки и гримасничая: никакъ не могло успокоиться собраніе, возмущенное Жмуркинымъ.

Наконецъ, наступила тишина, и Мяукинъ заговорилъ:

— Господа! Фактическая, внѣшняя сторона событія вамъ извѣстна. Вы дали ей надлежащую оцѣнку съ общей принципиальной точки зрѣнія. Позвольте освѣтить вамъ нѣкоторыя подробности и тогда, быть можетъ, мы поймемъ причину всей этой нехорошей исторіи. Поведеніе Хиврина бросило тѣнь на репутацію политическихъ, но, господа, былъ ли онъ вмѣняемъ въ ту ночь? Мы всѣ знаемъ его семейную жизнь, мы знаемъ, что съ нимъ случилось незадолго до этой ужасной оргіи. Его, господа, покинулъ до того времени вѣрный его товарищъ, Матрена Савельевна...

— Позвольте! Какъ же это? Я протестую! — задыхаясь отъ волненія, закричалъ Коробановъ и подошелъ къ столу, какъ будто желая помѣшать Мяукину говорить.

— Не перебивайте оратора,—сказалъ Вереевъ строго.

— Не волнуйтесь пожалуйста, Игорь Александровичъ,— залепеталъ Мяукинъ, ничуть, впрочемъ, не смутившись:—я осторожно коснусь этой опасной и щекотливой темы... Я хочу только сказать, что товарищъ Хивринъ душевно страдалъ въ ту роковую ночь, и мы должны быть снисходительны къ нему. Это прежде всего, товарищи. Здѣсь очень тонкая психологія, господа. Надо это понять. Я объяснюсь, господа. Мы, т.-е. колонія политическихъ, являемся какъ бы зерномъ будущаго общества. Мы должны по существу отличаться отъ обывательской среды. Не правда ли, господа? То, что характерно для буржуазной среды, въ нашей колоніи не должно быть терпимо. Конечно, у каждого изъ насъ есть свои частные интересы, но мы должны приносить ихъ въ жертву солидарности. Вѣдь, не даромъ же мы социалисты. Тѣмъ болѣе должны помнить о солидарности наши интеллигентные товарищи. Рабочіе, господа, по самой природѣ своей подготовлены къ тому, чтобы сочетаться, такъ сказать, въ единое тѣло, которое и составитъ впоследствии цѣлостный социальный организмъ. Не такъ ли? Что же мы наблюдаемъ въ нашемъ дѣлѣ? Почтенный Игорь Александровичъ, игнорируя интересы нашего товарища Хиврина, способствовалъ тому, чтобы товарищъ Матрена Савельевна разъединилась съ товарищемъ Хивринымъ; не соединилась, а разъединилась, господа. Товарищи, отвѣчаетъ ли это интересамъ колоніи?

— Позвольте, господа, — крикнулъ Коробановъ, обхвативъ голову руками:—вѣдь такъ нельзя. Вѣдь вы въ такія дѣла вмѣшиваетесь...

— Дайте ему договорить. Дайте ему договорить.

— Дайте мнѣ договорить,—повторилъ Мяукинъ, замахавъ рукою на Коробанова:—Я и васъ не осуждаю, Игорь Александровичъ... Вы сами не подозреваете, что вы были

не свободны въ вашихъ дѣйствіяхъ. Скажу прямо, случай съ этими несчастными людьми, изъ которыхъ двое передъ вами—Хивринъ и Коробановъ, а третье лицо, Матрена Савельевна, я не знаю гдѣ, случай этотъ господа, лишь симптомъ какой-то психологической болѣзни, которая завелась въ нашей средѣ. Я неоднократно имѣлъ случай передъ этой аудиторіей излагать мои взгляды на пролетаріатъ. Я убѣжденъ, что именно онъ является носителемъ тѣхъ идеальныхъ качествъ, которыя приближаютъ насъ къ абсолютному. Не перебивайте, не перебивайте, господа. Я, конечно, выражаюсь метафорически, однако, надо это понять. Однимъ словомъ, Бога нѣтъ, но мы его сдѣлаемъ. Я не хочу прежняго мистическаго и неземнаго Бога. Я хочу яснаго здѣшняго Бога. Будущее социалистическое общество будетъ могущественно и бессмертно, какъ божество. А разъ мы—зерно этого общества, не должны ли мы бороться со всяческимъ проявленіемъ прежней темной вѣры и разныхъ тамъ, съ позволенія сказать, мистическихъ переживаній? Къ таковымъ, господа, отношу я и влюбленность. Подъ предлогомъ такой влюбленности, переживанія, на мой взглядъ, буржуазнаго, одинъ изъ нашей среды отнимаетъ у товарища подругу его жизни. Не вредитъ ли онъ этимъ поступкомъ не только непосредственно заинтересованному въ этомъ дѣлѣ лицу, но и всѣмъ членамъ нашей колоніи?

— Стыдно, Мяукинъ,—простоналъ Коробановъ въ послѣднемъ отчаяніи.

— Вотъ вы опять меня перебили!—завизжалъ Мяукинъ:—а если бы вы меня дослушали, вы могли бы убѣдиться, что я говорю не противъ васъ, а даже совсѣмъ наоборотъ. Товарищи, я увѣренъ, что Игорь Александровичъ дѣйствовалъ бессознательно. Посмотрите, господа, на него. Развѣ не ясно, что это человѣкъ въ высшей степени простой, простодушный, простоватый, такъ сказать. Нѣтъ, господа, это слишкомъ ясно. Очевидно существуютъ какія-то инныя причины, породившія это смущеніе среди насъ. Мнѣ кажется, я нашелъ ихъ...

Мяукинъ неожиданно умолкъ и даже сдѣлалъ движеніе въ сторону, какъ будто намѣреваясь сѣсть на свое мѣсто и уклониться отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Ну. Дальше. Что же вы молчите? Да говорите же, Мяукинъ, чортъ васъ возьми совсѣмъ...

Но Мяукинъ все еще кокетничалъ, наслаждаясь эффектомъ.

— Вы больше ничего не имѣете сказать?—спросилъ Вереевъ, не скрывая своей досады.

— Я могу, пожалуй, если собраніе позволить мнѣ выражаться аллегорически.

— Я попросилъ бы васъ на этотъ разъ выражаться точно и просто. Нельзя ли безъ аллегорій,—замѣтилъ Вереевъ, негодуя на мяукинское кривлянье.

— Къ сожалѣнію,—протянулъ Мяукинъ, даже гнусава для важности:—я не могу объяснить иначе. Тема столь фантастична, что безъ условной формы изложенія я не могу обойтись. Отъ аллегорій отказываюсь. Согласенъ. Однако, разрѣшите мнѣ выражаться условно.

— Пусть говоритъ. Все равно. Пусть.

— Разрѣшаете?—не безъ ироніи обратился онъ къ Верееву.

— Говорите,—брезгливо пожавъ плечами, согласился Вереевъ.

Въ публикѣ произошло замѣтное движеніе. Шеи любопытныхъ еще болѣе вытянулись. Шопотъ и переговоры прекратились, какъ по уговору. Только двое какъ будто остались безучастными къ ожидаемой рѣчи—это Прилуцкій, недвижно стоявшій у двери съ начала засѣданія, и Безсонова, разсѣянно смотрѣвшая прямо передъ собой. Ея взглядъ казался такимъ тяжелымъ и мертвымъ, что всякій, случайно очутившійся на путяхъ этого взгляда, спѣшилъ отъ него ускользнуть, обидчиво и досадливо хмурясь.

— Господа!—началъ Мяукинъ, играя пенснэ:—съ вашего позволенія я попытаюсь охарактеризовать положеніе вещей. Если бы я не былъ позитивистомъ, я бы сказалъ, что

мы кѣмъ-то очарованы, околдованы, господа. Но мы всё не вѣримъ въ колдовство. Однако, не странно ли? Нашъ старый товарищъ, съ которымъ до сихъ поръ намъ приходилось спорить лишь по вопросамъ тактическимъ и программнымъ, неожиданно отвлекаетъ наше вниманіе отъ партійныхъ дѣлъ и теоретическихъ темъ. Его поведеніе побуждаетъ насъ заняться вопросами практической морали, если такъ позволительно выразиться. Господа! Что это значитъ? Неужели почтенная Матрена Савельевна колдунья? Неужели она приворожила къ себѣ Игоря Александровича?

— Зарапортовался,—крикнулъ кто-то насмѣшливо въ заднихъ рядахъ.

— Нѣтъ, господа. Этого я не думаю,—продолжалъ Мякинъ, не обращая вниманія на возгласъ.—Иные люди ворожили здѣсь. Въ нашей средѣ, господа, есть такія особы, которыя какъ-то странно вліяютъ на окружающихъ. Иногда они даже дѣйствуютъ косвенно, избѣгая непосредственныхъ общеній. Тѣмъ не менѣе психическая зараза распространяется. Я не предрѣшаю, товарищи, надо ли съ этимъ бороться и какимъ способомъ. Я только хочу указать на нѣкоторые факты и освѣтить ихъ. Вы сами рѣшите, что надо дѣлать. Всѣ прекрасно знаютъ, что въ нашей средѣ есть лица, которыя, несмотря на свою революціонность, оспаривать которую я не буду, весьма тяготеютъ обществомъ насъ, политическихъ. Живутъ одиноко, замкнуто, образуя какую-то своеобразную касту... И что же, несмотря на этотъ образъ жизни, при случаѣ—иногда примѣромъ, иногда психическимъ вліяніемъ, почти гипнотическимъ, они совращаютъ товарищей, внушая имъ странныя идеи и настроенія... Товарищъ Вереевъ и его друзья не разъ упрекали меня за то, что я утверждаю новую религіозность. Теперь представляется удобный случай... Теперь выяснится, и надѣюсь съ достаточной убѣдительностью, что наша религія будущаго ничего общаго не имѣетъ съ мистицизмомъ, порожденнымъ вѣковыми суевѣріями и предрасудками. Господа! Сфера половой жизни, какъ извѣстно, неразрывно связана съ кру-

гомъ религіозномистическихъ вѣрованій. Всѣ знаютъ о странной формѣ брака, которую... Я затрудняюсь нѣсколько... Ну, однимъ словомъ, я говорю о томъ *menage à trois*, который...

Въ это время на собраніи появилось новое лицо, и произошло нѣчто неожиданное.

XV.

Въ день суда рано утромъ Тумановъ ушелъ за городъ, на охоту, къ знакомому якуту Захару. Онъ нерѣдко уходилъ такъ, въ тайгу, и даже оставался ночевать въ юртѣ Захара. Но на этотъ разъ Лидія Николаевна почему-то ждала его къ вечеру. Онъ не пришелъ, и въ сумеркахъ ея овладѣло страшное безпокойство. Она бродила по горницѣ въ волненіи, прислушиваясь къ каждому шороху и скрипу. Она зажгла, было, свѣчи и сѣла за пяльцы, но руки ея опустились, и мотки шелка упали на полъ.

Наконецъ, она рѣшилась пойти на хивринскую половину и спросить кого-нибудь о Тумановѣ. Тамъ тоже никого не было—ни Хиврина, ни Жмуркина. Тогда на Лидію Николаевну напалъ неизъяснимый страхъ. Забывъ даже запретъ домъ, она бросилась къ Серапіоновымъ, откуда приходила къ ней стряпуха готовить обѣдъ и убирать комнаты. По ошибкѣ попала она въ Коробановскую квартиру и наткнулась на Матрену Савельевну. Та сразу ее узнала и, несмотря на малосвязную ея рѣчь, тотчасъ же поняла, что Лидія Николаевна ищетъ Туманова и боится, не случилось ли съ нимъ чего.

— Не бойтесь, милая барыня. Найдется Богданъ Юрьевичъ. Небось, домой ночевать придетъ. А вѣрнѣ всего, онъ сейчасъ въ Епанчевкѣ. Туда весь народъ пошелъ. И мой тамъ,—сказала Матрена Савельевна, съ любопытствомъ рассматривая боярскій нарядъ Лидіи Николаевны.

— А мнѣ въ Епанчевку можно?—наивно спросила Лидія Николаевна, нѣсколько успокоенная Матреною Савельевною.

Бабѣ стало жалко „царевну“, какъ она ее мысленно называла, и она вызвалась проводить ее и, накинувъ шаль, довела до Епанчевки.

И вотъ въ тотъ самый мигъ, когда Мяукинъ упомянулъ въ своей рѣчи о какихъ-то странныхъ соблазнителяхъ и тѣмъ всѣхъ взволновалъ, на порогѣ комнаты показалась Лидія Николаевна, до того времени никогда не появлявшаяся на собраніяхъ. Передъ нею разступились и дали ей дорогу. Она, увидѣвъ Чарушникову и узнавъ ее, какъ-то ужъ очень стремительно къ ней бросилась, и та поспѣшила ей навстрѣчу.

Появленіе Лидіи Николаевны смутило Мяукина. Онъ стоялъ нѣсколько мгновений, разинувъ ротъ.

Чарушникова зачѣмъ-то громогласно заявила:

— Лидія Николаевна Туманова.

— Богдана Юрьевича нѣту здѣсь?—спросила Лидія Николаевна, бросивъ ищущій взглядъ на предсѣдательскій столъ, какъ будто только тамъ, въ центрѣ, могъ онъ быть.

— Его нѣту, нѣту, — захлопотала Чарушникова и неожиданно прибавила съ безмысленной улыбкой:—зато здѣсь Безсонова, Ольга Андреевна.

Лидія Николаевна такъ и встрепенулась при этомъ имени и, протягивая тотчасъ же свою руку, сказала искренно и проникновенно:

— Представьте. Я васъ именно такую и воображала... Какая вы чудесная, должно быть...

Ольга Андреевна, до той минуты разсѣянная и задумчивая, вдругъ оживилась. На блѣдномъ ея лицѣ загорѣлся румянецъ.

Она вся вдругъ потянулась къ Лидіи Николаевнѣ. Онѣ обнялись и нѣжно поцѣловались. Повидимому, онѣ сами не ожидали, что сдѣлаютъ это.

— Садитесь. Садитесь, — лепетала Чарушникова, подставляя стулъ Лидіи Николаевнѣ:— о вашемъ супругѣ не беспокойтесь. Онъ, я знаю, на охоту въ тайгу поѣхалъ. Завтра вернется, навѣрное... А у насъ вотъ здѣсь очень

интересное собраніе... Послушайте, Лидія Николаевна, какъ мы здѣсь разсуждаемъ... Мяукинъ, напрімѣръ, очень краснорѣчивъ.

— Я его знаю,—улыбнулась Лидія Николаевна.

— Продолжайте, продолжайте, Мяукинъ,—трещала Чарушникова:—вы не замѣчаете, господа, что сегодня Мяукинъ въ ударѣ, какъ говорится? Мнѣ даже кажется иногда, что это и не онъ вовсе, а какъ будто кто-то въ него вселился... Ха, ха, ха...

— Вниманье, товарищи. Мяукинъ продолжаетъ свою рѣчь,—сказалъ Вереевъ.

— Да, я продолжаю, господа,—воскликнулъ Мяукинъ, вытаскивая изъ бокового кармана конвертъ.

На конвертъ тотчасъ же всѣ обратили вниманіе, предчувствуя, что это и есть тотъ документъ, о которомъ всѣ говорили такъ много и такъ многозначительно.

— Да, я продолжаю, господа. Мнѣ кажется, что въ этомъ ускользающемъ и, однако, реальномъ настроеніи умовъ было нѣчто соблазнительное. Моральной партійной дисциплинѣ противопологался странный имморализмъ. Ничего прямо не утверждалось, но намекали на какой-то новый любовный опытъ, который будто бы возможенъ и въ наши дни, а въ предѣлахъ этого опыта будто бы „все позволено“. Господа! Это уже не Ницше, а нѣчто болѣе опасное, потому что опорой этого ученія или этой проповѣди служило особое психическое воздѣйствіе, внушеніе... Слабые подчинялись этимъ соблазнителямъ, этимъ провокаторамъ, господа. Замѣьте, пожалуйста, что здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ пока не о политической провокаціи, а объ иной формѣ этого... этого... Я затрудняюсь найти подходящее выраженіе... Ну, все равно. Вы, надѣюсь, понимаете меня. А вы, господинъ предсѣдатель, надѣюсь, простите мнѣ эту единственную аллегорію, которою я рискнулъ воспользоваться для выясненія моей мысли. Итакъ, товарищи, я полагаю, что и Хивринъ, и Коробановъ, и другія лица, чье

поведеніе бросаетъ тѣнь на колонію политическихъ, суть жертвы своеобразной провокаціи.

Въ собраніи произошло замѣтное движеніе.

— Къ сожалѣнію, есть также поводъ для подозрѣнія одного изъ нашихъ товарищей въ косвенномъ содѣйствіи провокаціи другого рода. А именно, мнѣ извѣстно, что одна особа, зная о провокаторской дѣятельности нѣкоего мнимаго революціонера, не сочла нужнымъ сообщить объ этомъ партіи. На этотъ разъ я говорю точно, безъ аллегоріи.

— Какъ! Что?

— Повторите, что вы сказали.

— Позоръ! Позоръ!..

Собраніе было въ смятеніи и ужасѣ. Всѣ говорили разомъ, размахивая руками. Кто-то забрался на столъ и, потрясая кулаками, неистово кричалъ:

— Доказательствъ! Доказательствъ, товарищ Мяукинъ!

— Вотъ послѣдній списокъ провокаторовъ, присланный мнѣ изъ Женевы,—продолжалъ самодовольно Мяукинъ:—Я не стану пока читать весь этотъ длинный перечень предателей... Однихъ Петровыхъ семьдесятъ два... Я отмѣчу только, что среди агентовъ охраны значится имя Валерія Семеновича Вербовскаго...

Едва Мяукинъ произнесъ эту фразу, какъ Ольга Андреевна вскочила со стула и сдѣлала шагъ къ столу. Ея движеніе было такъ судорожно, и глаза ея такъ странно вспыхнули, что Мяукинъ невольно сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Что съ вами, Ольга Андреевна? — спросилъ Веревъ:—Вы знали этого Вербовскаго?

— Да... Знала,—сказала глухо Безсонова, улыбаясь болѣзненно и горько.

— А вы не были съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ?— съ невиннымъ видомъ и нарочитой небрежностью обратился къ ней Мяукинъ.

— Вербовскій былъ моимъ любовникомъ, — молвила тихо, но внятно Ольга Андреевна, и казалось, что она говорить сама съ собою, а не отвѣчаетъ Мяукину.

— Такъ вотъ оно что,—протянулъ Мяукинъ, извиваясь и трепеща:—однако, товарищи, кажется, пора мнѣ замолчать. Мнѣ больше нечего сказать... довольно...

— Нѣтъ, не довольно... Не довольно,—крикнулъ вдругъ Крушинскій, который успѣлъ пробраться къ столу: — вы, господинъ Мяукинъ, сказали, между прочимъ, въ вашей рѣчи, что „одна особа, зная о провокаторской дѣятельности нѣкоего мнимаго революціонера, не сочла нужнымъ сообщить объ этомъ партіи“. Я требую, господинъ Мяукинъ, чтобы вы назвали имя этой особы...

— Нѣтъ ужъ, товарищъ,—воскликнулъ Мяукинъ, дѣлая рукою театральнѣйшій жестъ:—позвольте мнѣ пока не называть этого имени... Да и лишнее это...

— Негодяй! — крикнулъ Крушинскій и, неожиданно схвативъ забытый Жмуркинымъ томъ Маркса, ударилъ имъ изо всей силы по лицу Мяукина.

Томъ „Капитала“, въ твердомъ переплетѣ, съ кожаными корешкомъ и углами, былъ весьма тяжелъ, и Мяукинъ, оглушенный ударомъ, нелѣпо и жалко покачнулся.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ!—простонала въ отчаяніи Ольга Андреевна:—Вербовскій негодяй. Я знала, что онъ негодяй...

Едва она успѣла произнести эту фразу, какъ тотчасъ же раздался непонятный трескъ, довольно глухой, и слегка запахло паленымъ. Въ дальнемъ углу комнаты, гдѣ стоялъ Прилуцкій, началась странная суматоха. Теперь уже никто не смотрѣлъ ни на оскорбленнаго Мяукина, который плакалъ и сморкался, ни на Безсонову, которая въ отчаяніи ломала руки... Волковъ, Зоновъ и еще кто-то взяли тѣло Прилуцкаго и понесли въ другую комнату, гдѣ была кровать. Никто почему-то не догадался поддержать голову самоубійцы, и она, запрокинутая назадъ, съ открытыми мертвыми глазами, испугала ужасно и безъ того трепетавшую Лидію Николаевну.

Она вдругъ всплеснула руками и заговорила торопливо, обращаясь почему-то къ Вереву, какъ будто бы онъ именно все могъ предвидѣть и предупредить несчастье...

— Убился! Убился! — лепетала Лидія Николаевна, странно лоя пальцами воздухъ, точно желая разорвать какую-то паутину, мѣшавшую ей видѣть все вокругъ:—Убился! Господи! Мальчикъ, вѣдь, совсѣмъ... Значить, онъ влюбленъ былъ въ нее... Не могъ ей простить и себя не пощадилъ А, вѣдь она... Она...

— Очаровательница, — нашла за нее слово Чарушникова.

— Да... Да... Она дивная. Я знаю. Я вѣрю. Быть того не можетъ, чтобы она знала про эти темныя, позорныя дѣлишки.

— Это все равно, что не знала. Я знала вообще, что Вербовскій—негодяй и все-таки жила съ нимъ,—сказала Безсонова, которая уже опять владѣла собою и даже какъ-то загадочно улыбалась, хотя на глазахъ у нея были слезы.

— Ну, зачѣмъ на себя клеветать? Зачѣмъ?—обратилась къ ней Лидія Николаевна и тотчасъ отвернулась, опять простирая руки къ Верееву:—Вы такой умный, такой ученый, такой смѣлый. Зачѣмъ вы имъ позволили это? Вѣдь, они всѣ тутъ лучшіе люди Россіи нашей. Я, хотя неразумная, но я очень понимаю, что, можетъ быть, лучше ихъ нѣтъ никого. Вѣдь я знаю, что они смерти не боятся и за нашъ народъ всегда умереть готовы. Зачѣмъ же такъ слѣпо ненавидѣть другъ друга? А этотъ Мяукинъ... Вѣдь, онъ даже очень неглупый, должно быть. Почему же онъ такъ извивается, какъ барыня въ истерикѣ?

Въ это время въ комнату вошелъ Тумановъ. Замѣтивъ суматоху и смятеніе и услышавъ послѣднія фразы Лидіи Николаевны, онъ остановился, недоумѣвая. Къ нему тотчасъ же подошла Чарушникова и шопотомъ стала рассказывать о томъ, что случилось.

— Такъ, значить, я опоздалъ,—тихо проговорилъ Тумановъ, подходя къ столу и здороваясь съ Вереевымъ:—но все таки мнѣ надо сообщить о томъ, что я знаю.

— Мы васъ слушаемъ, Богданъ Юрьевичъ,—сказалъ Вереевъ.

Всѣ тѣсно окружили Туманова, заглядывая ему въ лицо.

— Господа!—началъ онъ:—Къ сожалѣнію, я опоздалъ. Я заблудился въ тайгѣ. Да и не ожидалъ я, по правдѣ сказать, что дѣло Хиврина будетъ лишь предлогомъ для обсужденія иныхъ дѣлъ. Если бы я зналъ это, то и вамъ не пришлось бы выслушать здѣсь ложнаго сообщенія о томъ, что Вербовскій провокаторъ. У меня есть письмо изъ Парижа. Выяснилось, что это печальное недоразумѣніе. Уличенъ въ провокаціи вовсе не Валерій Семеновичъ Вербовскій, а Валеріанъ Степановичъ Вердовскій. Это совсѣмъ иное лицо. Мнѣ, господа, тяжело здѣсь оставаться. Товарищъ Вереевъ прочтетъ вамъ письмо. Вотъ оно. А я уйду. Лидія Николаевна, намъ съ вами домой пора...

— Господа!—пронзительно крикнула Чарушникова:—Мяукину дурно. Помогите ему...

Въ самомъ дѣлѣ Мяукинъ соскользнулъ со стула, упалъ и тупо стукнулся затылкомъ.

XVI.

Въ Россіи совершалась революція, а здѣсь, въ этомъ городишкѣ, заброшенномъ на край свѣта, среди пустынной тайги, творилось что-то неладное... Какъ извѣстно, въ эпохи мятежныя утомляется не тотъ, кто участвуетъ въ борьбѣ, а тотъ, кто бездѣйствуя, созерцаетъ жизнь. И въ нашемъ городѣ всѣ эти Вереевы, Мяукины, Зоновы и многіе иные плѣнники устали смертельно, наблюдая издали за ходомъ событій. Судьба какъ бы издѣвалась надъ ними. Когда-то самоотверженно боровшіеся за свободу, они теперь вдругъ стали ревновать другъ друга къ прошлому и къ будущему. Врачъ-психіатръ, быть можетъ, не безъ основанія замѣтилъ бы признаки душевнаго расстройства у того или иного участника послѣдней, на примѣръ, драмы. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ ли все объяснять болѣзненностью нашей

психики? Не вторичное ли это явление? Не стоит ли нѣчто незримое за внѣшними поступками нашими? Такіе вопросы задавалъ себѣ Тумановъ. А загадочная Анастасія Дасіевна Чарушникова высказала однажды, въ разговорѣ съ Тумановымъ, предположенія почти фантастическія, которыя онъ выслушалъ, однако, съ большимъ вниманіемъ и не улыбулся, хотя его собесѣдница по свойственной ей привычкѣ чрезвычайно кривлялась, сообщая ему эти свои идеи. Правда, идеи эти были не новы, но въ ея устахъ онѣ пріобрѣтали какое-то новое значеніе. Анастасія Дасіевна не то серьезно, не то ради балагурства и шутки призналась Туманову, что она будто бы вѣритъ въ какія-то таинственныя силы, которыя возникаютъ, такъ сказать, параллельно нашей психической энергіи. И будто-бы эти силы дѣйствуютъ самостоятельно, какъ нѣкіе демоны. Во время войны или народнаго движенія появляется множество такихъ незримыхъ существъ. Они принимаютъ дѣятельное участіе во всемъ, заинтересованные, повидимому, очень опредѣленно въ исходъ событій. Свое вліяніе они простираютъ повсюду. И нашъ городъ—заклчила Анастасія Дасіевна—попаль, разумѣется, въ кругъ этихъ опасныхъ вліяній.

Конечно, такія идеи можно принимать по разному: иной увидитъ въ этомъ лишь аллегорію; другой истолкуетъ это въ томъ смыслѣ, что демоны суть обратное и опрокинутое отображеніе нашей души; третій, наконецъ, пойметъ все буквально.

Тумановъ колебался въ своемъ отношеніи къ этой темѣ. Въ одномъ онъ, впрочемъ, не сомнѣвался. А именно въ томъ, что все случилось неспроста: старикъ Коробановъ, влюбившійся въ Матрену Хиврину; самъ Хивринъ, съ браунингомъ въ рукахъ, бравшій приступомъ публичный домъ; Мяукинъ, обманувшійся такъ жестоко и такъ неосторожно бросившій въ лицо Безсоновой ужасное обвиненіе; Безсонова, признавшаяся публично въ томъ, что она была любовницей негодяя Вербовскаго; и, наконецъ, этотъ несчастный юноша Прилуцкій, торопливо убившій себя и своей кровью

запечатлѣвшій всѣ эти странныя событія.. Докторъ Тумановъ вѣрилъ, что въ этомъ кошмарѣ есть свой особенный смыслъ. Ему хотѣлось разгадать іероглифы, которые жизнь передъ нимъ начертала, но пока онъ не находилъ еще ключа къ этимъ таинственнымъ знакамъ. Онъ зналъ, впрочемъ, что самое страшное и отвѣтственное впереди и что это страшное связано какъ-то съ Безсоновой. До другихъ ему въ сущности теперь ужъ не было дѣла. Онъ даже сомнѣвался, что ему придется въ жизни съ ними встрѣтиться. Вотъ развѣ Мяукинъ—думаль Богданъ Юрьевичъ—придетъ еще, быть можетъ, поговорить о здѣшнемъ богѣ или Чарушниковъ прилетитъ на своихъ черныхъ крыльяхъ и своими совиными ночными глазами пристально посмотритъ въ его утомленные глаза.

Похоронили Прилуцкаго. И стало тихо въ колоніи. Многіе какъ будто стыдились чего-то. Даже Мяукинъ нигдѣ не появлялся. Черезъ недѣлю новое происшествіе удивило всѣхъ чрезвычайно: Матрена Савельевна, утомленная безпокойною и непонятною любовью Коробанова, вернулась къ Хиврину, а на другой день въ серапіоновской мастерской, гдѣ стояла паровая машина, нашли трупъ повѣсившагося Коробанова, который наканунѣ многимъ рассказывалъ о задуманномъ имъ побѣгѣ и о будущихъ своихъ революціонныхъ планахъ.

Такъ не прошло и десяти дней, а уже вокругъ новой могилы собрались ссыльные молчаливо и угрюмо.

Двѣ эти смерти повліяли на многихъ и особенно на Лидію Николаевну. Но не только эти смерти волновали ее. Измѣнились ея отношенія съ Богданомъ Юрьевичемъ. Въ эти дни произошло что-то, что напоминало ей то время, когда она впервые встрѣтилась съ Тумановымъ. Онъ опять въ глазахъ ея сталъ страшнымъ и загадочнымъ, и она изнемогала въ мучительныхъ и странныхъ предчувствіяхъ.

И Безсонова чувствовала, что она въ плѣну. Она сама не знала, влюблена она или нѣтъ. Да и при тогдашнихъ обстоятельствахъ врядъ ли она могла рѣшить этотъ во-

прось. Въ ту тревожную пору всё больше думали о смерти, чѣмъ о любви. И сама любовь стала похожа на смерть.

Повидимому, неслучайно встрѣтились въ этомъ городѣ Тумановъ, Лидія Николаевна и Безсонова. Ихъ примѣчательные характеры заключали въ себѣ нѣкоторыя общія черты, но въ то же время во многомъ эти характеры рѣшительно не совпадали. Напрасно, между прочимъ, иные считали Лидію Николаевну чуть ли не идиоткою. Порою она обнаруживала особую проницательность и, пожалуй, даже остроту ума. Правда, нѣкоторыя вещи, очень простыя и для всѣхъ ясныя, казались ей непонятными и сложными и она совершенно не могла въ нихъ разобраться, подобно тому, какъ не могла она, будучи въ пансіонѣ, рѣшать задачи по алгебрѣ. За то въ другихъ случаяхъ она обладала даромъ почти ясновидѣнія, но это свойство было теперь для нея не радостно, потому что она, благодаря ему, знала то, что пугало ее ужасно. Врядъ ли Лидія Николаевна могла бы объяснить точно, чего она боится. Однако, это неизъяснимое было страшнѣе самыхъ страшныхъ житейскихъ несчастій.

Анастасія Дасіевна Чарушникова, которая, кстати сказать, довольно часто бывала теперь у Тумановыхъ, однажды высказала довольно странную и загадочную мысль относительно Лидіи Николаевны. А именно, будто бы она является воплощеніемъ Россіи, то-есть, конечно, въ условномъ и ограниченномъ смыслѣ. Чарушникова, вѣроятно, намекала на то, что въ характерѣ Лидіи Николаевны есть что-то роковое, какая-то обреченность, освѣтленная, впрочемъ, очень твердою вѣрою. Въ душѣ Лидіи Николаевны столкнулись противорѣчія, на первый взглядъ, совсѣмъ непонятныя, но съ которыми вполнѣ невольно всякій примирялся, не отдавая себѣ отчета въ томъ, почему онъ принимаетъ ихъ. Лидія Николаевна казалась нѣсколько боязливою и какъ бы косною, однако она, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, легко могла бы собою пожертвовать, чему и было доказательство.

Иного склада былъ характеръ Ольги Андреевны Без-

соновой; правда, и въ ней, какъ въ Тумановой, была какая-то обреченность, но уже ничѣмъ не оправданная. И еще въ ней была одна черта, очень ее опредѣляющая—это свойственная ей иронія, чего совсѣмъ не было въ душѣ Лидіи Николаевны.

Темное было сердце у Безсоновой.

Чѣмъ болѣе думалъ Тумановъ объ Ольгѣ Андреевнѣ тѣмъ очевиднѣе было для него, что онъ чѣмъ-то съ нею связанъ, но чѣмъ—вотъ вопросъ, который его мучилъ и волновалъ. Онъ зналъ, что эта связь не къ добру, но, какъ привороженный, каждый день шелъ на свиданіе. Ольга Андреевна не скрывала того, что Тумановъ ей нуженъ зачѣмъ-то, но, можетъ быть, еще сама не знала, какъ важна для нея его близость.

Однажды, разговаривая съ Безсоновой о послѣднихъ событіяхъ, Тумановъ сказалъ, что всѣ люди представляются ему теперь лишь куклами-актерами игрушечнаго театра, а онъ самъ себѣ кажется смѣшнымъ и жалкимъ режиссеромъ этой мертвой сцены.

— Развѣ не я вызвалъ Мяукина изъ мрака?—серьезно говорилъ Тумановъ, увѣренный, что и это приметъ Ольга Андреевна и даже не очень удивится:—Развѣ онъ живетъ такъ, самъ по себѣ? Или этотъ Жмуркинъ? Или Пуговкина? Это все персонажи моего кукольнаго театра, дорогая Ольга Андреевна...

— И я хочу быть вашею куклою,—неожиданно проговорила Безсонова, касаясь пальцами его руки,—я кукла... Я кукла...

— Не надо, не надо,—нахмурился тогда Тумановъ и торопливо сталъ прощаться.

Каждый вечеръ уходилъ Тумановъ изъ дома и, когда возвращался, видѣлъ свѣчу въ комнатѣ Лидіи Николаевны и тамъ, въ постели, находилъ ее, блѣдную и смущенную, съ маленькимъ томикомъ въ рукѣ. Это было французское изданіе—*L'imitation de Jésus-Christ*—книжка, которую она любила.

— Вы еще не спите, Лидія Николаевна?

— Нѣтъ еще, Богданъ Юрьевичъ.

— Прежде вы раньше засыпали... Вамъ нездоровится, Лидія Николаевна?

— Нѣтъ, я здорова совсѣмъ. А какъ она? Какъ она чувствуетъ себя?

— О комъ вы говорите, Лидія Николаевна?

— Объ Ольгѣ Андреевнѣ Безсоновой. Развѣ не догадались вы, о комъ я говорю?

— Почему вы спрашиваете именно о ней?

— А у меня такое чувство, Богданъ Юрьевичъ, что и никого сейчасъ въ мірѣ нѣтъ—только мы, трое.

— Странно.

— Я все лежу и думаю. Вотъ вы приходите къ ней. Какое у нея лицо?—думаю я. Потомъ думаю, холодныя у нея руки или горячія. О чемъ вы говорите съ нею? Какъ звучитъ ея голосъ? И что у нея въ глазахъ тогда? Я думаю только о ней, только о ней... Больше ни о комъ.

— Напрасно это, Лидія Николаевна.

— Не знаю. Можетъ быть. А вы цѣловали ее, Богданъ Юрьевичъ?

— Зачѣмъ вы такъ говорите?

— Я сама не рада, что такъ говорю... Только мнѣ все мерещится, представляется... Вотъ я и не сплю отъ этого.

— Представляется?

— Да, представляется—все, все... Такъ, что я даже вотъ этихъ стѣнъ не вижу и ничего не вижу, только ее да васъ... А, впрочемъ, иногда и комнату вижу, не эту, а другую комнату.

— Какую комнату?

— Какъ вамъ сказать? Не очень большую. Лари въ стѣнѣ, сундуки есть... Комодъ красный... На комодѣ зеркало круглое...

— Зеркало круглое? Вы развѣ были тамъ, у Ольги Андреевны?

— Нѣтъ, не была... А вы цѣловали ее, Богданъ Юрьевичъ?

— Молчите, молчите,—твердилъ Тумановъ невнятно.

Однажды, послѣ такой ночной бесѣды, онъ сталъ на колѣни у постели Лидіи Николаевны и началъ безсвязно умолять ее, чтобы она не думала больше объ этихъ свиданіяхъ его съ Безсоновой, „что все это такъ только“, что „это пройдет“...

Лидія Николаевна неожиданно сѣла на постели, спустивъ на полъ босыя ноги, и зарыдала. Какъ-то сразу припухли ея губы, и покраснѣли глаза, и пальцы рукъ стали влажными отъ слезъ. Тумановъ цѣловалъ эти мокрые пальцы въ отчаяніи и ужасѣ.

— Уѣдемъ. Уѣдемъ отсюда,—твердила она, заглядывая ему въ глаза.

На другой день Тумановъ попросилъ губернатора назначить его на одинъ изъ врачебныхъ пунктовъ въ тайгѣ. А черезъ три дня онъ уже уѣхалъ въ улусъ и сталъ жить въ глубинѣ Амгинско-Ленскаго плоскогорья, гдѣ спитъ черная тайга, гдѣ распростерлись безмолвныя озера и гдѣ бродятъ по дикимъ лугамъ со своими стадами непонятныя якуты.

XVII.

Тумановъ поселился въ тайгѣ. Жаркая и пустынная глушь раскинулась теперь вокругъ его юрты на много верстъ вокругъ. Онъ былъ радъ уединенію. Событія недавнихъ дней казались ему теперь далекимъ прошлымъ. Наконецъ-то пойметъ онъ, зачѣмъ онъ пришелъ въ этотъ міръ. То, что было въ городѣ, это все злые сны.

Пора проснуться. Кто-то послалъ ему эти вѣщія сны, какъ предостереженіе. Такъ онъ думалъ. Такъ вѣрилъ.

У Туманова былъ досугъ. Больныхъ было мало. Не очень охотно лѣчились якуты у русскихъ. Шаманы лучше лѣчили. Да и не такъ легко вѣхать за десятки верстъ—и, можетъ быть, напрасно. А русскихъ было мало—лишь изрѣдка пріѣзжалъ засѣдатель или купецъ-мѣняльщикъ, а

туть, въ улусѣ, жилъ одинъ лишь попъ Никита съ семьею, да писарь Шарудинъ, давно ужъ отъ водки полоумный.

Юльскія ночи въ тайгѣ звѣздны и сини. Гдѣ-то за темною бархатною завѣсою горятъ незримые костры, и жарко отъ нихъ землѣ. Но недолго пылаетъ это лѣто: какъ-то неожиданно на еще неостывшую землю падаетъ бѣлый покровъ и наступаетъ лютая зима. Тумановъ боялся этой бѣлой гостии; ему хотѣлось, чтобы медлило лѣто, и онъ жадно вдыхалъ смольные запахи тайги—и днемъ, и ночью.

Такъ жилъ въ таежной пустынѣ Тумановъ, и ему казалось, что онъ хорошо сдѣлалъ, покинувъ городъ и, главное, Ольгу Андреевну. Но почему-то мерещилось ему ея блѣдное лицо, съ алыми губами, и чудился ея шопотъ:

— Я ваша кукла, я кукла... Я кукла...

Когда Тумановъ бродилъ по окрестностямъ съ ружьемъ, онъ не разъ ловилъ себя на странной мечтѣ о Безсоновой: какъ будто здѣсь, въ тайгѣ, онъ могъ ее встрѣтить.

Туманова смущали эти напрасныя мечты, и онъ спѣшилъ домой въ странномъ волненіи. Тамъ, въ юртѣ, онъ находилъ Лидію Николаевну. Она, какъ всегда, сидѣла за пальцами все въ томъ же нарядѣ—и краснѣла, какъ дѣвочка, увидѣвъ мужа.

— Сегодня, Богданъ Юрьевичъ, ходила я къ озеру,—говорила она, улыбаясь:—тамъ ирисовъ много... Ахъ, какъ хорошо здѣсь, въ тайгѣ!..

— Да, хорошо.

— А вамъ не кажется, Богданъ Юрьевичъ, что у тайги сердце есть и глаза тоже, и что вообще она живая?

— Конечно, живая. Иначе и быть не можетъ, Лидія Николаевна.

— Я въ нее влюблена, должно быть.

— Вотъ хорошо, что вамъ не страшно здѣсь. Иные боятся.

— Я не боюсь. А что я влюблена, я потому думаю, что тянетъ меня къ ней. Такъ бы я и шла все по тропинчкѣ отъ березки къ березкѣ, отъ елочки до другой, вдыхала

бы смолы душистыя, слышала бы шелесты шепотливые и какъ тамъ въ глубинѣ кто вздыхаетъ...

— Въ тайгѣ заблудиться можно.

— А я не боюсь, Богданъ Юрьевичъ. Другого такъ боюсь, что и не расскажешь, а вотъ тайги не боюсь. Я сама такая таежная. Меня, какъ тайгу, развѣ что огнемъ взять можно...

Иногда въ душѣ Туманова возникала тоска по Россіи, и ему казалось тогда, что только въ эти черные таежные дни разгадалъ онъ сладостное очарованіе бѣлой Москвы; и ему казалось, что Богъ знаетъ, что могъ бы онъ отдать за то, чтобы войти, напримѣръ, во дворъ Новодѣвичьяго монастыря, побродить среди могилъ, посмотрѣть на сизую рѣчку подъ монастырскими стѣнами и на самыя эти бѣлыя стѣны съ красными башнями; ему хотѣлось постоять на Красной площади, передъ Василиемъ Блаженнымъ, и покормить тамъ голубей, купивъ, по обычаю, у старушекъ горохъ или сѣмечки; или пойти въ Кремль къ обѣднѣ, когда на гладко мощеной площади, передъ Успенскимъ соборомъ, какъ-то особенно шуршать шаги прохожихъ, какъ на площади Марка въ Венеціи.

И тогда сердце Туманова сжималось въ сладостной мукѣ.

— Три тысячи верстъ отъ линіи желѣзной дороги!— думалъ онъ, тайно мечтая о побѣгѣ.

Но въ иной часъ другая Россія мерещилась ему. Вотъ онъ стоитъ у всенощной въ томъ же Успенскомъ соборѣ— и уже нѣтъ бѣлой Москвы: четыре червонночерныя колонны тяжело и мрачно высятся, тая свои капители въ сумракѣ купола, плотно сталъ черный народъ и слушаетъ, опустивъ головы, какъ въ червонной ризѣ черномазый, какъ цыганъ, дьяконъ поминаетъ властей предержавшихъ. Молится дьяконъ „о пособити и покорити подъ ноzi Ихъ всякаго врага и супостата“...

И все ниже и ниже опускаются мужицкія головы. А тамъ чернѣетъ лохматый чортъ—не добродушно-лукавый, сказочно-пѣсенный чортъ, а тотъ красноглазый дьяволъ,

который душилъ Грознаго, понуждая его править черныя обѣдни.

Москва! Москва! Какъ противорѣчивы и странны ея обличья. Она, какъ и вся Россія, какъ будто колеблется на вѣсахъ, подвѣшанныхъ на вѣчныхъ и незримыхъ высотахъ... Золотые куполы московскіе то легко и улыбочиво возносятся свои слѣпительные кресты въ голубую безпредѣльность, то весь этотъ лабиринтъ церквей и башенъ уходитъ въ сумракъ низинъ; какъ бѣлая лебедь плыветъ въ иную пору Москва по лазури; звонъ древнихъ церквей серебристою пѣснею разстилается надъ ея вѣчно-юными холмами; и вольное ликованіе москвичей плѣняетъ въ тѣ миги изумленное сердце, неожиданно среди сѣверной великороссійской равнины нашедшее бѣлизну пламеннаго юга.

Но бываютъ иные дни, иные ночи, и тогда страшно обличье Москвы. Вдругъ зимою закрутится метель, и почернѣетъ небо, и, тогда радуясь мраку, приходятъ изъ-за Москвы-рѣчки бородачи; это они чадомъ своихъ чудныхъ рѣчей морочатъ простой народъ; это они, собираясь по ночамъ въ чайныхъ на Зацѣпѣ, а по эту сторону Москвы-Рѣчки, на Самотекѣ или на Смоленскомъ, толкуютъ мрачно о политикѣ, мечтая на-вѣки вѣчные закрѣпостить Россію отродью Сатаны. А въ лѣтніе дни, когда пыльный жаръ томить ветхій городъ и высыхаетъ рѣчка, какъ грустно, тяжело и безнадежно влачится здѣсь жизнь.

Далеко до моря, не вѣетъ здѣсь морской вѣтеръ, пахнуцій солью, и нѣтъ выхода изъ душнаго лабиринта кривыхъ и горбатыхъ переулковъ. По субботамъ и воскресеньямъ шумятъ пьяныя ватаги тяжело-охмелѣвшихъ. И бормочутъ что-то о присягѣ мертвецки-пьяные.

Такъ Москва то взмываетъ бѣлою лебедью, то, обернувшись вороною, чертитъ прахъ темнымъ крыломъ. Это—городъ-оборотень, старая чарая Москва.

Такъ мечталъ Тумановъ, радуясь тому, что родина его Россія, но порою страшась ея судьбы.

И, какъ Россію, любилъ Тумановъ Лидію Николаевну,

и, какъ Россіи, боялся ея. Онъ боялся ея трепета, ея строгихъ, что-то тайное видящихъ глазъ и ея святой безмысленной улыбки. А теперь, когда другая улыбка его смущала и влекла, онъ боялся и самого себя.

Приходилъ иногда попь Никита. Ударить разъ-другой въ оконную раму и стоять, ждетъ Туманова, не рѣшается войти въ юрту, считаетъ себя „недостойнымъ лицедрѣть неземной ликъ“. Такъ странно выражался про Лидію Николаевну попь Никита.

— Попадья моя спить, Богданъ Юрьевичъ. За вами я пришелъ. Шарудинъ милости просить...

— Что?

— Милости просить. Значить, выпить и закусить у него. Пойдемъ, Богданъ Юрьевичъ.

— Пойдемъ.

Въ юртѣ у Шарудина горитъ ярко камелекъ, и босоногая якутка Фрося, служанка его и любовница, ставитъ на столъ сибирскія разныя яства и всякія настойки, дурманныя и пахучія.

— Первая коломъ, а вторая соколомъ,—пьетъ, покрывая, Никита, попь грузный, съ неповоротливыми мыслями въ огромной и тяжелой головѣ.

— А что теперь въ Москвѣ?—спрашиваетъ Шарудинъ, мутными глазами поглядывая на Туманова:—вѣдь, вы, Богданъ Юрьевичъ, оттуда не такъ давно; и двухъ лѣтъ еще не будетъ? А?

— Въ Москвѣ много разнаго,—говоритъ Тумановъ.

— А что, Богданъ Юрьевичъ, правда ли, что по ночамъ ходитъ тамъ Василій Блаженный и кому погрозитъ, тому и смерть?

— Правда.

— Занятно. А то еще говорятъ, будто англичане привезли теперь изъ Амстердама женщину съ рыбимъ хвостомъ. Вы не видали? Это не при васъ?

— Ихъ много.

— Чего?

— Женщинъ такихъ немало, говорю.

— А!

— Богданъ Юрьевичъ шутить,—говоритъ попъ Никита,—а ты, Шарудинъ, помолчи... Я вотъ хочу о серьезномъ поговорить. Вы меня слушаете, Богданъ Юрьевичъ?

— Слушаю, отецъ Никита.

— Такъ вотъ прочелъ я недавно въ газетахъ, что съѣздъ крестьянскій предполагается. Объясните мнѣ толкомъ, какъ же это понимать надо. Ну, хорошо-съ, сегодня они съѣхались, завтра они говорить начнутъ, послѣ завтра крикомъ будутъ кричать, а потомъ и съ дрекольями пойдутъ. Правильно ли я говорю? Я знаю, вы за политику къ намъ присланы. Такъ, вѣдь, то вы, а то мужичье. Правильно я говорю?

— Думаю, что неправильно, отецъ Никита. Впрочемъ, я хотя и за политику, будто бы, сюда высланъ, но на самомъ дѣлѣ я къ политикѣ отношенія не имѣлъ. По моему, совсѣмъ ее не надо.

— Го-го-го!—хохочетъ безъ причины попъ:—вотъ выдумали, Христосъ съ вами! Какъ же безъ политики-то? Куда-жъ это министры тамъ разные или ваши всякіе тамъ социалисты—куда имъ, позвольте васъ спросить, дѣваться? Да и мало ли народу политикою кормится? Еще, поди, другой никакимъ дѣломъ заняться не можетъ, а къ политическому приспособился, въ чиновникахъ тамъ что ли или въ какихъ-нибудь революціонерахъ служить сталъ, а тамъ, смотришь, и въ начальники произведутъ, а вы говорите, „политики не надо“. Это даже, Богданъ Юрьевичъ, такое ваше слово можно нецивилизованнымъ назвать. Только я вамъ не вѣрю. Это вы на-смѣхъ все.

— Нехорошо, отецъ Никита, политику оправдывать. Политика всякая отъ сатаны. Оттого и церковь ваша въ запустѣніи. Забыли вы всѣ о Богѣ и стали рабами.

Богданъ Юрьевичъ беретъ папиросу дрожащими пальцами и куритъ, жадно затягиваясь.

— Нехорошо, отецъ Никита,—повторяетъ онъ, какъ

будто онъ говоритъ не съ этимъ пьянымъ таежнымъ попомъ, а съ какимъ-то другимъ всероссійскимъ попомъ, который возникъ передъ нимъ, какъ вѣщій призракъ.

— И чего это вы меня все Богомъ стыдите,—обижается Никита:—сами-то вы кто? Вы развѣ въ Бога вѣрите? Такъ, вѣдь, только для соблазна разговариваете...

Шарудинъ, ударивъ кулакомъ по столу, неожиданно говоритъ, какъ будто угрожая:

— А въ Илію Ѳесвитянина изволите вы вѣрить, Богданъ Юрьевичъ?

— Что?

— Стихирь гласа восьмого знаете: „Иже Ѳесвитянина Илію, колесницею огненною, отъ земли щедре преложивый слово, сего молитвами спаси насъ“... Такъ-то! А я вѣрю! Ѳесвитянинъ онъ—Илія-то...

XVIII.

Наступила зима. И бѣлая глухая пустыня казалась теперь еще неумолимѣе и строже. Тумановъ и Лидія Николаевна ходили закутанные въ заячьи и оленьи мѣха. Изрѣдка Богданъ Юрьевичъ бралъ у отца Никиты лошадь и каталъ въ низкихъ и легкихъ саняхъ Лидію Николаевну. Лохматая крѣпконогая лошадка мчала санки по таежнымъ тропамъ, и міръ вокругъ казался безмѣрнымъ океаномъ. Вздыбились огромныя волны-холмы, вздыбились и замерзли такъ—недвижныя, бѣлыя.

Когда ночью Тумановъ послѣ попойки выходилъ изъ юрты Шарудина, странное чувство, какъ будто въ сердцѣ сосредоточенное, волновало его.

— Нѣтъ, не случайно возникли звѣзды въ этомъ небѣ,—думалъ онъ, пристально вглядываясь въ глубину синей бездны,—надо гадать по звѣздамъ, надо прислушаться къ ихъ пѣнію, чтобы жить такъ, какъ надо жить...

Онъ возвращался домой и медлил на порогѣ: тамъ,

въ юртѣ, около огня сидитъ Лидія Николаевна. Тумановъ зналъ, что она подыметъ голову и своими святыми глазами посмотритъ на него.

— Такъ и русская земля смотритъ на меня,—думалъ онъ, изнемогая въ тоскѣ:—а я? Что я могу дать ей? И на что нуженъ мой стонъ? Ссылные, кого онъ недавно судилъ строго, казались ему теперь чистыми, почти святыми. Онъ былъ увѣренъ, что недостойнъ ихъ.

— Они всѣ готовы умереть. Они не боятся смерти. А я? Я боюсь и смерти, и жизни,—шепталъ онъ, предчувствуя, что скоро надо будетъ дѣлать что-то рѣшительное.

Съ попомъ Никитою и полоумнымъ Шарудинымъ онъ попрежнему водилъ знакомство. Онъ, такой замкнутый, не брезговалъ ими и даже былъ съ ними словоохотливъ. Они были ему нужны; съ горечью и даже съ ужасомъ онъ сознавалъ, что они въ самомъ дѣлѣ истинно-русскіе люди.

Странное жизнеупорство замѣчалъ Тумановъ въ этихъ людяхъ, потерявшихъ образъ Божій. Какими-то корнями росли они въ Россію—этотъ тупоумный попъ и пьяница Шарудинъ.

Попъ говорилъ Туманову:

— Порядокъ я люблю и благолѣпіе. И толстыхъ я люблю. Они всегда знаютъ, что и къ чему, и неторопливы. И отчего это вы, Богданъ Юрьевичъ, недородны? Образованный вы человѣкъ, а легкій. Вотъ Лидія Николаевна, супруга ваша, не нашего, конечно, поля ягода, однако все же прочнѣе какъ-то, а вы, извините, вродѣ пуха...

А Шарудинъ, поводя мутными глазами, твердилъ что-то многозначительное.

— Отца Никиту признаю. Онъ положительный! Преклоняюсь передъ тобою, пастыръ почтенный! Главо! Честной добродѣтели dome! Правильно! Ура!

Тумановъ пилъ водку. Возникали передъ нимъ въ винныхъ парахъ эти странныя и жуткія лица таежныхъ обывателей и какъ будто издѣвались надъ нимъ, лукаво смѣясь.

И съ каждымъ днемъ все загадочнѣе и плѣнительнѣе становилась тайга. Тумановъ надѣвалъ лыжи и шелъ къ рѣкѣ, переходилъ черезъ ледъ, и тамъ, на томъ берегу, ждала его траурная пустыня, бѣлая и черная. Онъ по-долгу стоялъ, какъ завороченный, и не могъ оторвать глазъ отъ этой страны, гдѣ каждая ель, каждый оврагъ, каждая поляна лѣсная исполнены странныхъ чаръ.

Тумановъ бродилъ упрямо по глухимъ тропамъ. Онъ не разъ находилъ потухшіе костры, шести съ мертвыми на нихъ гагарами, а иногда и хитро разукрашенные само-стрѣлы или кованныя бляхи, въ видѣ рыбъ. Онъ зналъ тогда, что былъ здѣсь шаманъ. Ударяя въ бубенъ, пѣлъ здѣсь шаманъ о щербатой лунѣ или о дивныхъ раскосыхъ глазахъ или о тойонѣ, побѣдившемъ двѣнадцать племенъ. Тумановъ все это зналъ, и ему тоже хотѣлось шаманить и бить въ бубенъ, клича мудрую гагару. Она полетитъ въ царство абасыларъ, по ту сторону тайги, гдѣ земля сходится съ небомъ. Оттуда принесетъ она вѣсть и узнаетъ тогда шаманъ, какая звѣзда поведетъ за собою человѣка и въ какія луны грозитъ ему гибель.

А еще дальше, въ глубинѣ глубинъ, въ глухихъ нѣдрахъ тайги, спитъ прекрасная царевна. И тотъ, кто найдетъ ее и разбудитъ, узнаетъ, какъ абасыларъ, добро и зло. Но зорко слѣдитъ тайга за каждымъ шагомъ человѣка. Нѣтъ, не выдастъ она своей царевны.

И не увидитъ ея Тумановъ никогда. А развѣ не царевна—Лидія Николаевна? Это она! Это ее держитъ въ своемъ плѣну великая тайга!

— Нѣтъ, нѣтъ,—шепталъ Тумановъ:—это не такъ, это не то...

Порою казалось Туманову, что на землѣ только онъ одинъ, а всѣ иные это онъ же въ разнообразныхъ обличьяхъ. Это онъ, Тумановъ, подъ личиною Верева, предсѣдательствуетъ; это онъ пишетъ прилежно „Опытъ научнаго анализа экономической структуры инородческихъ общинъ Амгинско-Ленскаго плоскогорья на основаніи статистическихъ

данныхъ "... Это онъ, Тумановъ, а вовсе не Прилуцкій, ранилъ себя смертельно, и его пронесли мертваго мимо Безсоновой... Да полно, она ли это? Не самъ ли онъ глазами Безсоновой смотрѣлъ на себя—самоубійцу?

Но странно: съ Лидіей Николаевной никогда не смѣлъ отождествить себя упрямо бродившій въ тайгѣ Тумановъ. Лидія Николаевна это уже иной несравненный міръ.

Однажды, возвращаясь домой послѣ скитаній въ тайгѣ, Тумановъ увидѣлъ у своей юрты сани, чѣмъ-то нагруженныя, и нѣсколько человѣкъ, хлопотавшихъ около нихъ. Мелькала красная бороденка.

— Здравствуйте, товарищъ. Не ожидали?—усмѣхаясь, сказалъ Волковъ:—на Алданъ ѣдемъ. Сутки у васъ проживемъ...

— А кто съ вами ѣдетъ?—спросилъ нерѣшительно Тумановъ, догадываясь, что съ этой экспедиціей связано будетъ для него, Туманова, что-то отвѣтственное и тяжелое.

— Да насъ трое собственно: Крушинскій, я и вотъ этотъ пріятель нашъ, учитель бывшій, Смиряевъ,—сказалъ Волковъ, указывая на молодого угриватаго человѣка съ якутскими скулами и косыми глазами.

— А гдѣ же Крушинскій? — опять спросилъ Тумановъ.

— Да онъ у васъ въ горницѣ съ женою. Его досюда жена провожаетъ. Тамъ ихъ въ юртѣ супруга ваша чаемъ угощаетъ.

— Значить, женился Крушинскій? На комъ же?

— Ахъ, вы не знаете! А мнѣ и невдомекъ,—усмѣхнулся Волковъ, подмигивая.—Да на Безсоновой онъ женился, на Безсоновой, Ольгѣ Андреевнѣ... Она, кажется, въ улусѣ вашемъ пожить рѣшила. Устала она въ колоніи. Еще бы!

— Такъ, значитъ, на Алданъ... Вотъ какъ, однако,—бормоталъ Богданъ Юрьевичъ, входя въ горницу.

Все вокругъ него заволочлось легкимъ туманомъ. Лишь одно лицо онъ видѣлъ—большіе зеленовато-сѣрые глаза, такъ странно на него устремленные; горькую и какъ бы насмѣ-

шливую улыбку на нѣжныхъ губахъ, и эти древнія египетскія черты утомленнаго лица...

— Да что съ вами, Богданъ Юрьевичъ? Да на васъ лица нѣтъ? Блѣдный какой! Господи!—воскликнула Лидія Николаевна, и чашка, которую она держала въ рукѣ, упала на полъ и разбилась вдребезги.

Волковъ бросился подбирать осколки.

— Замерзли, должно быть, Богданъ Юрьевичъ?—сказалъ Крушинскій, здороваясь...—Вѣрно, что холодно. Пятьдесятъ градусовъ, какъ хотите, Ну, а намъ, знаете ли, ни почемъ. Мы на Алданъ ѣдемъ... Слыхали?...

— Андрей Владиміровичъ говорилъ... Какъ же,—пробормоталъ Тумановъ, снимая доху.

Онъ разсѣянно отвѣчалъ на вопросы и думалъ объ одномъ:

— Зачѣмъ опять здѣсь, передъ нимъ, эти зеленоватосѣрые обреченные глаза, эти влекущія, улыбчивыя губы?

— Не остаться ли мнѣ здѣсь дня на три?—спросилъ, ни къ кому не обращаясь, Крушинскій.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшила ему отвѣтить Ольга Андреевна, какъ-то ужъ очень повелительно:—Поѣзжай завтра-же, на разсвѣтъ, какъ рѣшено было.

— Раньше уѣдешь и вернешься раньше,—добавила она въ утѣшеніе, загадочно усмѣхаясь.

— Да... Вотъ вы и замужемъ... Такъ неожиданно,—пробормоталъ Тумановъ, не смѣя почему-то взглянуть ей прямо въ глаза.

И на Лидію Николаевну онъ старался не глядѣть. Даже не обернулся къ ней, когда чашка выскользнула изъ ея рукъ.

Тумановъ ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Не видѣлъ онъ, какъ конфузился угреватый Смиряевъ, влюбившійся, повидимому, въ Безсонову, какъ приходилъ попъ Никита съ попадѣей; не слышалъ онъ, какъ разсуждалъ о политикѣ Шарудинъ, какъ Волковъ убѣждалъ Безсонову ѣхать съ ними на Алданъ, какъ Лидія Николаевна, напро-

тивъ, уговаривала ее остаться въ тайгѣ, какъ Крушинскій уходилъ и снова приходилъ со старухой якуткой, у которой нанялъ онъ для Ольги Андреевны просторную и чистую юрту.

— Нѣтъ, нѣтъ,—думалъ Тумановъ,—Лидія Николаевна единственная и несравненная, родная, какъ Россія, близкая и чудесная... Зачѣмъ же эти чужіе предсмертные глаза? Да чего я въ самомъ дѣлѣ такъ страшусь? Вѣдь, свободенъ я? Вѣдь, свободенъ?

Такъ думалъ Тумановъ, изнемогая въ смутномъ предчувствіи какой-то неожиданной опасности.

XIX.

Почему, однако, Безсонова вышла замужъ за Валентина Александровича Крушинскаго? Это, конечно, могло показаться страннымъ,—вѣдь не любила же она его! Но надо признаться, что и ранѣе поступки Ольги Андреевны не болѣе были понятны и объяснимы. Благоразумному человѣку приходилось только руками развести. Вотъ ужъ именно все это было „для безсмысленности“, какъ выражалась Чарушникова. Есть среди насъ люди, которые поражаютъ своею не то чтобы щедростью, а какою-то болѣзненною расточительностью: они стремительно спѣшатъ тратить свое сердце, свою душу, всѣ силы своего существа. Какъ будто они повѣрили, что нѣтъ въ мірѣ ничего цѣннаго, ничего завѣтнаго, что все лучшее подобно снамъ. И вотъ точно на зло кому-то такіе люди расточаютъ Божьи дары. Съ какимъ-то сладострастіемъ они отдають на поруганіе самихъ себя.

Но случается, что такіе люди встрѣчаютъ вдругъ нѣчто имъ близкое, дорогое, чему они охотно поклонились бы, но уже силъ нѣтъ. Тогда они, подобно дивному нашему лирику, твердятъ съ печалью, что ихъ „жаръ души“ растроченъ „въ пустынь“. А ежели такимъ людямъ случится полюбить кого-нибудь, тогда они окончательно теряютъ голову. Воспоми-

нанія о напрасныхъ связяхъ, о холодныхъ поцѣлуяхъ мучаютъ ихъ жестоко, и они въ свою очередь не щадятъ тѣхъ, въ кого влюбились. Иногда все это бываетъ оправдано чѣмъ-то высшимъ, но чаще все разрѣшается истерикою, постыдною и ничтожною.

Замужество Безсоновой совсѣмъ сбило съ толку Як-скую колонію. Еще всѣ живо помнили злополучный судъ и двѣ ужасныя смерти—Прилуцкаго и Коробанова,—помнили, конечно, и тогдашнюю безобразную выходку Крушинскаго... Мяукинъ, кстати сказать, три дня ходилъ съ повязкою и горько плакалъ, но почему-то третейскаго суда требовать не рѣшился. О поединкѣ, конечно, и рѣчи не было. Мяукинъ, какъ человѣкъ честный, очень былъ смущенъ тѣмъ, что такъ неосмотрительно и торопливо обвинилъ Безсонову Богъ знаетъ въ чемъ. И вдругъ Ольга Андреевна вышла замужъ.

Но, должно быть, не очень свѣтлы были первыя недѣли супружества: Волковъ безъ труда уговорилъ младожена отправиться съ нимъ на Алданъ. И Безсонова, повидимому, не огорчилась скорой разлукой.

Уѣхать изъ города и поселиться въ тайгѣ рѣшила она неожиданно, накануне отъѣзда. Губернаторъ, конечно, разрѣшилъ ей это охотно. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что даже Чарушникова не знала ранѣе о планѣ Ольги Андреевны. Да и былъ ли у нея такой планъ? Можетъ быть, она и сама не знала, что кто-то направилъ ее на этотъ путь—въ тайгу. Но кто?

На разсвѣтѣ Волковъ, Крушинскій и Смиряевъ собрались уѣзжать. Подводы были готовы. Ямщики-якуты гикали и ахали, какъ всегда, окруживъ сани, и просили арги. Былъ крѣпкій насть. Лошади, еще сонныя и согрѣвшіяся въ тепломъ хотонѣ, жались одна къ другой и недоумѣнно поглядывали на людей.

Безсонова и Тумановъ провожали путешественниковъ.

— Прощайте! Прощайте! — говорила Ольга Андреевна, махая рукой, въ большой лохматой рукавицѣ: — Ну, Богъ съ вами! Счастливаго пути!

— Такъ, значить, не ѣдете вы съ нами, Ольга Андреевна!—сказаль Смиряевъ и тотчасъ же отвернулся, густо покраснѣвъ.

— Эхъ, Валентинъ Александровичъ! Какъ же это? А?

— Ну-ну! Садитесь-ка сюда, молодой человекъ!—прикрикнулъ на него Волковъ, подмигивая: — Вамъ-то, собственно, что?

— Я буду охотиться и привезу вамъ соболей,—сказаль Крушинскій, цѣлуя маленькія руки Ольги Андреевны, которая для этого сняла свои лохматныя рукавицы.

— Мы вамъ золото привеземъ!—крикнулъ весело Волковъ.

— Путь счастливый!

Разступились якуты. Свистнули дико ямщики. Легко по насту помчались сани на востокъ, на встрѣчу холодной таежной зарѣ. Когда они скрылись изъ виду, Тумановъ сказалъ:

— Я провожу васъ... Лидія Николаевна спить...

Юрта, въ которой поселилась Ольга Андреевна, стояла на другомъ краю поселка. За мелкимъ березнякомъ, пониже, зеленѣло и поблескивало замерзшее озеро: снѣга на немъ почти не было.

Тумановъ и Ольга Андреевна шли молча. Было слышно, какъ поскрипываютъ камосы на крѣпкомъ бѣломъ снѣгу. Они миновали черный плетень, два горбатыхъ хотона, облитыхъ водою и такъ замороженныхъ, чтобы внутри тепло было, и вошли въ юрту, гдѣ горѣлъ въ камелькѣ огонь.

— Помогите мнѣ раздѣться,—сказала Ольга Андреевна, съ трудомъ поднимая руки, чтобы развязать у ворота ремешки оленьей узорчатой кухлянки.

— Хорошо. Позвольте, я развяжу, — проговорилъ Тумановъ и смутился, когда его пальцы встрѣтились съ тонкими и нѣжными пальцами Безсоновой.

— Ахъ, неловкій какой,—тоже почему-то смущаясь, улыбнулась Ольга Андреевна, показывая, какъ надо развязывать затянувшіеся ремешки.

Она сѣла на нару и выставила впередъ правую ногу въ мѣховомъ сапогѣ и сказала, смѣясь:

— Помогите. Снять не могу.

Тумановъ сталъ на колѣни.

— Ты мой! Ты мой!—сказала Ольга Андреевна, и положила маленькую руку ему на голову.

— Не надо такъ,—пробормоталъ Тумановъ, вставая.

— Нѣтъ надо, надо,—шептала Ольга Андреевна.

Освобожденная теперь отъ тяжелыхъ мѣховыхъ одеждъ и похожая въ своемъ черномъ платьѣ на монашенку, она казалась Туманову по-новому привлекательной. Онъ поднесъ къ своимъ губамъ ея пальцы. И она сама прижала ихъ.

— Люблю, люблю, люблю...

— Развѣ такъ надо? — какъ будто кого-то незримаго спросилъ Богданъ Юрьевичъ.

Безсонова вздрогнула и вдругъ рѣшительно обняла его за шею, ища своими губами его губы и прижимаясь къ нему.

— Уѣзжайте въ городъ. Я боюсь васъ,—сказалъ Тумановъ, оторвавъ свои губы отъ ея жадныхъ чуть влажныхъ и горячихъ губъ:—Это въ послѣдній разъ... Слышите? Въ послѣдній разъ...

— Что въ послѣдній разъ? Ничего не пойму. И не хочу понимать, — усмѣхнулась Ольга Андреевна: — Я остаюсь здѣсь.

— Прощайте,—проговорилъ Тумановъ тихо.

И, надѣвъ доху, онъ торопливо вышелъ изъ юрты. На дворѣ было свѣтло. Старый безбородый якуть гналъ шестомъ воловъ, лѣниво ступавшихъ по мерзлой землѣ. Гдѣ-то въ улусѣ выла собака. И отъ этого унылаго воя, и отъ блѣднаго утра все казалось тоскливымъ и безнадежнымъ.

XX.

У Тумановыхъ была служанка, молодая якутка. Она жила въ городѣ и умѣла готовить разныя русскія ку-

шанья. А Безсонова не нашла такой служанки и хозяйка ее тоже не умѣла варить и жарить на русскій ладъ. Пришлось Ольгѣ Андреевнѣ обѣдать и ужинать у Тумановыхъ. Лидія Николаевна сама предложила ей это, и она тотчасъ же согласилась.

Каждый день приходила Безсонова. Усталая, блѣдная, какъ бы робѣя, переступала она порогъ тумановской юрты. И столько было въ Безсоновой изнеможенія и ущербка какого-то, что Тумановъ, смущаясь по неволѣ, не разъ думалъ:

— Большая птица съ раненымъ крыломъ...

И не разъ припоминалъ онъ слова Лидіи Николаевны:

— И у меня такое чувство, Богданъ Юрьевичъ, что и никого сейчасъ въ мірѣ нѣтъ—только мы, трое.

И опять звучалъ въ его душѣ вопросъ Лидіи Николаевны:

— А вы цѣловали ее, Богданъ Юрьевичъ?

Жить такъ въ тайгѣ было страшно. Смотрѣть въ глаза другъ другу, тая несказанное, было страшно. И опять жизнь стала похожа на дурной сонъ.

Послѣ ужина Тумановъ провожалъ Ольгу Андреевну. И каждый разъ, когда онъ такъ уходилъ изъ дому, Лидія Николаевна не знала, что надо дѣлать, и металась по юртѣ, какъ запутавшаяся въ сѣтяхъ.

Однажды, когда Тумановъ медлилъ вернуться домой, выбѣжала Лидія Николаевна изъ юрты, какъ была, въ одномъ сарафанѣ и въ открытыхъ башмачкахъ, ступая на зеленоватый отъ луны снѣгъ и не замѣчая стужи.

Старая якутка-шаманка въ тотъ поздній часъ шла къ себѣ въ юрту, возвращаясь отъ больной. Увидѣвъ Лидію Николаевну въ одномъ сарафанѣ, безъ дохи и куклянки, она остановилась, недоумѣвая, и сказала по-якутски:

— Куда хатунъ идетъ? Холодно въ тайгѣ. Домой надо.

Лидія Николаевна не поняла ея, но, радуясь тому, что кто-то живой стоитъ передъ нею, ласково улыбнулась и молвила, прижимая къ груди руки:

— Мой мужъ пошелъ проводить Ольгу Андреевну и

сейчасъ вернется, а я, глупая, испугалась чего-то, но это пройдетъ, конечно.

— Когда луна свѣтитъ, абасыларъ томятъ сердце,—сказала якутка на своемъ непонятномъ языкѣ, чувствуя, что жена русскаго тойона очень страдаетъ.

— Я не понимаю вашего языка, — проговорила Лидія Николаевна съ грустью:—но я выучусь непременно, если только... Если только мужъ мой вернется ко мнѣ... Ахъ, простите меня, я не то хотѣла сказать, но у меня спуталось что-то здѣсь.

И она указала на свою голову.

— Я умѣю шаманить очень хорошо, очень хорошо. Голова не будетъ болѣть,—сказала по-якутски старуха, думая, что она жалуется на головную боль.

— Ну, прощайте, — молвила Лидія Николаевна: — я къ нимъ пойду. Страшно мнѣ одной. Развѣ я помѣшаю имъ? Господи!

— И Лидія Николаевна, не чувствуя холода, пошла вдоль плетня.

Якутка покачала головой и, бормоча свои шаманскія причитанія, поплелась домой.

Луна была на маломъ ущербѣ. Вокругъ все было недвижно. И мерзлая чуть снѣгомъ запорошенная земля была страннаго зеленоватаго цвѣта. Тайга, раскинувшая свои огромные шатры по ту сторону рѣки, казалась теперь станомъ какихъ-то вражескихъ силъ. Но Лидія Николаевна ничего не видѣла вокругъ. Она шла, какъ завороченная, чувствуя острую боль въ сердцѣ, и повторяла одно и то же уже непослушными отъ холода губами:

— Они теперь вдвоемъ. Но развѣ я имъ помѣшаю? Господи!

Иногда она останавливалась, задыхаясь, прижимала руку къ груди и шептала:

— Больно мнѣ! Больно!

А потомъ опять черезъ силу брела дальше и опять повторяла:

— Развѣ я имъ помѣшаю? Господи!

Повѣялъ вѣтеръ, и стало мести немного. Крутился легкій мелкій снѣгъ низко надъ землею. А повыше туманъ, пронизанный луннымъ свѣтомъ, повисъ огромными лоскутами.

Лидія Николаевна почувствовала вдругъ острый холодъ и какъ будто былъ онъ въ костяхъ и суставахъ; она бросилась бѣгомъ къ озеру, гдѣ чернѣла юрта Безсоновой. Лидія Николаевна вбѣжала на крыльцо, задыхаясь, и толкнула дверь. Несчастная еще раза три постучала въ тяжелую мерзлую дверь, больно ушибая свою маленькую руку, но и на этотъ разъ никто не отвѣтилъ на ея стукъ. Тогда, въ отчаяніи, она подошла къ окну и хотѣла, было, постучать въ него, но, замѣтивъ, что въ юртѣ нѣтъ огня, пошла прочь, шатаясь, но не домой почему-то, а къ рѣкѣ, за которой разстилалась черная таежная пустыня.

XXI.

Когда Тумановъ вернулся домой, въ горницѣ было холодно, какъ на дворѣ. Дѣвочка спала на другой половинѣ и не знала, что Лидія Николаевна ушла изъ дому, настежъ распахнувъ дверь и оставивъ ее такъ.

Камелекъ погасъ. И, когда Тумановъ зажегъ свѣчу, онъ увидѣлъ, что на полу снѣгъ и подушки на нарахъ обледенѣли и наволочки стали твердыми. Богданъ Юрьевичъ дѣвочку не сталъ будить, а, захвативъ лыжи, пошелъ къ поповской избѣ.

Отецъ Никита долго не могъ понять, зачѣмъ его разбудилъ Тумановъ, но когда, наконецъ, сообразилъ, что Лидія Николаевна, къ которой онъ чувствовалъ какое-то особенное благоговѣніе, считая ее чуть-ли не святой, ушла изъ дому, неизвѣстно куда, испугался чрезвычайно и, торопливо надѣвъ доху и камосы и захвативъ лыжи, пошелъ съ Богданомъ Юрьевичемъ къ его юртѣ.

— Ахъ, ты Господи Иисусе! Да какъ же это? Да возможно ли помыслить этакое? И куда ей ночью идти?

— Грѣхъ-то какой, Господи!—причиталъ отецъ Никита, качая огромной и нескладной своей головой.

— Не знаю. Не понимаю ничего,—полувнятно сказалъ Тумановъ:—и что дѣлать надо—тоже не знаю.

— Да неужто она безъ верхней одежды ушла?

— Да.

— О, Господи! А слѣды куда ведутъ?—спохватился отецъ Никита.

— Я голову потерялъ,—сказалъ Тумановъ:—куда слѣды ведутъ, я и не посмотрѣлъ.

— Фонарь надо. Есть у васъ?

— Есть.

Они взяли въ куртѣ фонарь и стали разсматривать землю вокругъ крыльца. Несмотря на легкій и мелкій снѣгъ сверху, они безъ труда нашли отпечатки маленькихъ башмачковъ Лидіи Николаевны. Низко нагибаясь и свѣтя фонаремъ, они добрели, наконецъ, до юрты Ольги Андреевны.

— Ахъ, ты Господи! она на крыльцо всходила,—удивился отецъ Никита:—не у госпожи ли Безсоновой изволить она быть?

— Да, вѣдь, въ окнахъ огня нѣту,—сказалъ тихо Тумановъ,—и вонъ куда слѣды ведутъ.

— И то правда,—согласился попъ,—только зачѣмъ же ей къ рѣкѣ идти?

— Не знаю.

— Худо это,—нахмурился Никита, недоумѣвая:—какъ же это вы, сударь, жену-то не уберегли?

Тумановъ не отвѣтилъ и, отвернувшись, сталъ надѣвать лыжи. И отецъ Никита надѣлъ свои. Молча побѣжали они къ рѣкѣ.

— Вотъ здѣсь упала она, должно быть,—пробормоталъ отецъ Никита, разсматривая измятый снѣгъ.

Они бѣжали теперь черезъ рѣку, останавливаясь ино-

гда и разглядывая слѣды. На томъ берегу остановился Никита и вдругъ, задыхаясь, сказалъ:

— Что же это? А? Не пойду я дальше. Боюсь. Вѣдь дальше—тайга...

Онъ сталъ громко кашлять, мотая головой.

— Тогда я одинъ,—сказалъ глухо Тумановъ и пошелъ впередъ, не оглядываясь.

— погоди. Куда ты? И я съ тобой,—неожиданно переходя на „ты“, закричалъ Никита и побѣжалъ за Тумановымъ.

Слѣды шли на-прямикъ въ тайгу. Со всѣхъ сторонъ тѣснились черныя ели. Тишина была мертвая. И каждый звукъ, ее нарушавшій, удесятерился и какъ будто медлил въ воздухѣ, застывая, среди колючихъ вѣтвей.

— Страшно мнѣ. Ахъ, страшно,—шепталъ попъ и уже не разглядывалъ снѣга, слѣдуя слѣпо за Тумановымъ.

— Слѣдовъ нѣтъ,—пробормоталъ Богданъ Юрьевичъ упавшимъ голосомъ.

— Неужто нѣту?

Они остановились на чистой бѣлой полянкѣ, недоумѣвая, куда теперь идти.

Стоокая тайга смотрѣла въ упоръ на смѣльчаковъ, и луна протягивала руки и блѣдными пальцами своими оцупывала ихъ одежду и лица.

— Страшно мнѣ,—повторилъ отецъ Никита.

Они пошли наугадъ по тропинкѣ, забирая все лѣвѣе и лѣвѣе на востокъ.

— Постой, постой... Что это тамъ? А?—сказалъ отецъ Никита, хватая Богдана Юрьевича за рукавъ.

— Лидія Николаевна, это вы?—хотѣлъ спросить Тумановъ, но губы его шевелились беззвучно.

— Да что же вы молчите? Господи!—крикнулъ попъ и, дрожа отъ страха, бросился впередъ къ большой ели, давно, должно быть, завалившейся и лежавшей теперь поперекъ тропы.

Тамъ, упершись спиною въ стволъ и вытянувъ впе-

редь ноги, сидѣла въ своемъ сарафанѣ Лидія Николаевна.

— Поздно, кажется,—сказаль Тумановъ и подойдя, опустился на колѣни.

— Въ путь узкій хождшии прискорбный... И крестъ яко яремъ взявшии,—бормоталь отецъ Никита и крестился, и опять бормоталь.—Приидите насладитесь, ихъ же уготовахъ вамъ почестей и вѣнцовъ небесныхъ...

XXII.

То, что происходило здѣсь, въ отдаленнѣйшемъ углу сѣверо-восточной Сибири, повидимому, ничѣмъ не было связано съ событіями нашей русской жизни тогдашняго времени. Однако, какъ не разъ справедливо замѣчали, человѣкъ не можетъ учитывать многихъ и многихъ жизненныхъ соотношеній, и явленія, на первый взглядъ въ себѣ ничего общаго не заключающія, оказываются въ непосредственномъ взаимодействіи. Это утверждение не противорѣчитъ наукѣ. Но, вѣдь, существуютъ также и другія таинственныя вліянія, ускользающія отъ нашего внѣшняго наблюденія, однако, не менѣе оттого значительныя.

Шестого августа опубликовано было официальное сообщеніе объ „учрежденіи Государственной Думы“, двадцать пятаго заключенъ былъ Портсмутскій договоръ, естественное послѣдствіе политики нашихъ лже-патріотовъ, а уже въ серединѣ сентября начались шумные митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, началась типографская стачка въ Москвѣ, и уже готовилась всеобщая политическая забастовка желѣзнодорожниковъ. Какъ извѣстно, восьмого октября прекратилось движеніе по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, за исключеніемъ Николаевской. Тридцатаго состоялось первое засѣданіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, на который съ надеждою смотрѣла Россія, а на другой день ужъ раздался зычный крикъ приказа: „Холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть“... Правительство успѣшило опубли-

ковать манифестъ семнадцатаго октября. Въ эти дни, подъ давленіемъ общественнаго настроенія, стали постепенно возвращать ссыльныхъ. Почти всѣ участники вышеописанныхъ событій должны были вернуться въ Россію. Съ лихорадочнымъ волненіемъ спѣшили они уѣхать изъ ненавистой Сибири. Къ этому времени возвратился въ городъ Я—ъ послѣ неудавшейся экспедиціи на Алданъ Андрей Владиміровичъ Волковъ и его спутникъ Смиряевъ: Крушинскаго съ ними не было. Несчастнѣйшій юноша заразился тифомъ и умеръ въ тайгѣ. Ольга Андреевна Безсонова отнеслась къ этому грустному извѣстію какъ-то слишкомъ безразлично и даже не старалась скрыть своего равнодушія. Въ началѣ ноября изъ города Я—а должна была отправиться въ Россію партія ссыльныхъ—человѣкъ десять. Съ ними ѣхала Безсонова, въ одной повозкѣ съ Чарушниковой, и Богданъ Юрьевичъ Тумановъ, спутникомъ котораго былъ Волковъ.

Три недѣли, день и ночь, ѣхали ссыльные по льду застывшей Лены, среди скалъ, занесенныхъ снѣгомъ, чутко прислушиваясь то къ безмолвію пустыни, то къ дикимъ пѣснямъ метелей. Они выходили на станкахъ изъ повозокъ, доставали мѣшки съ кусками застышаго бульона и съ замороженными пельменями, ставили котелокъ на огонь и варили обѣдъ. Вокругъ камелька, попивая коньякъ, сходились всѣ десять и говорили неумолчно о побѣдахъ революціи.

Туманову казалось почему-то, что побѣды эти непрочны, и какія-то совѣмъ новыя мысли и предчувствія его волновали теперь, но онъ пока не хотѣлъ и не могъ говорить объ этомъ. Съ Безсоновой онъ тоже не разговаривалъ и старался не смотрѣть на нее.

Но къ концу пути, когда оставалось ѣхать дня три—не болѣе, Тумановъ тяжело заболѣлъ. И на общемъ совѣтѣ рѣшено было, что везти его дальше опасно и надо оставить пока на станкѣ, въ селѣ Ихменкѣ, гдѣ былъ порядочный врачъ. Товарищи, однако, съ понятнымъ нетерпѣніемъ спѣшили попасть въ Иркутскъ, и кто-то предложилъ бросить жребій, кому изъ нихъ остаться съ Тумановымъ. Жребій

выпалъ на долю Безсоновой, и Богданъ Юрьевичъ, лежавшій безъ памяти, не зналъ этого и, когда очнулся, удивился, увидѣвъ ее около своей постели. Онъ хотѣлъ, было, спросить, гдѣ онъ и почему никого нѣтъ вокругъ и почему только одна Ольга Андреевна здѣсь, въ этой чужой избѣ, но лѣнь было спрашивать и ждать отвѣта, и все показалось неважнымъ и незначительнымъ, кромѣ одного, о чемъ говорить было трудно и страшно. Однако, онъ приподнялся на постели и сказалъ тихо:

— Никого сейчасъ въ мірѣ нѣтъ, только мы трое...

— Бредъ, бредъ... Ты боленъ,—проговорила Ольга Андреевна и провела рукой по его волосамъ, какъ будто отгоня дурныя мысли:—Усни, милый...

Ольга Андреевна подошла къ двери и заперла ее.

Тумановъ опять уронилъ голову на подушку и закрылъ глаза. Горница, которую уступили больному, была небольшая, загроможденная огромною печью, замысловато расписанною. Въ кѣлтѣ много было старинныхъ образовъ и передъ нимъ горѣла лампадка. Видно было, что здѣсь живутъ мужики небѣдные: все было чисто и вещи всѣ были прочныя. Пахло смолою, отрубями и ладаномъ. И натоплено было жарко.

Долго, часа полтора, сидѣла на табуретѣ Ольга Андреевна, положивъ голову на высокую постель, гдѣ лежалъ Тумановъ. Онъ спалъ и во снѣ иногда что-то говорилъ, но словъ нельзя было разобрать. Во второмъ часу Безсонова встала тихо, стараясь не разбудить больного и не спуская съ него глазъ, и начала раздѣваться. Она торопливо разстегнула свое черное платье, которое соскользнуло съ плечъ и, шурша, упало у ея ногъ. Странно усмѣхаясь, нагнулась Ольга Андреевна надъ лицомъ Туманова.

— Ты мой! Ты мой!—шептала она, стоя около постели и прижимая свои тонкія руки къ груди.

Приподнявъ край одѣяла, она скользнула въ постель и, опершись на локоть, стала внимательно разсматривать лицо Туманова, его полуоткрытый горячій ротъ, пряди во-

лось на блѣдномъ вискѣ и густыя темныя рѣсницы, сомкну-
тыя теперь.

Неожиданно Тумановъ открылъ глаза и хотѣлъ что-то
сказать, но Ольга Андреевна прильнула своими губами къ
его губамъ и вытянулась вся, дрожа. А потомъ, когда она
оторвалась отъ его губъ и упала на спину и раскинулась,
какъ и онъ, сгорая въ лихорадкѣ, Тумановъ приподнялся
и, подложивъ лѣвую руку подъ ея голову, прошепталъ
глухо:

— Кто это? А? Кто?

— Я твоя кукла... Я твоя кукла... Слышишь?

Онъ улыбнулся, какъ бы припоминая что-то.

— Молчи! Молчи!—пробормоталъ онъ и, какъ слѣпой,
провелъ рукою по ея тѣлу...

Въ сосѣдней комнатѣ, шипя и задыхаясь, часы пробили
четыре. Безсонова лежала попрежнему на спинѣ, блѣдная,
съ усталыми глазами, обведенными чернымъ, а Богданъ
Юрьевичъ сидѣлъ на краю постели, мотая босой ногой, и
оворилъ:

— Я тогда испугался за васъ, по правдѣ сказать. Те-
перь я вижу, что все слава Богу въ концѣ концовъ.

— Съ кѣмъ ты говоришь?—спросила Безсонова, недо-
умѣвая и пугаясь.

Богданъ Юрьевичъ не слышалъ вопроса и, мотая по-
прежнему ногою, продолжалъ разговаривать съ кѣмъ-то,
кого не видѣла Ольга Андреевна.

— Да,—сказалъ Тумановъ, усмѣхаясь:—только мнѣ ка-
жется, вотъ эти листики должны быть темнѣе: тогда и все
будетъ пріятнѣе...

Богданъ Юрьевичъ помолчалъ, слушая:

— Что-жъ! Я могу,—проговорилъ онъ, опять ласково
усмѣхаясь:—только вы мнѣ адресъ поточнѣ скажите... На
Забалканскомъ? Ну, хорошо, я сдѣлаю...

— Ахъ, зачѣмъ такъ! Не надо!—шептала Ольга Андре-
евна, дергая его за рукавъ.

Но Тумановъ не обращалъ вниманія на ея шопотъ и

попрежнему разговаривалъ съ кѣмъ-то, не спуская глазъ съ сундука, который стоялъ въ углу, около печки.

— Я не забуду, — бормоталъ онъ: — а про сырость петербургскую не стоитъ говорить. Это, знаете ли, для меня самый подходящій климатъ...

XXIII.

Въ Петербургѣ все необычайно. И пресловутая холодная чопорность едва ли не маска, которую надѣлъ на себя этотъ городъ, подобно чахоточному юношѣ, которому пришлось въ голову скрыть на часъ пугающія всѣхъ розовыя пятна на лицѣ, истомленномъ лихорадкой... И вотъ юноша, обреченный на гибель, спѣшитъ въ маскарадъ, надѣвъ торопливо костюмъ дэнди. Но развѣ не съ достоинствомъ носить онъ свою личину? Развѣ петербургскій амфиръ не дивная декорация для предсмертной комедіи, которую мы разыгрываемъ на берегахъ Невы? Ахъ, если сердце ваше тоскуетъ, предчувствуя гибель, вы невольно полюбите этотъ невѣроятный городъ, такой древній и мудрый, несмотря на свою молодость. Петербургъ не взмываетъ лебедью, какъ Москва въ сказочные свои часы, за то онъ по иному дивенъ, и какъ вѣщая морская птица дышитъ туманами, стуча порою своими желѣзными когтями по граниту и вглядываясь въ синюю даль Запада, гдѣ его родичи вили когда-то на утесахъ неприступныя гнѣзда.

Въ Петербургѣ все необычайно. Необычаенъ Невскій проспектъ, стремительно вонзившійся, какъ стрѣла, въ кольчугу великолѣпной столицы; необычайна Нева, сестра взморья любовница сѣверо-западнаго вѣтра; необычайны стальные каналы, недвижныя и безмолвныя; необычайны сумрачныя церкви и строгіе фасады дворцовъ; необычайны и улицы петербургскія, гдѣ порою слышенъ запахъ моря, гдѣ дома похожи на призраки и гдѣ прохожіе кажутся сомнамбулами...

Какъ странны и томительны были въ Петербургѣ ок-

тябрьскіе и ноябрьскіе дни въ тотъ ужасный годъ. На черномъ морѣ слагалась пламенная легенда о лейтенантѣ Шмидтѣ, а въ Петербургѣ уже говорили о Черной Сотнѣ. Революція и контръ-революція „сплетаясь, какъ пара змѣй, обнявшись крѣпче двухъ друзей, упали разомъ“...

Стояла влажная петербургская зима, похожая на осень. Днемъ городъ окутанъ былъ желтымъ туманомъ; автомобили и экипажи двигались медленно въ непонятномъ сумракѣ. Рано зажигались фонари, но и они были окутаны трауромъ тумана, и трудно, и страшно было итти по улицѣ. Но дома сидѣть было еще мучительнѣе, и каждый стремился на Невскій, на Литейный, на Каменноостровскій, чтобы смѣшаться съ мутнымъ потокомъ петербургской толпы.

А какими странными огнями загорѣлась въ тѣ дни любовь. Казалось, что всѣ, какъ во время чумы, спѣшатъ торопливо насладиться радостями жизни, преходящей и тлѣнной. Неслучайно твердятъ историки „о распущенности нравовъ во время революціи“. Поцѣлуи тогда были сладостнѣе и болѣзненнѣе, объятія безумнѣе и ужаснѣе, потому что всѣ жили предсмертно, неуверенные въ томъ, что будетъ завтра. Пили много вина въ тѣ дни, но и вино пахло кровью.

Тумановъ и Ольга Андреевна поселились въ гостиницѣ „Пале-Рояль“ на Пушкинской. Они жили въ разныхъ номерахъ, но въ одномъ коридорѣ. Обѣдали вмѣстѣ въ маленькомъ ресторанѣ на Невскомъ. Безсоновой казалось, что все это пока, что вотъ на-дняхъ они что-то рѣшатъ, и тогда все будетъ ясно, тогда поймутъ они, какъ надо жить. Но она боялась теперь Туманова. Не могла она забыть ночь въ Ихменкѣ. Не могла она забыть странныя слова: „Никого сейчасъ въ мірѣ нѣтъ, только мы, трое“...

— Трое!.. Трое!..—звучало въ ея душѣ.

У Безсоновой былъ въ Петербургѣ братъ, приватъ-доцентъ. Читалъ онъ въ университетѣ курсъ о паукообразныхъ. Звали его Ильей. Однажды вечеромъ пришелъ онъ къ Ольгѣ Андреевнѣ и тамъ встрѣтилъ Туманова.

Илья Безсоновъ совсѣмъ не похожъ былъ на сестру. И характеръ его, повидимому, иного былъ склада. Нельзя было сразу рѣшить, что онъ за человѣкъ, даже приблизительно. Онъ былъ развязенъ, но и застѣнчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Говорилъ онъ весело и въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, размахивая руками и странно наскაკивая на собесѣдника, однако подчасъ что-то унылое и безнадежное было въ его рѣчахъ. Иногда глаза его были грустны, а красный ротъ смѣялся; иногда наоборотъ, когда онъ говорилъ о печальномъ и страшномъ, смѣялись лукаво его глаза. И при всемъ томъ наружность его была самая непримѣчательная на первый взглядъ: круглое розовое лицо и всѣ черты какія-то мягкія, зыбкія, неуловимыя...

— Наконецъ-то мы съ вами встрѣтились, Богданъ Юрьевичъ,—сказалъ Безсоновъ, какъ-то неловко захвативъ руку Туманова и тряся ее: — Наконецъ-то! Я даже мечталъ объ этой встрѣчѣ, признаюсь вамъ... Сестра мнѣ о васъ рассказывала, и я знаю всю вашу судьбу и очень заинтересованъ...

Въ послѣдніе дни Богданъ Юрьевичъ былъ странно разсѣянъ и даже иногда совсѣмъ не слышалъ собесѣдниковъ. Можно было подумать, что онъ оглохъ. И на этотъ разъ онъ молча разсматривалъ розовое, слегка опухшее лицо Ильи Безсонова, какъ будто это былъ предметъ неодушевленный, а не живой человѣкъ, да еще столь разговорчивый и, повидимому, возбужденный чѣмъ-то.

На мгновенье глаза Ильи потухли и засмѣялся ротъ. Наскაკивая на Туманова и хватая его за пуговицу, Илья Андреевичъ продолжалъ тараторить и даже брызгалъ при этомъ слюною:

— Событія-то! Событія-то! — восклицалъ онъ не то серьезно, не то иронически. — Апо-ка-лип-ти-ческія можно сказать, времена! Ха-ха-ха! Вотъ тебѣ и наша святая Русь! А! Каково? Я откровенно буду говорить. Мнѣ не только сестра, но и еще кое-кто рассказывалъ о вашемъ настроеніи. И я очень понимаю. Вы намъ нужны.

Богданъ Юрьевичъ нахмурился, какъ будто стараясь сообразить что-то, и потомъ вопросительно посмотрѣлъ на Ольгу Андреевну. Но она пожала плечами и отвернулась.

— Я вамъ откровенно скажу, Богданъ Юрьевичъ. Въ наше время трудно найти подходящаго человѣка или хотя бы просто порядочнаго. Намъ иногда приходится присоединять, такъ сказать, Богъ знаетъ кого. Понятное дѣло, что вы для насъ находка.

— Послушай, Илья,—сказала Ольга Андреевна, нетерпѣливо вставая:—Я тебѣ говорила, что планъ твой никуда не годится. Вздоръ! Ужасный вздоръ!

— Молчи, сестра. Я понимаю не хуже твоего, что можно и чего нельзя. Извольте меня выслушать, Богданъ Юрьевичъ... Прежде всего я откровенно сообщу, почему именно къ вамъ, а не къ иному лицу, я обращаюсь съ моимъ предложеніемъ. Вы интересовались политикою, вы были причастны общественному движенію. Это разъ. Вы разочаровались въ нашей революціи. Это два. Вы вѣрующій человѣкъ. Это три. Этого достаточно, чтобы „Союзъ Латниковъ“ почелъ за честь назвать васъ своимъ членомъ, а, быть можетъ, и руководителемъ.

— И не разъ, и не два, и не три. Все совсѣмъ не такъ. А про „Союзъ Латниковъ“ не слыжалъ,—невнятно проговорилъ Тумановъ, съ трудомъ подбирая слова, чего раньше съ нимъ не случалось и что стала замѣчать за нимъ съ нѣкоторыхъ поръ Ольга Андреевна.

И надо сказать, что странное косноязычіе Богдана Юрьевича пугало ее ужасно.

— Все совсѣмъ не такъ,—повторилъ Тумановъ и съ явнымъ безпокойствомъ оглянулся, какъ будто-бы въ комнатѣ былъ еще кто-то.

— Можетъ быть, я не совсѣмъ точно передалъ мою мысль, но все же суть ясна, и съ главнымъ вы должны согласиться,—сказалъ Илья серьезно и тотчасъ же глаза его засмѣялись.

— А что такое „Союзъ Латниковъ“, я вамъ сейчасъ из-

ложу, — продолжалъ онъ, снова весело улыбаясь и задыхаясь отъ желанія, какъ можно скорѣе выяснитъ суть дѣла:— Россія безъ Бога ничто, а Богъ безъ царя алгебра. Вотъ наше первое положеніе, а ужъ изъ него и все прочее вытекаетъ. Вы понять должны. Мы не хотимъ, чтобы все шаталось. Намъ надо, чтобы все прочно было. Кто силу дерзновенія имѣетъ, тотъ покоренъ и тихъ. Мы тишины желаемъ. А они хотятъ въ православной церкви тарарабумбію пѣть, въ алтарѣ норовятъ чашу опрокинуть. Благолѣпія мы желаемъ. Вотъ наша программа.

— А что-жъ вы для этого дѣлать будете? — спросила, презрительно усмѣхаясь, Ольга Андреевна.

— Какъ что? Латники мы. Враговъ мы сокрушимъ.

— Какихъ враговъ? Погромъ устроите?

— Ежели понадобится, такъ и погромъ,—совсѣмъ покотился со смѣху Илья Андреевичъ.

И все-таки нельзя было понять, серьезно онъ говорить или шутить.

— Вы думаете, онъ искренно говоритъ?—гнѣвно сверкнула глазами Ольга Андреевна: — Лжетъ онъ все. Ничего ему не надо. На зло самому себѣ, на себя клевететь. Бездарность!

— Глазами-то какъ сверкнула!— сказалъ Безсоновъ, кажется, искренно любясь разгнѣванной сестрой:—А вы знаете, Богданъ Юрьевичъ, почему она такъ волнуется? Бойтся она, что есть въ характерахъ нашихъ одна общая черточка, хоть одна единая, а все-таки есть. Улыбочка такая. Понимаете? То-есть, можетъ быть, это и не такъ. Я даже и не думаю, что такъ, а она вѣрить. Ольга Андреевна Безсонова думаетъ, что я съ черной сотней связался для ироніи, по безстыдству, съ улыбочкою... Ну точно такъ, какъ она въ революцію пошла—тоже съ улыбочкою. Отъ отчаянія, можетъ быть. Это она такъ думаетъ, а я такъ не думаю.

Всю свою рѣчь произнесъ Илья Андреевичъ, задыхаясь и смѣясь. И казалось, что будто и лица у него нѣтъ, такъ только одинъ смѣющийся красный ротъ.

— Однако, уважаемый Богданъ Юрьевичъ, мнѣ сейчас некогда, но я очень хотѣлъ бы познакомиться съ вами поближе. Даже несмотря на гнѣвъ моей уважаемой сестры... А пока позвольте предложить вамъ одно—какъ бы это сказать?—развлечение, пожалуй... Завтра, на Забалканскомъ проспектѣ, въ Голубятнѣ (чайная такая) собраніе будетъ спорщиковъ разныхъ—о Богѣ тамъ и о другомъ прочемъ говорить будутъ. И мы, латники, тоже тамъ будемъ... Приходите пожалуйста. Вамъ любопытно будетъ. А, можетъ быть, и вы намъ словечко скажете. Непремѣнно приходите! И ты, сестра, приходи...

— И я, и я!—раздался вдругъ пронзительный голосъ. Въ комнатѣ оказалась Чарушникова. Никто не замѣтилъ, какъ она прошмыгнула въ дверь. Она была все такая же—получеловѣкъ-полуптица, съ черными крыльями.

— И я, и я съ вами пойду туда,—лепетала она:—Хочу очень туда. И латниковъ хочу посмотрѣть и спорщиковъ разныхъ послушать...

XXIV.

Илья Андреевичъ ушелъ, а Чарушникова осталась и, кажется, рассчитывала просидѣть здѣсь немало времени.

— Богданъ Юрьевичъ нездоровъ. Ему отдохнуть надо,—сказала Ольга Андреевна: — Ступайте къ себѣ въ номеръ, Богданъ Юрьевичъ, усните, а мы здѣсь съ Анастасіей Дасіевой побесѣдуемъ.

Но Богданъ Юрьевичъ, повидимому, не слышалъ того, что ему говорила Безсонова. Какимъ-то мертвымъ взглядомъ онъ смотрѣлъ прямо передъ собою. И было странно, что онъ не шевелится, какъ кукла, и что руки его симметрично лежатъ на колѣняхъ. И весь онъ былъ похожъ въ ту минуту на восковую фигуру.

— Вамъ отдохнуть надо,—нетерпѣливо повторила Ольга Андреевна и даже тронула его рукою за плечо.

— Сейчасъ, сейчасъ, — сказалъ Тумановъ и пошелъ, было, къ двери, но остановился на порогѣ.

— А все-таки я не могу вспомнить того, что надо, — усмѣхнулся Богданъ Юрьевичъ и потеръ лобъ рукою: — Какъ это? Образуется? Нѣтъ, не образуется... Сообразоваться надо? Сообразить я не могу — вотъ что.

Тумановъ совсѣмъ запутался и робко глядѣлъ то на Ольгу Андреевну, то на Чарушникову.

— Ахъ, ты Господи! — воскликнула Безсонова почти въ отчаяніи: — Да идите вы спать! Вѣдь, вы на себя не похожи. Вѣдь, надо себя въ руки забрать.

— Ступайте! Ступайте! — хлопотливо затороторила опять Чарушникова, вскочивъ со стула и толкая Туманова въ коридоръ.

— Не знаю, что съ нимъ такое, — сказала Ольга Андреевна, когда Тумановъ ушелъ, наконецъ: — Онъ сталъ такой странный съ тѣхъ поръ...

— Ахъ, теперь всѣ странные, очаровательница. Время такое.

— Да, время. Но онъ особенный.

— А я думаю, что теперь никому не сдобровать, — захихикала Анастасія Дасіевна: — И у васъ лихорадка, и даже у меня, должно быть. Вчера, напримѣръ, мнѣ Вербовскій померещился.

— Неужели онъ въ Петербургѣ?

— Не знаю. Можетъ быть, это приснилось мнѣ. Подошелъ ко мнѣ на Невскомъ. Въ цилиндрѣ, знаете ли, какъ всегда...

— Что же онъ сказалъ вамъ?

— Приѣхалъ, говоритъ, въ Петербургъ продолжать опыты. Время, говоритъ, интересное. Теперь все острѣе и заманчивѣе. Спросилъ, правда ли, что вы въ Петербургѣ. Кажется, съ Тумановымъ желаетъ познакомиться.

— Невозможно это, — нахмурилась Ольга Андреевна.

— Да не все ли равно въ концѣ концовъ, очарова-

тельница,—засмѣялась Чарушникова и тотчасъ же прибавила:—Отдохнуть бы, однако... Выпьемъ? А?

Не дожидаясь отвѣта, она вытащила изъ своего огромнаго ридикюля бутылку коньяку.

Вѣрная подруга придвинула къ дивану столикъ, улыбаясь невесело, и поставила на него бутылку.

Въ то время, когда Ольга Андреевна и Чарушникова молча пили коньякъ, Богданъ Юрьевичъ Тумановъ ходилъ по своему номеру, разговаривая самъ съ собою. Онъ не замѣтилъ, какъ въ комнату вошелъ незнакомый ему господинъ. Незнакомецъ улыбался какъ-то загадочно и нагло. Глазъ его нельзя было видѣть, потому что на его носу надѣто было дымчатое пенснѣ.

Самое примѣчательное въ лицѣ этого господина были губы, красныя необыкновенно и какъ будто влажныя, причемъ нижняя губа замѣтно отвисла, тогда какъ верхняя змѣилась тонко подъ низкою щетиною усомъ. Одѣтъ былъ онъ очень хорошо, даже съ нѣкоторымъ „шикомъ“. На немъ было прекрасное пальто и на лобъ надвинутъ былъ хорошій цилиндръ.

Тумановъ не удивился тому, что передъ нимъ стоитъ незнакомецъ. Его другое поразило... Его поразили губы этого человѣка. Съ каждымъ днемъ Тумановъ все менѣе и менѣе могъ управлять своими мыслями, все менѣе способенъ былъ приспособляться къ обыденному и внѣшнему, отъ чего всѣ мы находимся въ непрестанной зависимости. И теперь, не считаясь съ тѣмъ, что подумаетъ о немъ незнакомецъ, онъ сказалъ то, что ему хотѣлось сказать:

— Опять такія красныя губы... Почему все такія губы?

Проговоривъ это, онъ сталъ ходить по комнатѣ, не обращая вниманія на гостя.

— А у кого еще „такія губы“?—чуть усмѣхнулся господинъ, снимая цилиндръ и усаживаясь въ кресло.

Тумановъ остановился на минуту, прищурился и сказалъ нехотя:

— Забылъ у кого. У многихъ. Какъ упыри. Мнѣ противно.

— Вотъ оно что! — протянулъ незнакомецъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Да, вѣдь, и у васъ тоже губы-то не очень невинныя...

— У меня?—испугался Богданъ Юрьевичъ.

— Я, по правдѣ сказать, ожидалъ отъ васъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, — пробормоталъ гость, хмурясь, — но все же не такой—какъ бы это сказать?—разсѣянности... Вы даже не поинтересовались узнать, кто я такой.

— Что?—спросилъ Тумановъ, не понимая за что его упрекаетъ незнакомецъ.—Я нескладно говорю и соображаю худо. Но у меня свои мысли. Извините.

— Ежели свои мысли, я даже радъ,—засмѣялся таинственно собесѣдникъ,—однако, быть можетъ, вы не прочь подѣлиться ими съ вашимъ будущимъ другомъ? Я почему-то увѣренъ, что мы будемъ друзьями...

— Какіе друзья? Мнѣ некогда.

— Не хотите, значить?

— Не хочу. Я и безъ друзей ничего не успѣлъ.

— А зачѣмъ торопиться?

— Вы кто такой?—спохватился, наконецъ, Богданъ Юрьевичъ.

— Я—Вербовскій.

— Да, вѣдь, мы, кажется, знакомы съ вами... Или мнѣ говорили про васъ? Ахъ, да, вспомнилъ! Вы Вербовскій, а не Вердовскій...

Богданъ Юрьевичъ неожиданно громко разсмѣялся.

— Это вы почему развеселились? Судъ вспомнили?—спросилъ Вербовскій, тоже усмѣхаясь:—Да, это забавно... Никогда я никакого отношенія къ политикѣ не имѣлъ—и вдругъ такая исторія...

— Такъ, значить, вы не провокаторъ, по крайней мѣрѣ?..

— Я вижу, вы проснулись. Можетъ быть, мы сговоримся. Я, знаете ли, очень хочу сговориться. А относи-

тельно провокаціи—я, можетъ быть, и провокаторъ... Только въ иномъ „планѣ“, такъ сказать... Я охотно бы все вамъ разъяснилъ...

— Зачѣмъ?

— Я самъ не знаю, зачѣмъ. Вотъ пойдете сейчасъ со мною въ ресторанъ.

Вербовскій подошелъ къ вѣшалкѣ и взялъ пальто Богдана Юрьевича.

— Я не хочу никуда,—говорилъ не безъ досады Тумановъ, покорно, однако, всовывая руку въ рукавъ пальто, которое держалъ Вербовскій.

— Идемъ, идемъ,—повторялъ новый „другъ“, надѣвая на голову Богдану Юрьевичу его барашковую шапку.

Они вышли на Пушкинскую и направились къ Невскому проспекту мимо садика, гдѣ стоялъ жалкій памятникъ поэту. Впрочемъ, его трудно было замѣтить теперь. Желтый туманъ закуталъ своею пеленою невысокій монументъ. Богданъ Юрьевичъ и новый его знакомый повернули за уголъ и пошли въ сторону Адмиралтейства. Былъ первый часъ. По проспекту тянулись экипажи. Развѣзжались посѣтители театровъ... Ревѣли и пѣли автомобили... Воздухъ, острый и сырой, казался дурманнымъ. Странно и таинственно возникали изъ тумана люди. И даже трудно было повѣрить, что это въ самомъ дѣлѣ люди. Не фантомы ли то были?

При свѣтѣ фонаря показалось чье-то блѣдное лицо и еще два-три... Какъ странно шевелились губы на этихъ маскахъ. И какъ жутко изъ далекой глубины глазныхъ впадинъ лучился свѣтъ...

„Вейся надъ нами, красное знамя“...

Но туманъ душилъ бунтарскій напѣвъ, — и уже пропали въ желтомъ сумракѣ лучистые глаза. Потомъ возникло чье-то испуганное и злое лицо, съ торчащими усами, и блеснули на мигъ свѣтлыя пуговицы...

Потомъ женскій голосъ прозвучалъ безпокойно:

— Господинъ! Не желаете-ли ко мнѣ отдохнуть?

Вербовскій привелъ Богдана Юрьевича въ небольшой баръ-ресторанъ, на углу Троицкой и Невскаго.

— У меня тутъ свиданіе,—объяснилъ онъ въ отвѣтъ на безпокойный взглядъ Туманова:—такъ я зашелъ, чтобы предупредить. Тутъ меня Маша ждетъ.

— Какая Маша?

— А! все равно... Да вотъ и она!—воскликнулъ онъ, когда къ ихъ столику подошла худенькая дѣвушка-подростокъ, шатенка, съ огромными темными глазами на почти прозрачномъ лицѣ. На ней была чрезмѣрно-большая черная шляпа, и вообще она была одѣта, какъ проститутка средней руки.

— Ну, что, Валя, въ „Буффъ“ поѣдемъ?—спросила она, съ нарочитою развязностью, ударивъ его муфтою по рукѣ,—и тотчасъ-же, видимо, робѣя, заглянула ему въ глаза.

— Погоди. Присядь. Мнѣ вотъ съ другомъ поговорить надо,—сказалъ онъ и опять обратился къ Туманову:—Вотъ неудобно только говорить здѣсь... Шумять...

Въ самомъ дѣлѣ въ ресторанчикѣ кричали такъ неистово, что едва можно было слышать собесѣдника. Двѣ большія комнаты были сплошь уставлены круглыми столиками, вокругъ которыхъ ютились проститутки, молодыя и старыя, безстыднонарядныя, а инныя одѣтыя строго все въ черномъ, какъ монашенки. Воздухъ казался синимъ отъ облаковъ табачнаго дыма, и кружилась голова отъ запаха спирта и скверныхъ духовъ.

— Мы имъ покажемъ! Мы имъ покажемъ!—гремѣлъ бѣлокурый студентъ, съ безнадежно пьяными глазами угрожая кому-то кулакомъ.

— Что-жъ! И армія за народъ! Мы не противъ Россіи!—визгливо выкрикивалъ молоденькій офицеръ, размахивая какой-то прокламаціей.

— А у тебя есть пять рублей? Нѣтъ, ты покажи! Нѣтъ, ты покажи!—приставала къ офицеру толстая проститутка, съ лиловыми какъ будто измятыми губами.

— Однако, здѣсь разговаривать невозможно. Поѣдемъ отсюда,—рѣшилъ Вербовскій.

— А я? И я съ вами хочу. И Феню возьмемъ,—сказала Маша, указывая на бѣлокурую дѣвушку, которая сидѣла за сосѣднимъ столикомъ съ двумя молодыми людьми, приказчиками, повидимому.

— Ну, что-жъ! Ладно. Ёдемъ,—тронулъ онъ плечо Туманова, который совершенно безучастно относился ко всему.

Богданъ Юрьевичъ покорно всталъ. Они наняли двухъ извозчиковъ. Впереди поѣхала Маша съ Феней, а за ними Вербовскій и Тумановъ.

— Вы мнѣ очень нужны. Вы даже волнуете меня,—признался Вербовскій, фамиллярно обнимая за талію Богдана Юрьевича:—Сказать по правдѣ, я какъ будто вновь чувствую Ольгу Андреевну. Долженъ вамъ покаяться, несмотря на цинизмъ, мнѣ присущій, я до сихъ поръ не могу ее забыть... И сейчасъ я съ вами, потому что хочу о ней говорить. Вы должны понять, ежели вы настоящій человекъ. Впрочемъ, мы выпьемъ... Тогда будетъ виднѣе.

Они пріѣхали на Карповку, въ гостиницу „Ницца“. Заспанный лакей, съ бритымъ брюзгливымъ лицомъ провелъ ихъ въ номеръ. Дѣвицы забрались съ ногами на диванъ и перешептывались, поглядывая съ любопытствомъ на молчаливаго и разсѣяннаго Туманова. Вербовскій спросилъ шампанскаго.

— Иные считаютъ меня негодяемъ,—сказалъ онъ, вытаскивая изо льда бутылку Аи:—Но, право, я ужъ не такой плохой человекъ. Я только откровенный и нетерпѣливый—вотъ и все... А, знаете, я очень радъ, что васъ нашель, наконецъ.

— Пустите меня. Я пойду,—съ тоскою проговорилъ Богданъ Юрьевичъ, подымаясь, и потянулся, было, къ пальто.

— Куда же вы?—въ отчаяніи крикнулъ Вербовскій:—Маша! Феня! Уговорите его!

— Оставайтесь, кавалеръ хорошій, — молвила Феня, смѣясь.

— Выпить со мною не побрезгуете?—совсѣмъ серьезно спросила Маша и протянула свой стаканъ.

— За ваше здоровье!—тоже серьезно сказалъ Богданъ Юрьевичъ и чокнулся.

— Отчего вы такой грустный?—и Маша ласково заглянула ему въ глаза.

— Я не грустный. Я только все думаю, но не могу никакъ...

И Тумановъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— О чемъ думаете?

— О Россіи.

— Что?—спросилъ Вербовскій и сразу оживился,—о Россіи думаете? Зачѣмъ?

— Я все-таки пойду,—заметался по номеру Богданъ Юрьевичъ, но Вербовскій отнял у него шапку.

— Нѣтъ, мой другъ, теперь-то мы и поговоримъ съ вами, какъ слѣдуетъ. У меня тоже есть свои мысли о Россіи. Хотите, открою?

— Хочу.

— По моему, уважаемый Богданъ Юрьевичъ, разгадка всей нашей исторіи—и особенно петербургскаго періода—въ одной нашей русской тайнѣ, нашей особенной тайнѣ. Вы, конечно, скажете, что это мой парадоксъ, а если вы не очень вѣжливы, то и объявите громко и всенародно, что это вранье и глупость. Однако я рѣшаюсь мою мысль высказать. Я утверждаю, что Россія—сладоэстрастнѣйшая страна, и народъ нашъ—сладоэстрастнѣйшій народъ въ мірѣ.

— Послушайте, Вербовскій, вы въ самомъ дѣлѣ существуете?—спросилъ Богданъ Юрьевичъ совсѣмъ безъ насмѣшки.

— Да, существую. А вы почему такъ?

— Я думаю, что это я самъ.

— А! Вотъ что? Значить, мнѣ, пожалуй, и говорить не надо: я, очевидно, излагаю ваши собственныя мысли.

— Нѣтъ, говорите. Отчего же! Я все-таки не такой скверный, а вы совсѣмъ скверный.

— Благодарю васъ. Я продолжаю. Въ наукѣ даже существуетъ терминъ, опредѣляющій ту форму сладострастія, которая намъ свойственна. Это—мазохизмъ, дорогой мой... Наше общественное движеніе? Наша революція? Развѣ это не цѣлый рядъ самоистязаній и добровольныхъ жертвъ? Голодовка—излюбленный способъ борьбы съ правительствомъ. Девятое января—характернѣйшій моментъ нашей революціи. Выйти безъ оружія и подставить грудь подъ штыки и пули—какъ это опредѣлительно для насъ! А видѣли вы, съ какимъ наслажденіемъ наши курсистки и студенты бросаются подъ копыта казачьихъ лошадей?

— Вы грязный насмѣшникъ—и въ самомъ дѣлѣ негодяй,—сказалъ Тумановъ.

— Не надо браниться, — усмѣхнулся Вербовскій: — Я вовсе не насмѣхаюсь и даже объективенъ, если хотите. Мазохизмъ не только въ политикѣ. Возьмите нашу поэзію, нашу литературу вообще. Назовите мнѣ такого француза, нѣмца, англичанина, или кого хотите, кто превзошелъ бы въ сладострастіи нашего Достоевскаго. Маркизь де-Садъ и Жиль-де-Ре—невинные ребята по сравненію съ нашими жестокими мечтателями.

— Вы—односторонній. И вообще все не такъ.

— Знаете что, Богданъ Юрьевичъ? Я вотъ пью шампанское и пришелъ сюда совсѣмъ не затѣмъ, чтобы вамъ что-нибудь математически доказывать. Хотя въ другое время и при иныхъ обстоятельствахъ берусь вамъ доказать мою мысль, опираясь на несомнѣнные факты. А сейчасъ позвольте мнѣ говорить безъ доказательствъ, лирически.

— Говорите.

— Я, конечно, объ Ольгѣ Андреевнѣ говорить буду. Это къ той же темѣ. „Матеріалы къ вопросу“... Такъ, вѣдь говорится...

— Извините. У меня мысли путаются.

— Нѣтъ, вы поймете это. Я знаю, вы ея любовникъ.

Не удивительно ли, что всегда она какъ въ лихорадкѣ. Не правда ли? Я въ нее стрѣлялъ. Вынести не могъ. Она со мною обращалась, какъ съ рабомъ. Я дрожу, когда о ней вспоминаю. Она вся вечерняя. Я знаю, что все это нескладно и безсвязно какъ-то...

— Связи нѣтъ. Правда. Вы о Россіи начали.

— Да. О Россіи. Ольга Андреевна—петербургская. Но вѣдь, и Петербургъ тоже Россія съ извѣстной точки зрѣнія. А другая...

— Другая? Ея нѣтъ. Она ушла въ тайгу,—помавая рукою, сказалъ какъ-то безсознательно Тумановъ:—Замерзла тамъ...

— Россія замерзла?

— Нѣтъ, не Россія. А, впрочемъ, можетъ быть, и Россія.

— Ну, вотъ мы и договорились съ вами до главнаго. Это все къ одному. Холодно намъ. Замерзли мы. И напрасно одинъ юный поэтъ съ искреннимъ восторгомъ воскликнулъ: „Гдѣ сіяетъ солнце жарче? Гдѣ сіять ему милѣй?“ Лирикъ милый предполагалъ, что на Руси солнце сіяетъ жарче, чѣмъ въ Африкѣ. Такія чувства похвальны, конечно, но вздоръ рѣшительный. У насъ сектанты на кострахъ себя сжигали, чтобы согрѣться. Вотъ мы какіе.

— Мы, кажется, пьяны,—замѣтилъ Тумановъ:—Впрочемъ, я вообще не совѣмъ здоровъ... Да вы въ самомъ дѣлѣ Вербовскій?.. У васъ лицо на маску похоже.

— Я немного пудрюсь и глаза подвожу,—сказалъ Вербовскій и снялъ пенснэ.

— Это зачѣмъ же такой маскарадъ?

— Предсмертный маскарадъ,—засмѣялся Вербовскій:—Вы помните, Раблэ, умирая, завернулся въ домино и, пародируя священное писаніе, довольно забавно пошутилъ: „Beati qui moriuntur in domino“. Вотъ и я, какъ Раблэ...

— Не говорите непонятнаго! — сказала Ояня: — Намъ скучно такъ...

— Не будемъ! Не будемъ!

— Я корсетъ сниму. Ничего?—спросила Феня, совсѣмъ пьяная.

— Печальный вы какой. Жаль мнѣ васъ,—обратилась Маша къ Туманову.

— Васъ поцѣловать можно?—спросила она и, не дожидаясь отвѣта, нѣжно его обняла:—У меня братъ такой былъ. На васъ похожъ.

— Маша сантиментальная, а у этой Фени своя философія: *саге діет*... Я съ ними часто время провожу. Люблю съ ними втроемъ. Онѣ, вѣдь, подруги и влюблены,—коснѣющимъ языкомъ объяснялъ Вербовскій.

— Я пойду.

— Подождите, Богданъ Юрьевичъ. У меня къ вамъ просьба. Передайте, пожалуйста, Ольгѣ Андреевнѣ вотъ этотъ подарокъ отъ меня. Скажите ей, что я ей всего хорошаго желаю. Вотъ...

И онъ вытащилъ что-то завернутое въ газетную бумагу и перевязанное бичевкою.

Тумановъ взялъ этотъ довольно тяжелый свертокъ и положилъ его въ карманъ. Богданъ Юрьевичъ не замѣтилъ, какъ очутился на Невскомъ. Если бы не тяжелый свертокъ въ карманѣ пальто, онъ могъ бы повѣрить, что свиданіе съ Вербовскимъ сонъ. Было свѣтло. И уже проснулся рабочий людъ. Тумановъ нанялъ извозчика и поѣхалъ на Острова. Тамъ, на Стрѣлкѣ, онъ отпустилъ извозчика и долго ходилъ одинъ, размахивая руками и бормоча что-то. Наконецъ, сторожъ подошелъ къ нему и сказалъ укоризненно.

— Ишь, налимонился! Нехорошо! А еще баринъ!

XXV.

Въ концѣ Забалканскаго проспекта, на полпути отъ городскихъ боенъ до Новодѣвичьяго монастыря, стоитъ трехэтажный угрюмый домъ, давно уже прозванный неизвѣстно почему Голубятней. Лѣтъ пятьдесятъ стоитъ здѣсь этотъ

домъ, вперяя темныя мрачныя свои окна въ желтый петербургскій сумракъ. На верху, въ третьемъ этажѣ, мелкія квартиры. Живутъ тамъ рабочіе съ бумагопрядильной фабрики Проскуровыхъ и заводскіе мастера. Во второмъ этажѣ двѣ квартиры—въ одной половинѣ переплетное заведеніе, а въ другой неизвѣстно что: на дверяхъ прибита мѣдная дощечка съ обозначеніемъ имени-отчества безъ фамиліи: — Анна Петровна. У этой дамы—восемь воспитанницъ, а у воспитанницъ немало знакомыхъ, и часто бываютъ гости... А внизу помѣщаются лавки, прачечная и ночная чайная, тоже называемая, какъ и домъ, Голубятней. Хозяинъ чайной—Арсеній Григорьевичъ Горбачевъ, человекъ примѣчательный. На Забалканскомъ проспектѣ онъ слылъ весьма ученымъ, и посѣтители чайной всегда были непрочь потолковать съ нимъ о высокіхъ предметахъ. Правда, иныхъ пугали его круглыя рыбы глаза и сухія губы, но то, что онъ умѣлъ красно говорить, и зналъ Священное писаніе, какъ старообрядческій начетникъ—въ этомъ всѣ были согласны. Маленькій суховатый Арсеній Григорьевичъ въ шлепающихъ туфляхъ рассказывалъ по чайной, разсѣянный и молчаливый, но стоило кому-нибудь заговорить о важномъ, о божественномъ, какъ тотчасъ же, какъ бы очнувшись отъ сна, вступалъ онъ въ бесѣду, и вскорѣ одинъ его голосъ звучалъ въ чайной:

— Не чуждайтесь огненнаго искушенія,—говорилъ онъ, подымая желтый палецъ,—безъ онаго не будетъ вамъ Царствія Божія...

Торговала чайная нехудо. Собирались въ ней любители поговорить и послушать. Но послѣ двухъ часовъ ночи зеленый дурманъ стоялъ таки въ чайной: приходили пьяные изъ трактировъ; иные притаскивали за-пазухой бутылки; иногда подь утро пріѣзжали господа изъ „Парадиза“ и привозили съ собою въ автомобилѣ шампанское.

Нерѣдко приходилъ сюда съ гитарою Ляховъ, рабочій съ проскуровской мануфактуры, отчаянный спорщикъ, противникъ самого Горбачева; приходили мясники изъ сосѣд-

нихъ лавокъ—Урчаловы, Трифонъ и Амфилохій; забѣгали двѣицы отъ Анны Петровны—чаще другихъ Маша, знакомая Вербовскаго, а въ иные вечера заходилъ братецъ Павлуша, гремя веригами.

— Пришли послѣднія времена и всѣ сроки исполнились,—говорилъ Арсеній Григорьевичъ, угрожая кому-то своимъ желтымъ пальцемъ,—земля наша въ язвахъ, а въ небѣ сейчасъ идетъ война: святой Михаилъ и ангелы противъ Дракона воюютъ... Кто побѣдитъ, люди?

— Все это ерунда и суевѣріе, и вы, господа посѣтители, ему не вѣрьте,—улыбался Ляховъ язвительно и бречалъ на гитарѣ.

Тогда Арсеній Григорьевичъ въ гнѣвѣ пророчествовалъ о послѣднихъ временахъ. Гости расходились на разсвѣтѣ. Въ этотъ ранній часъ звонятъ къ заутренѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; мимо бѣлыхъ стѣнъ скользятъ черныя монахини. Забалканскій проспектъ просыпается; полусонная ночная жизнь смѣняется утренней суетой, и отъ боенъ тянется вереница телѣгъ съ парнымъ мясомъ. Окрававленные мясники сидятъ на трупахъ, едва прикрытыхъ рогожею. Мертвыя головы телятъ съ помутившимися глазами свѣшиваются за края телѣгъ. И двѣ-три голодныя собаки, соблазненные кровью, бѣгутъ за подводами, скорбно воя.

Вотъ сюда, въ эту самую Голубятню, звалъ Безсоновъ сестру и Туманова. Въ воскресенье онъ зашелъ за ними въ „Пале-Рояль“. Богданъ Юрьевичъ послѣ ночного похождения вернулся утромъ, часовъ въ одиннадцать, и очень удивилъ Ольгу Андреевну своимъ разсказомъ, довольно, впрочемъ, безсвязнымъ, о бесѣдѣ съ Вербовскимъ. Чарушникова тоже ночевала въ „Пале-Рояль“ и теперь беспокоилась, состоится ли посѣщеніе Голубятни. Очень почему-то ей хотѣлось присутствовать на этомъ собраніи. Илья Андреевичъ сообщилъ, что въ Голубятнѣ будетъ между прочимъ, іеромонахъ Софроній, о которомъ ходили по городу странные слухи. Когда въ десятомъ часу рѣшили, наконецъ, ѣхать и уже одѣвались въ передней, Богданъ Юрье-

вичъ вспомнилъ, что Вербовскій передалъ ему для Ольги Андреевны какой-то свертокъ. Она брезгливо взяла его, но, развернувъ, улыбнулась. Это былъ револьверъ старой системы съ барабаномъ, небольшого калибра, довольно пріятный на видъ.

— Заряжень,—сказала Ольга Андреевна, осмотрѣвъ револьверъ, и опять усмѣхнулась:—Этотъ револьверъ я знаю. И, пожалуй, лучше подарка на память и желать нельзя... Спасибо Вербовскому.

Она положила револьверъ въ свою кожаную сумку.

Когда они пріѣхали на Забалканскій и вошли въ чайную, тамъ было немало народу и бесѣда уже началась. Какой-то неопредѣленнаго возраста человекъ, бѣлокурый, съ сухимъ и какъ бы прѣснымъ лицомъ, скучнымъ голосомъ, но довольно складно, впрочемъ, говорилъ, обращаясь къ Горбачеву:

— Источникъ воды живой никакой плотиною задержать не можно. Вода путь себѣ отыщетъ или обойдя ее, или же скорѣе всего, размывъ и уничтоживъ преграду. Такъ, братья, и Христово ученіе на половинѣ пути удержать не можно. Пусть изверги и обманщики надъ истинною глумятся, однако, свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьму побѣждаетъ. Сказано: зломъ не противься злomu...

— Пстой. Погоди,—сказалъ Ляховъ, насмѣшливо улыбаясь,—такъ по твоему, значить, ежели меня кто душить, я ему за то въ ножки: душите, пожалуйста, ваще степенство...

— Насиліемъ врага побѣдить можно, а душу спасти не можно. Христось сказалъ...

— Какой Христось?—поднялъ кверху желтый палець Арсеній Григорьевичъ.—Какой Христось? У насъ есть Господь нашъ Иисусъ Христось, Сынъ Божій, за насъ распятый... А у тебя какой Христось?

— Въ душѣ у меня Христось,—сказалъ бѣлокурый уныло:—А еще былъ Христось—человекъ мудрый. Онъ училъ любить враговъ нашихъ и благотворить ненавидя-

щихъ насъ и зло людямъ прощать не до семи, но до седмижды семидесяти разъ...

— Ахъ, ты убогій,—засмѣялся Ляховъ:—да, вѣдь, то когда было? А по нынѣшнимъ временамъ такому слову цѣна грошъ. А я тебѣ, смиренный ты человекъ, вотъ что скажу: ежели бы сюда сейчасъ Христа можно было пригласить, въ Голубятню, примѣрно, онъ бы тебѣ сейчасъ откровенно заявилъ: дѣйствительный, молъ, я членъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. Это понимать надо.

— Молчи, паскудный,—крикнулъ Горбачевъ, вытянувъ свою худую, съ надувшеюся жилою, шею:—Молчи, окаянный! Чего ты зря богохульствуешь! А ты, господинъ, не про Христа говоришь, а про какого-нибудь нѣмецкаго попа благоразумнаго. Господь Иисусъ Христосъ кровью Своею насъ причащаетъ, а ты тепленькую водицу даешь. Ахъ, ты середка на половинкѣ!

Публика шумѣла, заглушая оратора. Илья провелъ Ольгу Андреевну и Туманова въ дальній уголъ, а Чарушникова тамъ не нашла мѣста и въ странномъ безпокойствѣ шмыгала по горницѣ, такъ что иные обратили на нее вниманіе. Даже кто-то, усмѣхнувшись, пробормоталъ: „Ишь, птица какая!“—или что-то въ этомъ родѣ. Самъ Илья тоже бѣгалъ по горницѣ, какъ свой человекъ, подсаживаясь къ разнымъ столикамъ. Иногда подбѣгалъ онъ къ Туманову и, потирая руки, разъяснялъ ему что-то. И нельзя было понять, серьезно онъ говорить или шутить.

Ольгу Андреевну очень занимало это общество. Она внимательно слушала и Горбачева, изрекавшаго свои пророчества въ какомъ-то сухомъ восторгѣ, и бойкаго Ляхова, усвоившаго хорошо нужную ему правду, и этого бѣлокураго разумника, рассуждавшаго такъ просто о Христѣ... Очень она также замѣтила двухъ мясниковъ Урчаловыхъ, Трифона и Амфилохія. Они могли поразить воображеніе своими невѣроятно мощными фигурами; кажется, они выступали и борцами на состязаніи въ „Парадизѣ“; шеи у

нихъ были короткія, лбы узкіе, плечи широкія и мускулы, какъ бы налитые свинцомъ, чувствовались даже подъ не очень тонкими ихъ поддевками, перетянутыми кавказскими ремешками. Станнымъ образомъ походили Урчаловы на быковъ, и даже на быковъ необыкновенныхъ, какъ бы фантастическихъ. Трифонъ и Амфилохій были неразговорчивы. И казалось даже, что они вообще не умѣютъ говорить ни на какомъ человѣческомъ языкѣ. Однако, какіе то нечленораздѣльные звуки они порою издавали—какой-то ревъ, которымъ они, повидимому, кому-то угрожали.

Въ чайную приходили все новыя посѣтители. Было тѣсно и душно. Тумановъ впалъ въ ту странную задумчивость, которая такъ пугала Ольгу Андреевну. Она уже нѣсколько разъ касалась его плеча и говорила ему что-то, но онъ отвѣчалъ невпопадъ, всецѣло занятый, повидимому, своими мыслями.

— Идутъ! Идутъ!—съ какимъ-то неистовымъ восторгомъ завопилъ вдругъ Илья.

И въ самомъ дѣлѣ двери чайной отворились настежь и въ горницу ввалилась довольно примѣчательная компанія. Первымъ влетѣлъ черномазый человѣкъ восточнаго типа, въ енотовой шубѣ, которую онъ тотчасъ же лихо сбросилъ съ плечъ на руки подскочившему приказчику. Этотъ юркій брюнетъ, въ пестромъ жилетѣ, съ грудью, украшенной значками и орденами, увидѣвъ Илью Безсонова, бросился его обнимать.

— Отецъ Софроній тутъ съ нами!—затрепалъ истинно-русскій брюнетъ:—И прокламаціи наши готовы! Вотъ онъ, господа!

И онъ выбросилъ на столъ пачку прокламацій „Союза Латниковъ“.

За брюнетомъ слѣдовало человѣкъ десять: какой-то хромой генераль, на костыляхъ; высокій чахоточный парень, судя по одеждѣ, приказчикъ; жирный купецъ, съ медалью на шеѣ; студентъ, въ мундирѣ, со шпагою, завитой,

задыхающийся въ узкомъ и чрезмѣрно высокомъ воротникѣ, и еще кто-то.

— Батюшку пропустите! Батюшка идетъ!—раздались голоса въ дверяхъ.

И появился, наконецъ, іеромонахъ Софроній, со своею свитою. Это былъ приземистый, косолапый человекъ. Лицо у него было темное, какъ будто земляное. Онъ держалъ въ рукѣ посохъ съ набалдашникомъ. Рука, сжимавшая посохъ, была жилистая, крѣпкая, корявая и какъ будто обсыпанная землею. Онъ тяжело и неловко шагаль и, пока дошелъ до приготовленной ему скамьи, дважды оступился. Изъ-подъ густыхъ полуопущенныхъ рѣсницъ глаза свѣтились тускло и мрачно.

За Софроніемъ слѣдовала какая-то барыня въ соболяхъ, лѣтъ сорока пяти, нарумяненная, въ парикѣ, повидимому. А за нею шелъ огромный лакей, въ ливреѣ, съ покорнымъ и тупымъ лицомъ.

— Ей, гради, Софроній, святой церкви витія и свѣтильниче,—завопилъ торжественно Илья и вдругъ неожиданно прибавилъ скороговоркою:—А мы тутъ, отче, всѣ уже поджидаемъ васъ. Пивца не хотите ли? Арсеній Григорьевичъ! Холодненькаго намъ...

— Не хочу пива,—сказаль глухо Софроній и стукнулъ посохомъ:—Жидовъ здѣсь нѣту? О русскомъ дѣлѣ говорить можно?

— Нѣтъ жидовъ! Нѣтъ!—засуетился Илья:—Слушаемъ васъ, отче.

— Не пора ли намъ, братія, покончить съ этою самою смутю?—сказаль Софроній, озираясь:—Развѣ насъ мало? Развѣ не за насъ весь русскій народъ?

— Погоди, отецъ,—вскочилъ вдругъ брюнетъ въ пестромъ жилетѣ:—Погоди. Жидовъ здѣсь, кажется, нѣту, однако, посторонніе есть...

— Это свои, свои,—захлопоталь Илья.

— То-есть какъ это „свои“?—засмѣялся Ляховъ:—Я, извините, не вашъ. Хозяинъ! За чай получи!

И, брякнувъ гитарою, Ляховъ вышелъ изъ чайной.

Встали и еще нѣкоторые и взялись, было, за шапки.

— Богданъ Юрьевичъ! Пойдемъ и мы,—громко сказала Ольга Андреевна.

— Это кто?—спросилъ Софроній, указывая чернымъ своимъ пальцемъ на Безсонову.

— Это сестрица моя,—громкимъ шопотомъ сталъ объяснять Илья:—И вотъ еще Тумановъ господинъ, склонный христіанство принять, а до сихъ поръ отъ безвѣрія страдавшій...

— Пусть остаются,—разрѣшилъ Софроній.

— Господинъ Тумановъ! Слышали, какъ же!—вмѣшался брюнетъ:—Очень пріятно познакомиться! Вотъ они намъ скажутъ откровенно, что такое вся эта революціонная махинація. Они сами изволили на главной ихъ квартирѣ быть и съ ихними главарями хлѣбъ-соль водили. Не правда ли, господинъ Тумановъ, изрядную сумму отъ заграничныхъ жидовъ получили наши бунтовщики на російскую смуту?

Тумановъ худо вникалъ въ то, что происходило вокругъ него, но почему-то слова брюнета долетѣли до него и онъ обратилъ на нихъ вниманіе:

— Чепуха какая!—улыбнулся Тумановъ, и слегка раздвинувъ плотные ряды сосѣдей, вышелъ впередъ:—Это неправда,—продолжалъ онъ, съ любопытствомъ разсматривая брюнета:—Да неужели вы въ это вѣрите? Ахъ, какой вздоръ! Ахъ, какой вздоръ!

— Эге-ге! Да вы, кажется, и сами отъ нихъ недалеко ушли?—захихикалъ брюнетъ.

— Это у васъ всѣ такіе истинно-русскіе?—спросилъ Тумановъ, обращаясь къ Софронію.

Монахъ нахмурился.

— Послушайте, батюшка,—сказалъ Тумановъ и потеръ лобъ рукою, какъ будто стараясь собрать мысли,—я вотъ хотѣлъ спросить васъ, потому что вы все-таки настоящіе. Только, извините, у меня въ головѣ путается съ нѣкоторыхъ поръ. О чемъ я? Ахъ, да! Вотъ вы мнѣ скажите откровенно,

почему это у насъ, русскихъ, холодно и сухо такъ? На Западѣ тамъ еще хуже, тамъ ужъ давно тепло и просто слякоть какая-то, но, вѣдь, солнце-то гдѣ-нибудь горячо свѣтитъ? А? Или какъ же это? Замерзать намъ что-ли суждено?

— Ты что-то путаешь,—проговорилъ монахъ строго, но неохотно.—Ишь! Солнца захотѣлъ! Россія—великая! Россія сама по себѣ. Въ Россіи царь—солнце... А ты самъ холодный. Родина тебя отогрѣла, а ты на нее клеветтешь.

— Клеветтешь? Но, вѣдь, Россія лучшихъ людей своихъ, у кого сердца горячія, сама въ тайгу посылаетъ, и они замерзаютъ тамъ, право... А иные добровольно туда идутъ... Вотъ и жена моя въ тайгу ушла...

— Э! Да онъ полоумный!—довольно громко пробормоталъ брүнеть.

— Нѣтъ, онъ правду говоритъ,—крикнула вдругъ Ольга Андреевна, которая успѣла тѣмъ временемъ пробраться сквозь толпу и теперь стояла противъ монаха, гнѣвно сверкая глазами:—Онъ правду говоритъ! Россія ваша замерзаетъ! Проклятая страна!

— Что? Замолчи, дѣвка!—стукнулъ монахъ своимъ посохомъ.

Но Безсонова уже не слушала его.

— Проклятая страна! А вы всѣ, истинно-русскіе люди, могильщики вы. Я вотъ грѣшная, отчаявшаяся, я, можетъ быть, петербургская, значить, не совсѣмъ русская, но я хоть знаю, что смерть есть смерть, а вы всѣ и думать объ этомъ не хотите. Вы гады холодные и родину свою заморозить хотите! Васъ тутъ мало въ Голубятнѣ, но въ каждомъ русскомъ вотъ этакій монахъ проклятый сидитъ...

— Ольга! Ольга! Опомнись!—испугался ужасно Илья, загораживая ее.

Но было уже поздно. Потрясая посохомъ, какимъ-то подземнымъ голосомъ закричалъ Софроній:

— Жидовка она! За косу ее, негодницу!

И уже кулаки Урчаловыхъ замелькали въ воздухѣ.

Толпа, загалдѣла и двинулась. Тогда Бозсонова въ какомъ-то восторгѣ выхватила револьверъ и навела его на монаха, но брUNETъ, зорко за нею слѣдившій, схватилъ ее за руку, и уже чей-то кулакъ тяжело опустился ей на голову. Безсонова упала на грязный полъ. Тумановъ бросился, было, къ ней, но дюжія руки схватили его и оттащили прочь. Всѣ вдругъ замолчали. И стало непонятно тихо. И что-то дѣлалось странное въ этой сгрудившейся, въ одинъ комокъ собравшейся толпѣ... Потомъ всѣ вдругъ отхлынули, и на опроставшемся мѣстѣ, въ разорванномъ платьѣ, лежала навзничъ Безсонова, не шевелясь, съ прижатыми къ груди руками, какъ будто живая.

Софроній рванулся къ ней и пихнулъ ее своей косолапой ногой.

— Издохла змѣя!—сказалъ онъ глухо.

И нагнулся надъ ея недвижнымъ лицомъ съ багровымъ пятномъ на вискѣ—приземистый, дюжій, темный, опираясь на посохъ корявой рукой, какъ будто обсыпанной землею.

И вдругъ раздался пронзительный вопль. Это закричала Чарушникова:

— Думаете вы ее убили? Хамы вы! Сама она себя убила! Того и хотѣла!

Всѣ какъ-то разомъ обернулись, но не къ Чарушниковой, а къ Туманову. Онъ сидѣлъ на полу, на корточкахъ, усмѣхаясь. И даже Софроній отвернулся поспѣшно, замѣтивъ эту улыбку идиота.

ДОКТОРЪ ЧЕРНЫШЕВЪ.

I.

Ординаторъ нервной и психіатрической клиники, Чернышевъ, писалъ диссертацию о параличахъ. Ежедневно онъ впрыскивалъ кроликамъ свинцовые препараты и велъ запись. И въ то памятное для него августовское утро Чернышевъ сдѣлалъ очередное впрыскиваніе, отмѣтилъ въ тетради, что было надо о состояніи отравленныхъ животныхъ и задумался, разсѣянно перечитывая свою запись:

„Экземпляръ двадцать четвертый; зрачки неравномерно расширены; плохо владѣть задними конечностями“...

— Что это со мной? — думалъ ординаторъ, чувствуя, что золотой осенній лучъ, упавшій на тетрадь, столъ и банку съ сулемой, волнуетъ его, напоминая о чемъ то давно забытомъ, но когда то миломъ и желанномъ.

Бѣлыя стѣны „вивесекторской“, желтые микроскопы подъ стеклянными колпаками; кролики, бѣгавшіе въ слѣпомъ безпокойствѣ за деревянной рѣшеткой клѣтки: все казалось холоднымъ, скучнымъ и ненужнымъ. А хорошее и необходимое было тамъ, за окномъ, гдѣ дрожали багряные листья осины и гдѣ увядало въ холодномъ томленіи осеннее солнце.

По привычкѣ, не думая о томъ, что надо дѣлать теперь, Чернышевъ снялъ халатъ, вымылъ руки и вышелъ въ коридоръ. И тамъ, на блестящемъ паркетномъ полу, на дорожкѣ, натянутой гладко, и на таблицахъ, развѣшен-

ныхъ по стѣнамъ, дрожали солнечные зайчики, напоминая о чемъ то, чего нѣтъ теперь, но что могло бы быть.

Черезъ пять минутъ начинался пріемъ въ психіатрической амбулаторіи. Въ залѣ, гдѣ больные ждали очереди, стоялъ неясный гомонъ. Высокій сутулый человѣкъ, съ сѣдыми тяжелыми волосами, ходилъ изъ угла въ уголь, бормоча что то,—и за нимъ бѣгала, едва поспѣвая, маленькая худенькая женщина, вся коричневая, повторявшая непрестанно:

— Владимиръ Сергѣевичъ! Милый! Не надо... Владимиръ Сергѣевичъ! Не надо, милый...

Въ углу сидѣлъ толстый человѣкъ, положивъ симметрично на колѣни огромныя, отекишія руки. Его мутностеклянный взглядъ былъ неподвиженъ и тяжелъ. Этого толстаго человѣка привели два молоденькихъ офицера. Они оживленно разговаривали. То и дѣло звучали металлическія слова: акціи, облигаціи, проценты, опека...

Молоденькій почтовый чиновникъ, смѣясь и размахивая руками, съ необыкновенной горячностью рассказывалъ своему смущенному спутнику, тоже чиновнику, сложную исторію объ изобрѣтенномъ имъ аппаратѣ для „перлюстраціи“ писемъ.

— Георгій Николаевичъ, сегодня вамъ дежурить,—сказалъ молодой толстый ординаторъ, обнимая Чернышева за талію:—вонъ и профессоръ пріѣхалъ...

Когда врачи вошли въ амбулаторію, тамъ уже сидѣла больная, и студентъ писалъ что то на листкѣ, обращаясь съ вопросомъ то къ ней, то къ ея мужу, инженеру, который отвѣчалъ коротко и точно.

Чернышевъ взглянулъ на больную, и знакомое и влекущее почудилось ему въ ея глазахъ, слегка косящихся, въ странной улыбкѣ не то лукавой, не то чувственной...

— Я видѣлъ эту женщину когда то, — подумалъ Чернышевъ.

На разграфленномъ листѣ подъ рубрикой „имя и фамилія“ значилось: Желѣзнова, Марія.

— Вы мужъ больной?—съ тайной, странной для него самого, неприязнью спросилъ Чернышевъ, оглядывая бѣлокураго господина въ инженерной формѣ.

— Да, это моя жена,—спокойно отвѣтилъ инженеръ.

— А позвольте узнать ея дѣвичью фамилію,—нерѣшительно сказалъ Чернышевъ, чувствуя, что краснѣетъ.

— Галицкая. Ея фамилія Галицкая...

— Вотъ какъ... Въ такомъ случаѣ мы были знакомы когда то.

И Чернышевъ вспомнилъ съ неожиданной ясностью вечеръ въ одной патриархальной семьѣ, гдѣ онъ, тогда еще студентъ перваго курса, бывалъ не разъ. За Москвой-рѣкой, у Троицы въ Лужникахъ, стоялъ сѣренькій двухъэтажный домъ доктора Тулупова. По субботамъ у Тулуповыхъ собирались гости, молодежь... Танцевали въ залѣ и съ увлеченіемъ играли въ фанты, въ то время, какъ въ кабинетѣ старики пылили мѣломъ на зеленыхъ столахъ.

И вотъ здѣсь Чернышевъ встрѣтилъ Галицкую. Она только что кончила тогда гимназію; у нея былъ недурной голосъ: она мечтала о сценѣ. Ея загадочная улыбка, странный пристальный взглядъ ранили сердце Чернышева.

Когда играли въ „почту“, онъ написалъ дрожащей рукой: „Вы прекрасны. Я люблю васъ“. И она отвѣтила „У меня есть женихъ“.

Чернышевъ прочелъ записку, разорвалъ ее и, не взглянувъ на дѣвушку, уѣхалъ домой. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ.

И вотъ снова она сидитъ передъ нимъ съ тою же улыбкой и съ что-то знающимъ взглядомъ.

— Вы узнаете меня? — сказалъ Чернышевъ, касаясь руки больной.

— Я тебя знаю,—сказала она, улыбаясь тихо и нѣжно:— ты — Гавріилъ архангелъ. Только зачѣмъ ты сюртукъ надѣлъ—вотъ ужъ этого не понимаю.

И неожиданно она обратилась къ мужу:

— Ты замѣтилъ, супругъ мой? Всѣ лукавятъ, лукавятъ... И даже крылья себѣ обрѣзали—чудаки...

— Ты ошибаешься, дорогая Маша,—сказалъ инженеръ серьезно:—это вовсе не архангелъ Гавріилъ, а просто докторъ Чернышевъ. Ты не помнишь этой фамиліи? Чернышевъ...

— Какой тамъ Чернышевъ... Глупости какія... Это студентъ такой былъ въ меня влюбленный. Богъ съ нимъ.

Больная была странно одѣта: на голову она приколола вѣночекъ изъ бумажныхъ цвѣтовъ, и сѣрое скромное платье ея было разорвано у ворота...

— Я люблю, когда дэкольтэ,—сказала больная, показывая на свою хрупкую обнаженную шею и чуть порозовѣвшую грудь.

— Вотъ, Маша, надѣнь платокъ,—сказалъ инженеръ.

— Ахъ, оставь, глупый... Не надо мнѣ... Такъ хорошо. И доктору нравится.

Вошелъ профессоръ, толстоносый и губастый, въ золотыхъ очкахъ.

— Ну, что? Какъ? Имя? Возрастъ? Давно ли съ ней приключилось?—спрашивалъ профессоръ, принимая листокъ отъ почтительно склонившагося студента.

— Вы—мужъ? Рассказывайте.

— Мѣсяца два тому назадъ я замѣтилъ, что жена стала до странности мрачной и жаловалась на головныя боли...

— Хорошо-съ. Дальше... Дальше...

Мужъ плавно и точно рассказывалъ, а профессоръ моталъ головой, видимо, скучая.

— Постой. погоди,—перебила больная:—когда, ты говоришь, я веселой стала?

— Вчера, Маша.

— Да, да... Вчера. Вѣрно. Я для смѣха всю посуду у насъ перебила—хорошую такую...

Она засмѣялась.

— А вамъ я, профессоръ, нравлюсь?

И она запѣла, поджавъ ноги и обхвативъ колѣни руками:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...

— Голосъ какой хорошій,—сказалъ Чернышевъ, чувствуя, что у него холодѣютъ пальцы на рукахъ и сердце неровно стучить.

— Ваше мнѣніе, товарищъ?—спросилъ профессоръ, обращаясь къ толстому ординатору.

Ординаторъ, отдуваясь и кряхтя, точно онъ лѣзъ въ холодную воду, сталъ излагать свой взглядъ на болѣзнь.

— Такъ, такъ,—моталъ головой профессоръ:—такъ, такъ. Я согласенъ. Съ достаточной степенью вѣроятности мы можемъ предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *psychosis circularis*.

— Я полагаю,—сказалъ Чернышевъ,—что для выясненія настоящаго случая можно предложить мужу больной оставить ее въ клиникѣ на нѣкоторое время.

— Я ничего не имѣю,—сказалъ профессоръ, размашисто подписывая листокъ, поданный студентомъ.

II.

Пришла надзирательница въ бѣломъ чепцѣ и повела Марію Желѣзнову въ седьмую палату. Больная обернулась и кивнула Чернышеву.

— Навѣщай меня, Гавріилъ. Лилію принеси, смотри.

Ввели новаго больного—генерала съ красными лампасами. Онъ трогалъ темя пальцемъ и повторялъ, какъ ребенокъ:

— Бо—бо...

Толстый ординаторъ, вздыхая, зажегъ свѣчу и сталъ смотрѣть генеральскіе зрачки. Потомъ онъ изслѣдовалъ колѣнные рефлексъ.

— Прогрессивный параличъ,—сказалъ онъ негромко.

Но Чернышевъ чувствовалъ себя, какъ во снѣ. И золотыя очки профессора, и одышка толстаго ординатора, и холодная мебель амбулаторіи—все казалось ему ненастоящимъ, и лишь Марія Желѣзнова, ея взглядъ, ея улыбка—въ этомъ было для него что-то значительное и влекущее, какъ въ лучѣ осеннемъ тамъ, за окномъ.

Квартира Чернышева была тутъ же, при клиникѣ. Послѣ приѣма онъ долго ходилъ по кабинету и думалъ:

— Какъ странно улыбается эта Марія Желѣзнова. Она говоритъ фантастическія невѣроятныя вещи, но эта улыбка какъ будто бы оправдываетъ ея сумасшедшія слова.

Дрожащей рукой досталъ Чернышевъ портсигаръ, закурилъ и сталъ опять ходить и думать:

— Психіатры, описывая душевныя болѣзни, не обращаютъ вниманія на одинъ фактъ, весьма загадочный и странный. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые больные очень лукавы. Ихъ бредъ надо понимать не буквально, а иносказательно. Они что то скрываютъ отъ насъ, здоровыхъ.

Чернышевъ припомнилъ разные случаи изъ своей практики и навязчивыя мысли опять возникли у него въ душѣ:

— Да, это такъ,—думалъ онъ:—въ прошломъ году былъ въ клиникѣ одинъ художникъ. Онъ судилъ обо всемъ здраво. Но стоило заговорить кому нибудь о его женѣ, которая незадолго до того бросила его и уѣхала въ Италію съ другимъ, и тотчасъ больной говорилъ что то невѣроятное, неправдоподобное и неясное. Оказывалось, что у него двѣ жены, что обѣ ему нужны, что одна изъ нихъ голубая, а другая синекрасная, какъ говядина. Онъ такъ и выражался: „какъ говядина“. И все это было до такой степени тяжело, нехорошо и нелѣпо, что трудно было слушать этого несчастнаго. А междѣ тѣмъ все время, пока говорилъ больной, на губахъ у него была хитрая улыбка. Какъ будто бы онъ смѣялся надъ своимъ собесѣдникомъ.

Чернышевъ вспомнилъ эту улыбку и вздрогнулъ.

Въ это время вошелъ сторожъ Николай и, вытянувшись по солдатски, доложилъ:

— Ваше благородіе. Васъ господинъ инженеръ къ себѣ просяетъ.

— Что? Что такое? Какой инженеръ?—спросилъ Чернышевъ, чувствуя, что вмѣстѣ съ мыслью объ инженерѣ у него въ душѣ возникаетъ что то непріятное и тяжелое.

— Ахъ, да... Это—мужъ больной..

— Что вамъ угодно?—спросилъ Чернышевъ, когда тамъ, въ пріемной, къ нему подошелъ этотъ бѣлокурый человѣкъ, съ простоватымъ взглядомъ и добрыми толстыми губами.

— Я хотѣлъ спросить васъ, докторъ, когда я теперь могу навѣстить больную. И вообще..

— Мы васъ извѣстимъ, когда будетъ можно,—перебилъ его Чернышевъ, чувствуя, что онъ уже ненавидитъ безпричинно этого здороваго уравновѣшеннаго человѣка, увѣреннаго почему то, что Марія Галицкая принадлежитъ ему, любить его, и всѣ должны сочувствовать ему въ этихъ его отношеніяхъ къ женѣ.

— Вздоръ какой,—думалъ Чернышевъ, выходя изъ пріемной:—этотъ человѣкъ воображаетъ, что все обстоитъ по прежнему, что Марія его жена. Ну, нѣтъ. Это еще вопросъ. Мы психіатры должны рѣшить, возможны ли ея прежнія отношенія съ мужемъ.

— Что со мной, однако?—пробормоталъ Чернышевъ, поблѣднѣвъ отъ волненія:—о чемъ я думаю? У меня, кажется, стучитъ сердце, и мысли какія то нелѣпыя, Господи..

Приля къ себѣ въ кабинетъ, Чернышевъ выпилъ брома и рѣшилъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть за обычную работу, поѣхать вечеромъ въ „Парадизъ“—развлечься.

III.

Карликъ раздвинулъ пыльную и грязную портьеру, и Чернышевъ вошелъ въ зрительный залъ, на половину пустой.

Два клоуна бряцали бубенцами, то мотая головой, то потрясая ногами и руками. Ихъ намазанныя бѣлилами лица, ихъ красныя огромныя губы, и визгливые звуки нестройнаго оркестра — все было какъ не разъ снившійся сонъ, мучительный и жуткій.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?—подумалъ Чернышевъ:—зачѣмъ?

А передъ занавѣсомъ невидимая рука вывѣсила на бѣломъ картонѣ черный номеръ—тринадцать.

И афиши обѣщали тринадцатымъ номеромъ „миссъ Мэри и мистера Джека, которые исполнять маленькія пародіи на характерныя танцы“.

И вотъ подъ сумасшедшіе звуки матчиша вышли на сцену рыжеволосая Мэри и мистеръ Джекъ, краснотубый и бѣлоглазый негръ, въ бѣлоснѣжной сорочкѣ и черномъ фракѣ.

— На кого она похожа?—думалъ Чернышевъ, рассматривая въ бинокль худенькую маленькую англичанку, которая улыбалась съ наивнымъ безстыдствомъ.

— На кого она похожа? Да, да, это улыбка Маріи Галицкой. Это ея загадочный взглядъ.

И онъ уже не могъ оторвать глазъ отъ этой танцовщицы, надъ которой склонилось черное лицо съ бѣлыми глазами.

— Чье это лицо? Мистера Джека? Надъ кѣмъ онъ смѣется, этотъ Джекъ? Нѣтъ, онъ не смѣется.. Въ нелѣпомъ матчишѣ сама страсть—черная, съ выкатившимися бѣлыми глазами. Полуоткрытый красный ротъ—какъ кровавое пятно. Вотъ замеръ въ похотливомъ вождедѣніи негръ. Онъ поднялся, вытянулся, дрожа...

Чернышевъ съ отвращеніемъ опустилъ бинокль. Передъ занавѣсомъ появился бѣлый картонъ со словами „антрактъ“ и Чернышевъ вышелъ въ фойе.

— Въ чемъ же дѣло, наконецъ?—думалъ онъ:— семь лѣтъ назадъ я познакомился съ Галицкой. Сегодня я узналъ, что она больна и каждый день мнѣ придется видѣть ея сумасшедшую улыбку. И что еще? Да, эта миссъ Мэри, которая такъ похожа на нее. Что же, это слѣпая случайность, не болѣе. Такъ принято выражаться: слѣпа я. Я, кажется, теряю голову. Но надо бороться съ этимъ. Очевидно, я переутомился. Работа о свинцовыхъ параличахъ...

По стѣнамъ фойе сидѣли дамы: блѣдная, съ тонкимъ большимъ еврейскимъ носомъ, въ желтомъ беретѣ; другая, съ маленькой головой на огромномъ бюстѣ, въ тяжеломъ колье изъ рубиновъ; и вотъ еще неподвижная голова въ бѣломъ парикѣ, съ зелеными пятнами подъ глазами—всѣ, какъ странные восковые автоматы.

Чернышевъ прошелъ въ слѣдующую залу и сѣлъ за столикъ передъ сценой, гдѣ румыны въ бѣлыхъ штанахъ и расшитыхъ шнурами курткахъ, играли ой-ру, подсвистывая и гикая.

— Итакъ, ничего въ сущности не случилось,—продолжалъ разсуждать Чернышевъ, чувствуя, что необходимо рѣшить какой то вопросъ, и не понимая, откуда онъ возникъ:—ничего не случилось, а между тѣмъ все измѣнилось вокругъ меня. Все стало непрочнымъ—и, главное, я потерялъ увѣренность въ томъ, что до сихъ поръ казалось мнѣ простымъ и несомнѣннымъ. Вотъ, наиримѣръ, эти восковые дамы сидятъ почему то здѣсь, за столиками; онѣ смѣются, говорятъ что то, пьютъ вино. Но развѣ не слѣдуетъ ихъ лѣчить въ нашей психіатрической клиникѣ? Развѣ онѣ не больны душевно? А та, Марія Галицкая, только потому, что она громко поетъ, когда ее не просятъ объ этомъ, и потому, что она произноситъ иногда загадочныя фразы—только поэтому теперь въ седьмой палатѣ.

— Не хотите ли поужинать со мной?—неожиданно для

самого себя сказалъ Чернышевъ, когда миссъ Мэри медленно проходила мимо него, улыбаясь съ наивнымъ безстыдствомъ.

— Я не говорю по русски, — на ломанномъ французскомъ языкѣ сказала англичанка и повела слегка косящими глазами.

— Alors... Parlons francais. Je parle très mal... Mais maintenant c'est égal. N'est-ce pas?

— Oui, oui, monsieur—залепетала Мэри, усаживаясь за столикъ и открывая карту винъ.

— У васъ очаровательная улыбка и немного странная, право,—говорилъ Чернышевъ, съ восторгомъ разглядывая лицо англичанки.

— Какой у васъ взглядъ. Боже мой! Какой взглядъ... Я не понимаю, почему всё такъ спокойны вокругъ. Неужели они не видятъ, какой у васъ взглядъ.

Англичанка разсмѣялась.

— Вы—поэтъ, monsieur?

— Я? О, нѣтъ, нѣтъ... Напротивъ, я психіатръ.

— А я думала, поэтъ. Здѣсь одинъ вчера застрѣлился. Тоже поэтъ, должно быть.

— Но я не поэтъ, увѣряю васъ.

— Все равно. И вы тоже.

— И я застрѣлюсь?

— Можетъ быть, не застрѣлитесь. А такъ вообще... У васъ тоска въ глазахъ.

— А вы, миссъ Мэри, развеселите меня.

Мэри улыбнулась.

— Мы будемъ друзьями. Не правда ли?

Черезъ часъ, когда на столѣ стояла уже другая бутылка шампанскаго, Чернышевъ говорилъ по русски, заглядывая въ глаза миссъ Мэри:

— У васъ такая же улыбка, какъ у нея. И эта улыбка мнѣ снилась когда-то. Но когда? Богъ знаетъ. Вы не смѣйтесь надо мной, мой очаровательный другъ. Конечно, забавно, что я, психіатръ, разговариваю съ вами сейчасъ и

такъ странно разговариваю... Но не все ли равно, въ концѣ концовъ—психіатръ или психопатъ? Ха-ха-ха... Это, какъ говорится, палка о двухъ концахъ...

— Mais je ne comprends rien.. Parlez français s'il vous plait,—сказала Мэри, гнѣвно отодвигая стаканъ.

— Alors, ma princesse... Je vous aime...

Миссъ Мэри жила на Разъѣзжей. Когда автомобиль съ хриплымъ ревомъ мчалъ Чернышева и Мэри по Невскому, уже пустынно было на троттуарахъ, и лишь кое гдѣ видны были, въ жалкихъ пестрыхъ шляпахъ, проститутки.

Когда дрожащій съ просонья швейцаръ отперъ дверь и неохотно пропустилъ на лѣстницу Чернышева, Мэри подхватила доктора подъ руку и что то стала шептать ему по англійски съ картавымъ присвистомъ.

Въ квартирѣ, куда привела Мэри Чернышева, былъ свѣтъ и звучали голоса. Дверь имъ отперъ тотъ самый Джекъ, который плясалъ на эстрадѣ матчишъ. Негръ, должно быть, только что вернулся изъ „Парадиза“ и не успѣлъ еще снять пальто и цилиндръ.

Черный мистеръ засмѣялся чему то, оскаливъ зубы, и насмѣшливо распахнулъ передъ Чернышевымъ дверь.

— Сюда, сюда,—торопила его Мэри, проходя въ комнату и нетерпѣливо сбрасывая ротонду.

— Миленькій... Люблю тебя,—сказала она по русски, прищуривая глаза.

Раздался чей-то голосъ:

— Tu es seule, ma chérie?

И въ комнату вошла миниатюрная брюнетка, совсѣмъ голая, въ красныхъ башмакахъ съ высокими каблуками.

— Non, non,—залепетала Мэри и вытолкала за дверь брюнетку.

Чернышевъ подошелъ къ огромной кровати и машинально взялъ въ руки валявшійся на ней голубой корсетъ.

— Я влюбленъ, влюбленъ,—сказалъ съ тоскою докторъ.

— Vous êtes amoureux de moi? N'est ce pas, mon ami?

— Я не знаю, не знаю, — пробормоталъ докторъ и уронилъ корсетъ на полъ.

Потомъ онъ подошелъ къ столу, покрытому вязаной скатертью, досталъ изъ кармана бумажникъ и, вытащивъ нѣсколько кредитокъ, положилъ ихъ около книги въ черномъ переплетѣ—евангелія на англійскомъ языкѣ.

— Прощай, Мэри... Прощай,—сказалъ докторъ и, морщась точно отъ боли, вышелъ изъ комнаты.

IV.

Докторъ Чернышевъ дѣлалъ обходъ въ палатѣ номеръ седьмой. За нимъ ходила фельдшерица и монотонно читала на листкахъ записи:

— Температура тридцать семь и пять; аппетита нѣтъ; боли въ затылкѣ продолжаются...

Или:

— Ночью—бредъ; возбуждена; повышенная чувствительность эпидермы.

Сѣдая старуха, увидѣвъ доктора, присѣла, какъ дѣвочка, и сказала скороговоркой:

— Сегодня ночью, господинъ министръ... Сегодня ночью, господинъ министръ... Сегодня ночью, господинъ министръ...

Она опять присѣла и сдѣлала непристойный жестъ.

— Дальше... Дальше,—говорилъ докторъ, не видя Галицкой, но уже чувствуя, что она сидитъ въ углу на двадцать третьей кровати.

— А вотъ вновь поступившая—Желѣзнава,—сказала фельдшерица равнодушно.

— Какъ Желѣзнава? Галицкая...

— Нѣтъ, докторъ, больная записана Желѣзновой.

— А... А... Такъ... Я забылъ...

— Что-жъ, лилію принесъ?—улыбнулась Галицкая и протянула доктору руку.

— Завтра принесу,—сказалъ докторъ серьезно:—а вы какъ себя чувствуете здѣсь, Марія Николаевна?

— Прекрасно... Прекрасно... И я все красивѣе дѣлаюсь.

— Вы меня забыли, Марія Николаевна? Мы, вѣдь, съ вами были знакомы когда то,—сказалъ докторъ, беря больную за руку.

— Ты меня зналъ, конечно,—отвѣтила Галицкая, усмѣхаясь:—да я то тебя не замѣчала... Мало ли васъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, силъ... Всѣхъ то васъ не упомнишь, милые. А я одна. Другой Маріи нѣту.

— А если я завтра приду, вы меня, Марія Николаевна, узнаете?—спросилъ докторъ.

— Будьте такъ добры,—сказалъ Чернышевъ, обернувшись къ фельдшерницѣ и покраснѣвъ:—принесите, пожалуйста, бромъ...

— Узнаю ли тебя?—проговорила больная задумчиво:—теперь, пожалуй, узнаю... Въ веселые дни мы съ тобой встрѣтились. Вотъ мѣсяць тому назадъ, кажется, такая была тоска, что не дай Богъ. А теперь весело—жду жениха. Что смотришь? Не тебя ли? Можетъ, и тебя. Не знаю еще. Тамъ видно будетъ.

— Какого жениха? Я не пойму что-то,—нахмурился Чернышевъ.

— Будто не знаешь? Да не все ли равно. Весело мнѣ—вотъ про что говорю. Все вокругъ поетъ и сердце мое поетъ. И весна на дворѣ.

— Вовсе не весна. Осень теперь.

— А ты со мной не спорь. Сказала весна—значить весна.

— Ну хорошо. Пусть весна... Только мнѣ, Марія Николаевна, все скучнымъ кажется, потому что вы меня все таки узнать не хотите.

Больная пристально посмотрѣла на Чернышева.

— Узнать, говоришь? Да... Да... Трудно узнать человека, и ангела, и всякое существо... Всѣ какъ въ маскарадѣ—ничего не поймешь. Я думаю, отъ такихъ желаній—„узнать

да узнать"—голова разболится. Я ничего знать не хочу Танцовать хочу.

Она вышла на середину палаты и, подобравъ платье, стала на цыпочки.

Старуха захлопала въ ладоши, крича:

— Танцуй, милая, танцуй... Господину хорошему приятно будетъ...

Марія Николаевна вальсировала, смѣясь.

Потомъ, обмахиваясь платочкомъ, промолвила:

— Ишь, какъ жарко. Нагрѣшишь тутъ съ вами.

— Не волнуйтесь такъ. Не надо. Вотъ и бромъ вамъ несутъ.

Чернышевъ подошелъ къ двадцать четвертой кровати.

Маленькая сухая женщина, съ мрачными глазами, бормотала полувнятно:

— Они опять пришли. Я развѣ виновата. Я ихъ не звала.

И потомъ другимъ голосомъ спрашивала у самой себя:

— А какіе они на видъ? Господа то эти...

И опять бормотала попрежнему:

— Маленькіе, сѣренькіе, ушастые... Богъ съ ними. Не хочу, не хочу... Съ нами Крестная Сила... Не могу я больше, право...

— Ну, что? Какъ?—спросилъ по привычкѣ Чернышевъ, думая объ улыбкѣ Маріи Николаевны и чувствуя, что онъ не долженъ о ней думать.

— Не могу я больше. Не могу. Сѣренькіе, ушастые,—повторила женщина мрачно:—не могу я, господинъ, устала я, наконецъ. И подъ двадцать третьей кроватью, и подъ пятнадцатой, и вотъ въ томъ углу. Устала я ютъ нихъ, господинъ.

— Ничего... Ничего... Это погода осенняя. А вотъ вы думайте о веснѣ—и всѣ сѣренькіе пропадутъ. Ничего... Ничего...

— Ты не шути,—сказала женщина строго:—они и у тебя за спиной.

По четвергамъ прїѣзжали родственники навѣщать больныхъ.

Къ Чернышеву подошелъ инженеръ и съ почтительнымъ достоинствомъ сказалъ:

— Моя фамилія Желѣзновъ, докторъ. Вы мнѣ сегодня разрѣшите, докторъ, увидѣть жену?

Слово докторъ выговорилъ онъ отчетливо, съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ.

— Не сегодня... Только не сегодня,—сказалъ Чернышевъ, стараясь не глядѣть въ глаза инженеру.

— Вы находите это неудобнымъ, докторъ?

— Да,—повторилъ Чернышевъ, блѣднѣя:—сегодня свиданіе невозможно. Больная Желѣзнова возбуждена и свиданіе можетъ дурно повліять на нее... Я такъ полагаю... Но вотъ что, господинъ Желѣзновъ, не уходите сейчасъ. Подождите, пожалуйста. Послѣ приѣма я хочу побесѣдовать съ вами о болѣзни вашей супруги.

Инженеръ отвѣтилъ съ любезной готовностью:

— Я буду очень вамъ благодаренъ, докторъ.

— Какія у него рѣсницы желтыя,—съ тоской подумалъ Чернышевъ:—и что я скажу этому инженеру? Что я долженъ сказать въ самомъ дѣлѣ?

Послѣ приѣма онъ провелъ инженера къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы курите?—спросилъ Чернышевъ, открывая портсигаръ дрожащей рукой.

— Нѣтъ, докторъ, благодарю васъ. Я не курю, докторъ.

— Зачѣмъ онъ къ каждому слову прибавляетъ докторъ,—съ ненавистью подумалъ Чернышевъ, а вслухъ сказалъ, стараясь быть любезнымъ:—профессоръ сообщалъ уже вамъ, что мы опредѣляемъ болѣзнь вашей супруги, какъ *psychosis circularis*... Такъ вотъ я долженъ вамъ сказать, что эта форма душевнаго заболѣванія меня особенно

интересуетъ... Я былъ бы вамъ признателенъ, если бы вы сообщили нѣкоторыя подробности изъ біографіи больной... Вы понимаете?

— О, да... Я понимаю, докторъ.

Желѣзновъ подумалъ немного и сталъ рассказывать. Онъ рассказалъ подробно годъ за годомъ исторію ихъ совмѣстной жизни. Это была добродѣтельная супружеская жизнь. Болѣзнь случилась такъ неожиданно. Правда, въ характерѣ его жены можно было замѣтить нѣкоторую неуравновѣшенность. Она увлекалась иногда...

— Чѣмъ увлекалась? — спросилъ нетерпѣливо Чернышевъ.

— Въ этомъ году, напримѣръ, жена увлекалась чрезвычайно музыкой... Она не пропускала ни одного концерта.. Однажды, послѣ пятой симфоніи Бетховена, случился съ нею странный припадокъ... Кромѣ того, она, несмотря на свою образованность, была вѣрующей... Представьте, докторъ...

— Несмотря на свою образованность, была вѣрующей,— пробормоталъ Чернышевъ.

— Кромѣ того была вѣрующей,—повторилъ онъ и мрачно засмѣялся:—ну, и еще одинъ вопросъ... Еще только одинъ... Она была влюблена въ васъ?

— Влюблена?—почему то повторилъ инженеръ, съ недоумѣніемъ вглядываясь въ лицо Чернышева:—не знаю, право... Я думаю... Я затрудняюсь, докторъ, отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ.

— Какъ хотите,—сказалъ Чернышевъ сухо и первый протянулъ руку:—я спѣшу. Сейчасъ прогулка. Больные въ саду.

Въ саду было свѣтло и прозрачно по осеннему. Красный кленовый листъ, нѣжная сквозная паутина и негрѣющее усталое солнце—все напомнило Чернышеву, что ему уже тридцать два года и что тѣ молодые дни, когда все прекрасное и желанное, казалось, будетъ потомъ гдѣ то, въ неизвѣстномъ, уже прошло безвозвратно.

— Романтизмъ какой,—подумалъ Чернышевъ:—надо бороться съ подобными настроеніями.

И онъ рѣшительно и твердо направился къ полукруглой скамейкѣ подъ увядающей липой, гдѣ сидѣли съ фельдшерницей больныя.

— Сѣренькіе, ушастые... Зубки скалятъ... Богъ съ ними... Не хочу, не хочу,—бормотала полувнятно маленькая сухая женщина, съ мрачными глазами.

— Здравствуй, Гавріиль,—сказала Марья Николаевна, загадочно улыбаясь и протягивая Чернышеву маленькую узкую руку:—а у меня секретъ есть. Хочешь тебѣ расскажу? Правду тебѣ открою. Никто знать не будетъ—только ты одинъ.

— Хочу, хочу,—проговорилъ Чернышевъ, смущаясь почему то.

— Вотъ сюда пойдѣмъ, Гавріиль.

И Марія Николаевна повела Чернышева на крайнюю аллею. Опираясь на его руку и поднимаясь на цыпочки она стала шептать ему на ухо:

— Нѣтъ, ты представь себѣ, Гавріиль: подхожу я къ калиткѣ и хочу на улицу выйти. Простое дѣло. Не правда ли? А вонъ та, въ бѣломъ чепцѣ, не пускаетъ меня... А! Какъ тебѣ это покажется? Я въ плѣну, Гавріиль, въ плѣну... Я хочу съ тобой посоветоваться. Какъ теперь быть, милый?

— Зачѣмъ въ плѣну? — нахмурился Чернышевъ: — вотъ ужъ и плѣнъ непремѣнно... Сказать по правдѣ, у насъ съ вами, Марія Николаевна, нервы разстроены, а вотъ эти всѣ въ бѣлыхъ чепцахъ, чистенькія такія, онѣ прекрасно умѣютъ лечить отъ болѣзней и отъ волненій, всякихъ...

— Зачѣмъ лечиться? Не хочу лечиться,—сказала Марія Николаевна серьезно:—какія такія волненія? Пусть и волненія. Не все ли равно? Даже лучше...

— Нельзя, нельзя,—повторилъ Чернышевъ неувѣренно.

— Ты стой: Слушай меня,—нетерпѣливо перебила Марія Николаевна:—я все придумала. Только ты молчи. Одинъ вопросъ только: правлюсь я тебѣ или нѣтъ? Молчи,

молчи... Я сама вижу: влюблень, конечно... И ты меня волнуешь, Гавріиль, право... Знаешь, какъ я тебя увижу, у меня сердце пьянѣетъ... Шатается тамъ въ груди... Я тебя сразу полюбила, какъ только глаза твои увидѣла. Ты на другихъ непохожъ. Я тебя въ стотысячной толпѣ почувствую.

— Зачѣмъ вы говорите это, Марія Николаевна? Зачѣмъ?—съ тоскою сказалъ Чернышевъ, чувствуя, что у него голова кружится отъ горячаго шопота сумасшедшей, отъ ея страстной улыбки и что то знающаго взгляда.

— Я къ тому говорю,—прошептала Марія Николаевна, сжимая своей маленькой рукой руку доктора и прижимаясь къ нему своимъ нѣжнымъ хрупкимъ тѣломъ: — я къ тому говорю, что бѣжать надо отъ сидѣлокъ нашихъ, отъ разныхъ такихъ сестеръ милосердія... Ты думаешь, мы погибнемъ тамъ, за оградой то, на свободѣ? Ты думаешь, насъ безъ сидѣлокъ то автомобили раздавятъ? Ну, и пусть раздавятъ... Все таки лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ сидѣть. Бѣжимъ съ тобой, Гавріиль, право...

— Бѣжимъ? Куда бѣжать? Путей нѣтъ... Не свободны мы съ вами. Вѣрно, что такъ.

— Тиге, тиге, — погрозила пальцемъ Марія Николаевна:—Вонъ идетъ эта въ бѣломъ чепцѣ, сестра милосердія...

Въ ту ночь Чернышевъ опять кутилъ въ „Парадизѣ“. Совсѣмъ пьяный, шатаясь, пошелъ онъ за кулисы. И тамъ, стоя въ уборной передъ миссъ Мэри, онъ говорилъ ей по русски:

— Вы очень похожи на Марію Николаевну. Увѣряю васъ. Только одной черточки недостаетъ. А то бы совсѣмъ, какъ она. Вотъ изъ за этой черточки я и пьянъ сейчасъ. Вы мнѣ позволите проводить васъ сегодня? Я ужъ на этотъ разъ, миссъ Мэри, васъ не покину. Что мнѣ за дѣло до сумасшедшихъ, въ самомъ дѣлѣ? Я утромъ отъ васъ уйду очаровательница... Какъ порядочные люди... Я не безумецъ какой-нибудь...

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

I.

Домъ, гдѣ я поселился, стоялъ подъ скалою, почти отвѣсною. Наверху росли сосны, молчаливыя и недвижныя. И лишь въ бурю казалось, что онѣ стонуть глухо, и тогда вѣтви ихъ склонялись, изнемогая. А внизу было зеленое море. Во время прилива отъ моего дома до моря было не болѣе пяти сажень.

Я жилъ во второмъ этажѣ, а въ первомъ жили мои хозяйки—мать и дочь. Матери было лѣтъ семьдесятъ, а дочери лѣтъ пятьдесятъ. Обѣ были бородаты. Хозяйская дочь напивалась каждый день и тогда обычно она подымалась наверхъ и бесѣдовала со мною, утомляя меня странными рассказами.

Старуха увѣряла, что она внучка одного знатнаго и богатаго человѣка, но злые интриганы отняли у нея наслѣдство и титулъ. Трудно было понять, о чемъ она говорить.

Иногда старуха спрашивала у меня, не боюсь-ли я чего-нибудь.

— Не надо бояться, — говорила она, странно посмѣиваясь:—не надо бояться, сударь. У насъ здѣсь тихо и мирно. Правда, изрѣдка бываютъ ссоры, но все скоро кончается по-хорошему. Рыбаки, знаете-ли, народъ вспыльчивый, но добродушный въ концѣ концовъ, увѣрю васъ...

Я не боялся рыбаковъ, но старуха внушила мнѣ странную робость. Когда я, возвращаясь вечеромъ домой, находилъ ее пьяной на лѣстницѣ, и она хватала меня за ру-

кавъ, бормоча что-то несвязное, у меня мучительно сжималось сердце и, войдя къ себѣ въ комнату, я дрожащей рукою зажигалъ свѣчу, страпашь темноты.

И такъ я жилъ на берегу моря. По правдѣ сказать, я очень тосковалъ въ тѣ дни. Порою мнѣ казалось, что у меня нѣтъ души, что лишь какіе-то блѣдные и слѣпыя цвѣты живутъ во мнѣ, благоухая, расцвѣтая и увядая, а того, что свойственно людямъ—пониманія и сознанія—во мнѣ нѣтъ.

Я жилъ, какъ тростникъ, колеблемый вѣтромъ, вдыхая морскую влагу, грѣясь на солнцѣ и не смѣя оторваться отъ этого илистаго берега. Это было мучительно и сладко.

Но пришелъ часъ—и все перемѣнилось во мнѣ.

Однажды во время прилива я пошелъ на пляжъ, гдѣ было казино и по воскресеньямъ игралъ маленькій оркестръ.

Я сѣлъ на берегу и сталъ смотрѣть на купающихся.

Изъ кабинки вышелъ толстый человекъ съ тройною складкою на шеѣ; на немъ былъ полосатый пенюаръ; толстякъ тяжело дышалъ, осторожно наступая на гравій. Потомъ вышли двое юнцовъ лѣтъ по семнадцати; они были въ черномъ трико; и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ сильныя упругія ноги и на смуглыя плечи. Пожилыя дамы, въ просторныхъ купальныхъ костюмахъ, спокойныя и равнодушныя; худенькія дѣвушки, слегка смущенныя наготою и взволнованныя соленымъ морскимъ вѣтромъ; мальчики и дѣвочки, то шаловливыя, то робкіе: мнѣ нравилась эта пестрая толпа, среди бѣлыхъ фалезъ...

Я рѣшилъ купаться. Когда я, надѣвъ трико, выходилъ изъ кабинки, пара зеленовато-сѣрыхъ глазъ встрѣтилась съ моими глазами, и чья-то стройная фигура, закутанная въ пенюаръ, скользнула мимо меня и скрылась въ толпѣ.

Мнѣ показалось, что гдѣ-то я видѣлъ эти морскіе глаза.

Купаясь и плавая, я время отъ времени смотрѣлъ на женщинъ, которыя вереницей стояли вдоль канатовъ, забавно присядая въ водѣ, жеманничая и громко вскрикивая, когда волна, увѣнчанная сѣдыми кудрями, обрушивалась

на нихъ и покрывала ихъ головы своимъ зеленымъ плащомъ. Среди этихъ женщинъ не было той, чьи глаза встрѣтились съ моими, когда я былъ на берегу.

Наконецъ, я увидѣлъ ее. Она проплыла мимо меня совсемъ близко — гибкая и скользкая, какъ рыба. Я видѣлъ прядь рыжихъ волосъ, выбившихся изъ-подъ чепчика, линию шеи и руку, нѣжную и тонкую.

Потомъ, послѣ купанья, когда я шелъ по мосткамъ въ кабинку, я опять увидѣлъ зеленоглазую незнакомку. Она лежала на берегу одна, и мнѣ было пріятно, что никого нѣтъ около нея.

Я улыбнулся и прошепталъ:

— Морская царица...

Въ тотъ день и небо, и море, и фалезы—все было прекрасно. И за обѣдомъ (я обѣдалъ не дома, а въ пансіонѣ г-жи Морисъ) сосѣди мои казались мнѣ пріятными. Съ однимъ изъ нихъ я даже разговорился, чего раньше не случилось. Это былъ полякъ Дробовскій, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи.

Мнѣ не было съ нимъ скучно, но его чрезмѣрная любезность и непонятные пустые глаза нѣсколько смущали меня.

Послѣ обѣда онъ пошелъ меня проводить. Какіе у него были странные жесты и поступь! Всегда казалось, что онъ слегка танцуетъ: онъ подымался на цыпочки и прижималъ руки къ груди.

Я спросилъ его, не знаетъ ли онъ рыжеволосой дамы съ зелеными глазами.

Онъ какъ будто бы испугался моего вопроса и, смутившись, забормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не знаю ея... Увѣряю васъ... Правда, я догадываюсь, о комъ вы говорите, я замѣтилъ эту даму... Но, право, я незнакомъ съ нею...

— Ахъ, да—воскликнулъ онъ, продолжая прерванный разговоръ:—вы сказали о славянской душѣ... Это вѣрно. Мы очень порочны и лѣнивы—это вѣрно, но согласитесь, что

здѣсь, на Западѣ, у всѣхъ какія то опустошенныя сердца. И у этихъ французовъ нѣтъ сердечнаго опыта, какой есть у славянъ... Мы всѣ исполнены предчувствій и томленій...

— А какъ вы думаете,—спросилъ я:—эта дама—она русская?

Онъ совсѣмъ смутился.

— Не знаю, не знаю,—сказалъ онъ, отвертываясь и краснѣя.

Мы простились и разошлись по домамъ.

На лѣстницѣ меня ждала старуха съ фонаремъ—пьяная и страшная, какъ всегда.

Она гримасничала и смѣялась безъ причины, провожая меня въ мою комнату.

Просунувъ голову въ дверь, она по обыкновенію сказала что-то непонятное:

— Да благословить васъ Господь, сударь. Пожалуйста, спите спокойно и ничего не бойтесь. Если вамъ приснится Морская Женщина, помяните св. Сульпиція или Дѣву Марію и ничего худого не будетъ. Не бойтесь, не бойтесь, сударь.

— Какая Морская Женщина?—сказалъ я съ досадой.

— Ахъ, она приходитъ иногда,—опять разсмѣялась старуха, широко открывъ свой черный ротъ:—инне называютъ ее Морскою Принцессой... Но вы, сударь, не бойтесь... И если она придетъ, тогда... Тогда... Не цѣлуйте ея, сударь. У нея губы отравлены.

И она застучала деревянными башмаками, спускаясь по лѣстницѣ.

II.

На другой день за столомъ г-жи Морисъ было рѣшено устроить поѣздку въ мѣстечко Ф., гдѣ было когда-то знаменитое аббатство бенедиктинцевъ. Въ каретѣ оставалось одно свободное мѣсто, и кто-то сказалъ:

— Госпожа Марсова выражала желаніе ѣхать въ Ф. Надо сообщить ей о нашей поѣздкѣ.

Я не зналъ, кто эта г-жа Марсова, но когда, послѣ завтрака, мы усаживались въ карету, я увидѣлъ мою зеленоглазую незнакомку: это была она.

Мы ѣхали мимо фермъ, гдѣ полногрудыя женщины, стоя на порогѣ своихъ красныхъ домиковъ, громко разговаривали о погодѣ; мимо жирныхъ и черныхъ полей, гдѣ работали загорѣлые парни въ синихъ курткахъ; мимо тучныхъ луговъ, на которыхъ паслись сонныя коровы, съ большими бубенцами, и пугливыя тонконогія козы.

Наши спутники неумолчно бесѣдовали. Только я да зеленоглазая дама не принимали участія въ общемъ разговорѣ.

Какое странное выраженіе лица было у этой дамы! Можно было подумать, что она не вѣритъ въ то, что вокругъ нея, въ этотъ видимый міръ. И какъ странно она улыбалась... Такъ улыбаются, должно быть, падшіе ангелы, вспоминая свой свѣтлый рай.

Въ мѣстечкѣ Ф. мы осматривали фабрику, гдѣ приготавливаютъ ликеръ; часа два бродили мы по лабиринту залъ и коридоровъ, среди огромныхъ бочекъ, въ которыхъ годами отстаиваются пахучія и пряныя травы; въ отдѣленіи, гдѣ ликеръ разливаютъ по бутылкамъ, меня поразили молоденькія дѣвушки, съ липкими и, должно быть, сладкими руками; эти дѣвушки дрожащими пальцами брались за краны; очевидно, онѣ были пьяны отъ воздуха, полного дурманнымъ запахомъ.

— Какъ блестятъ глаза у этихъ дѣвушекъ,—сказала я, обращаясь къ рыжеволосой дамѣ, съ которой мнѣ уже давно хотѣлось начать бесѣду.

— Да... Да... Я обратила вниманіе... У меня тоже кружится голова,—улыбнулась она лукаво и томно.

Мы разговорились. Черезъ полчаса, когда мы шли черезъ площадь въ городской соборъ, принадлежавшій ранѣе

аббатству, она уже рассказывала мнѣ о себѣ, о своей жизни... Но какъ-то неясно и загадочно.

— Вотъ ужъ полтора года, какъ я ничего не дѣлаю. И мнѣ не стыдно, представьте. Мнѣ все равно теперь. Я цѣлый день валялась на диванѣ тамъ, въ Петербургѣ. Я даже книгъ не читаю.

— А прежде?

— О, прежде! Прежде меня всѣ считали способной и дѣятельной. Я умѣла работать легко и весело.

— Почему же вы такъ измѣнились?

— Такъ... Не знаю... Я мертвая теперь... Я мертвая...

— Простите... Я не знаю вашего имени.

— Меня зовутъ Кетевани Георгіевна.

— Какое рѣдкое имя...

— Великомученица Кетевани была кахетинской царицей. Моя мать изъ Грузіи, а отецъ русскій.

— Вы непохожи на грузинку. У васъ волосы золотые.

— У меня волосы черные. Я ихъ выкрасила. Вотъ уже три года, какъ я рыжая. Правда, такіе волосы идутъ къ моимъ глазамъ?

— Да... Да,—пробормоталъ я, чувствуя, что мнѣ почему то неприятно узнать, что эту женщину видѣли прежде иною.

— Какъ странно,—сказалъ я:—вы были веселой, у васъ были черные волосы... Теперь у васъ золотые волосы и вы печальны... Я уже ревную васъ къ тѣмъ, кто видѣлъ ваши глаза и слышалъ вашъ голосъ три года тому назадъ.

Кетевани Георгіевна засмѣялась.

Наконецъ, мы пришли въ соборъ. Это былъ огромный готическій храмъ, со старинными витро, съ голубымъ сумракомъ подъ дивными сводами. Мы бродили среди колоннъ, наслаждаясь прохладой и тишиною.

Пришелъ священникъ въ исповѣдальню, еще молодой, съ грустными усталыми глазами. За нимъ поспѣшила молоденькая дама въ траурѣ, которую мы ранѣе не замѣтили.

Какъ она волновалась, сжимая маленькими руками черный переплетъ молитвенника!

До меня долетѣлъ ея шопоть:

— *Esprit-Saint, lumière des coeurs... Ôtez le voile qui est devant mes yeux...*

— Ахъ, если бы я умѣла молиться,—вдохнула Кетевани Георгіевна не то съ лукавствомъ, не то съ печалью.

Потомъ мы пошли въ кафэ. Дробовскій сидѣлъ рядомъ съ Кетевани Георгіевной и что-то рассказывалъ ей со свойственнымъ ему паѳосомъ. Онъ все вскакивалъ со стула и прижималъ руки къ груди.

Я не слышалъ, о чемъ они говорятъ, и мнѣ было скучно.

Наконецъ, мы вернулись на площадь, гдѣ насъ ожидалъ возница. Не успѣли мы проѣхать и одного километра, какъ сталъ накрапывать дождь. Большія рыжія тучи догоняли насъ. По дорогѣ, крутятся, мчались столбики пыли. И какія-то птицы, казавшіяся теперь синими, летали низко надъ землей съ громкими воплями.

Мы спустили шторы въ нашей каретѣ. Дробовскому, который ѣхалъ на козлахъ, предложили войти внутрь. Стало тѣсно. Всѣ сидѣли, прижавшись другъ къ другу. Я чувствовалъ колѣни Кетевани Георгіевны. И то, что сейчасъ гремитъ громъ, темно и воздухъ насыщенъ электричествомъ, нравилось мнѣ.

— Ахъ, я хотѣлъ бы такъ ѣхать дни и ночи, дни и ночи,—сказалъ я и невольно смутился: такъ странно прозвучали эти юношескія слова въ моихъ устахъ: вѣдь, на головѣ моей сѣдня пряди и я уже усталъ жить.

III.

Въ ту ночь случилась гроза, и буря завела свою дикую пѣсню. Обѣ старухи, совсѣмъ пьяныя, ходили, шатаясь, по лѣстницѣ взадъ и впередъ. Онѣ то и дѣло стучали ко мнѣ

въ дверь. Я сидѣлъ за столомъ, не раздѣваясь, но мнѣ не было охоты разговаривать со старухами, и я имъ кричалъ не отпирая двери:

— Что вамъ угодно, сударыни?

Онѣ пришли спросить, не страшно-ли мнѣ. Онѣ хотятъ меня успокоить: на домѣ громоотводъ и молнія не зажжетъ кровли.

— Благодарю васъ, сударыни. Я не боюсь грозы.

— Но, можетъ быть, сударь боится мрака и вѣтра? Мы можемъ на всякій случай дать ему еще одну лампу.

— При чемъ тутъ „мракъ и вѣтеръ?“ Мнѣ не надо другой лампы, сударыни. Довольно съ меня и одной.

— Какъ угодно, сударь. Хорошо, что вы дома, сударь. Мы очень боялись бы за васъ, если бы васъ не было дома.

Старухи такъ надоѣли мнѣ, что я, наконецъ, надѣлъ шляпу и, преслѣдуемый ихъ причитаньемъ и вздохами, спустился внизъ и пошелъ на берегъ.

Какъ бушевалъ океанъ!

Луна была на ущербѣ. Гроза прошла, повидимому, но изъ глубокаго мрака надвигались на насъ полчища сѣдыхъ волнъ. Вздыхались валы, подобные дикимъ яростнымъ животнымъ.

Зіяли огромныя пасти; подымались горбатыя спины; развивались длинныя гривы... Буря пѣла свою неистовую пѣсню.

Далеко, за фалезами, горѣлъ маякъ. На нашемъ берегу нѣсколько темныхъ фигуръ съ фонарями бродило среди камней.

Рыбачки сидѣли уныло, прижавшись спиною къ баркасамъ, которые стояли теперь въ безопасности на берегу, съ подвязанными и убранными парусами. Только два баркаса не успѣли войти въ гавань, и вѣтеръ держалъ ихъ въ открытомъ морѣ, не позволяя приблизиться къ нашей бухтѣ. Ихъ едва можно было различить въ мракѣ.

На одномъ изъ камней стояла женщина. Вѣтеръ рвалъ на ней одежды. Я вздрогнулъ, замѣтивъ ее и торопливо

подошелъ къ камню. При свѣтѣ фонаря, съ которымъ кто-то прошелъ рядомъ, я узналъ въ этой закутанной въ черное незнакомкѣ Кетевани Георгіевну.

— Я люблю бурю,—сказала она, узнавъ меня и протягивая мнѣ руку: — когда я такъ смотрю на волны, мнѣ хочется броситься туда и быть съ ними и какъ онѣ, исчезать и возникать среди пѣны, забыть себя... Понимаете?

— Вы—морская царица, — пробормоталъ я, повторяя то, что мнѣ пришло въ голову, когда я въ первый разъ увидѣлъ Кетевани Георгіевну на пляжѣ, во время купанья.

— Да... Но у меня нѣтъ царства... И мой женихъ-царевичъ меня покинулъ...

Она такъ серьезно произнесла эти сказочныя слова! А буря глухо шумѣла.

Казалось, что съ неба спущены черныя завѣсы—одна, другая, третья — и все разныхъ оттѣнковъ отъ пепельночерныхъ до синечерныхъ. Мерцающій и слабый свѣтъ ущербной луны едва-едва серебрилъ хребетъ океана. Призраки двухъ несчастныхъ баркасовъ, со спущенными парусами, то возникали передъ ищущимъ взглядомъ, то пропадали въ таинственномъ сумракѣ. Утлая рыбацкія суда боролись съ волнами такъ отважно и такъ тщетно... Какъ ихъ ждали на берегу! Одна женщина, жена рыбака должно быть, съ тревогою бродила около прибрежныхъ камней... Волны то и дѣло обрушивались около ея ногъ. Но она не обращала на нихъ вниманія. Она видѣла только баркасъ среди зыбкой ночной пустыни и все поднимала свой фонарь и раскачивала его, давая знакъ.

— Они боятся поднять паруса, — сказала Кетевани Георгіевна, указывая на суда:—а я бы на ихъ мѣстѣ подняла ихъ. Сейчасъ подулъ вѣтеръ попутный...

Едва она это сказала, какъ тотчасъ же одинъ изъ баркасовъ распустилъ свои черныя крылья и обезумѣвшій вѣтеръ подхватилъ его и помчалъ прямо на насъ. Изъ малой точки мгновенно выросъ баркасъ въ огромную крылатую

птицу. И какъ великолѣпно, какъ побѣдно вошелъ онъ въ гавань на своихъ траурныхъ парусахъ...

— Я иду домой. Проводите меня, — сказала Кетевани Георгіевна, кивнувъ мнѣ головой.

Я взялъ ее подъ руку.

— Вы знаете, почему я такъ откровенно говорю съ вами?—спросила она, довѣрчиво касаясь моей руки.

— Почему?

— Потому, что я знаю васъ уже давно, я видѣла ваши картины, люблю ихъ и особенно одну, одинъ женскій портретъ—дама съ лиліей... У нея такіе глаза, такіе глаза... Какъ у меня... Неправда-ли?

„Такъ вотъ гдѣ я видѣлъ эти глаза“, — подумалъ я, вспомнивъ приснившійся мнѣ когда-то сонъ.

— А вы знаете,—сказалъ я:—у меня не было натурщицы, когда я писалъ этотъ портретъ. Мнѣ приснились эти глаза и это лицо...

— Ахъ, мнѣ снятся странные сны, — прошептала она, наклонивъ голову:—и потомъ я не знаю, гдѣ сонъ, гдѣ явь. Я все забываю. А иногда возникаютъ воспоминанія, какіе-то странные кусочки жизни — какія-то мелочи, подробности.. Иногда видишь, напримѣръ, уголъ комнаты, диванъ, на немъ забытый цвѣтокъ полуувядшій,—и сердце сжимается въ сладостной тоскѣ. Тогда чувствуешь, что кто-то ушелъ, покинулъ тебя—и вернется ли, Богъ знаетъ. И нельзя понять, жизнь это или сонъ. А то иногда приходитъ моя покойная подруга, Соня. Я съ нею разговариваю и потомъ не знаю, на-яву это было или во снѣ.

— О чемъ же вы говорите съ нею?

— О разномъ... О неважномъ... Въ послѣдній разъ она меня спросила, откуда у меня кольцо съ рубиномъ, и все жаловалась, что ее вѣтеръ беспокоитъ и что будто бы у насъ въ домѣ сыро.

Кетевани Георгіевна помолчала и потомъ промолвила, какъ будто не для меня, а такъ, для самой себя:

— И неправда, что это я виновата. Мнѣ онъ не ну-

женъ былъ. Я шутила. Соня прекрасно это знала. Нѣтъ, не виновата я.

— Про что вы говорите, Кетевани Георгіевна?

— Мнѣ сказали однажды, что это я убила Соню, что она ревновала меня къ своему мужу. Только это неправда. Я не любила его.

— А вы любили когда-нибудь? — спросилъ я и самъ удивился, зачѣмъ я такъ спросилъ.

— Да... Да... Только онъ былъ совсѣмъ чужой, совсѣмъ чужой... Онъ мнѣ ни разу не позволилъ поцѣловать себя... Онъ былъ не человѣкъ.

— А кто же онъ былъ?

— Ангелъ или кукла, я не знаю. Прежде я вѣрила, что ангелъ.

„Она смѣется надо мною“, — подумалъ я и хотѣлъ посмотреть ей въ лицо, но было темно, и я не увидѣлъ ея глазъ.

— Прощайте, — сказала она какъ-то неожиданно и даже слегка оттолкнула меня.

Она скоро исчезла въ сумракѣ. Помедливъ немного, я пошелъ за нею. Наконецъ, почти догналъ ее.

Она, не замѣтивъ меня, повернула за уголъ. Какая-то темная фигура возникла рядомъ съ нею и они стали вдвоемъ у порога отеля.

Я отошелъ въ сторону и дождался когда Кетевани Георгіевна съ кѣмъ-то неизвѣстнымъ вошла въ отель.

У меня почему то болѣзненно сжалось сердце.

Я пошелъ на молъ и сѣлъ тамъ на каменной скамейкѣ. Оттуда былъ виденъ домъ, гдѣ жила Кетевани Георгіевна, и входъ въ него.

Ни въ одномъ окнѣ не было огня. Потомъ, когда по моимъ расчетамъ Кетевани Георгіевна могла подняться во второй этажъ, въ одномъ изъ оконъ появился свѣтъ. Не болѣе получаса горѣла тамъ свѣча. Наконецъ, и она погасла... А я всю ночь сидѣлъ на молѣ, смотрѣлъ въ эти черныя окна и слушалъ, какъ плачетъ буря.

Однажды ко мнѣ пришелъ Дробовскій и сказалъ:

— Вы художникъ. Вы пишете портреты... Но развѣ не страшно это?

— Что страшно?—не понялъ я.

— Какъ что? Лицо человѣческое... Оно всегда загадочно и всегда мучительно... Возможно ли разгадать его? Нѣтъ, нѣтъ... Веласкезъ, Рембрандтъ, Врубель—кто угодно—всѣ они создавали лица, можетъ быть, какъ новые боги, но живыхъ настоящихъ лицъ никто не разгадалъ. А если разгадывали, то приблизительно. А здѣсь немыслима приблизительно. Все или ничего. А развѣ мы, простые смерные, не мучаемся такъ же, какъ и вы, художники. Вы подумайте! Вы цѣлуете руки той, которая кажется вамъ прекрасной; и когда вы касаетесь губами этой милой вамъ руки, вы вѣрите, что ваша любовница принадлежитъ вамъ, но посмотрите ей въ глаза: это какія-то дьявольскія зеркала, въ которыхъ отражаются взгляды иныхъ невѣдомыхъ вамъ людей. Какъ непонятно ея лицо! Клянусь вамъ, что это пытка, ужасная пытка...

Говоря такъ, онъ все поднимался на цыпочки и прижималъ руки къ груди.

— Вы живете въ отелѣ, противъ мола?—спросилъ я.

— Да, я тамъ живу.

— А Кетевани Георгіевна?

— И она тамъ же.

— Дробовскій! Вы и раньше встрѣчали Кетевани Георгіевну... Кто она такая? Расскажите мнѣ что-нибудь про нее.

— Я, правда, встрѣчался съ Кетевани Георгіевной, но—увѣряю васъ, я почти не знаю ея жизни. Кажется, одно время она была актрисой, но потомъ бросила сцену. Ея мужъ—инженеръ. Онъ участвуетъ въ какой-то дальней экспедиціи, гдѣ-то въ Сибири... А про характеръ Кетевани Георгіевны я

ничего не могу сказать... Развѣ только то, что сердце у нея фантастическое...

Онъ закрылъ лицо руками.

— Я думаю,—прошепталъ онъ:—я думаю, что Кетевани Георгиевна душевно больна.

— Но почему вы такъ волнуетесь, Дробовскій? — сказалъ я, чувствуя, что напрасно затѣялъ этотъ разговоръ.

— Боже мой!—прошепталъ онъ, всплескивая руками:— почему я волнуюсь! Да потому, что я боюсь ее. Вѣдь, она въ бреду Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлать...

— Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлать,—повторилъ я разсѣянно.

— Вѣдь, Кетевани Георгиевна, — продолжалъ Дробовскій:—въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что она Морская Царевна или что-то въ этомъ родѣ. Увѣрю васъ.

— Но это еще не такъ страшно.

— А по моему страшно... Она требовательна... Она все ждетъ чуда. А чуда нѣтъ.

Дробовскій сдѣлалъ круглые глаза и, взмахнувъ руками, какъ крыльями, испуганно прошепталъ:

— Въ ней что-то есть опасное, послѣднее, гибельная то...

— То-есть какъ же это? — удивился я, почему-то пораженный этимъ замѣчаніемъ Дробовскаго.

— Въ ней какая-то тревога... Какъ будто бы всему конецъ скоро...

Неожиданно Дробовскій засмѣялся, засмѣялся неприятно, истерически:

— И знаете еще что? Она—Донъ-Жуанъ...

Онъ задыхался отъ смѣха. Я пожалъ плечами, не понимая его:

— Простите, Дробовскій, но у васъ у самого лихорадка. Какой вздоръ! Что вы говорите! „Донъ-Жуанъ“... Нелѣпость какая, Господи...

— Да... Да... Она, какъ Донъ-Жуанъ, все ищетъ лицо человѣческое... Ищетъ и не находитъ... Она бродитъ по свѣ-

ту, какъ сомнамбула: какъ будто бы суждено ей искать, искать, искать—вѣчно искать...

— Ахъ, какой романтизмъ, Дробовскій!

— Нѣтъ, это все правда... И не надо смѣяться: въ Донъ-Жуанъ есть всегда что-то опасное и тревожное... И она, какъ Донъ-Жуанъ, всегда мечтаетъ о томъ, чего нѣтъ.

— Все это сложно и какъ-то запутано, Дробовскій. У меня голова начинаетъ болѣть.

— Простите меня,—почти вскрикнулъ Дробовскій, крѣпко сжавъ мнѣ руку:—прощайте. Я, кажется, наговорилъ лишнее.

Дрожащей рукой онъ надѣлъ шляпу и торопливо вышелъ.

V.

Я сидѣлъ на краю высокаго крутого берега и писалъ этюдъ моря. Мнѣ посчастливилось найти такой зеленый тонъ, о какомъ я давно мечталъ... Когда я удачно работаю, сердце у меня сильно бьется, какъ отъ вина, и въ ногахъ у меня бываетъ такое ощущение, какъ будто я ихъ погружаю въ теплую воду.

Я улыбался, насвистывалъ маршъ изъ „Карменъ“ и думать забылъ о зеленоглазой незнакомкѣ и ея любовникѣ.

Неожиданно меня кто-то назвалъ по имени. Я обернулся. Это была Кетевани Георгіевна.

— Я помѣшала вамъ?—спросила она робко и застѣнчиво.

— Нѣтъ, нѣтъ,—пробормоталъ я, тайно огорчаясь, что уже нельзя будетъ дописать этюдъ.

Кетевани Георгіевна сѣла на траву и обхватила колѣни руками.

Я взглянулъ на нее, и во мнѣ снова возникло то острое, безпокойное и сладостное чувство, какое я испыталъ когда въ первый разъ увидѣлъ ея сѣрозеленые глаза. Я положилъ кисть и палитру и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Кетевани Георгіевна!—сказалъ я, беря ее за руку:— вы необыкновенная! Вы странная... Простите, что я такъ прямо и такъ нескладно говорю, но я не могу иначе. Я хочу сказать... Я хочу сказать... Ахъ, это такъ трудно выразить... Вы какъ-то вліяете на меня... Я кажусь вамъ смѣшнымъ и наивнымъ? Да?

— Почему наивнымъ? Нѣтъ... Нѣтъ,—сказала она, устремивъ на меня свои непонятные глаза.

— Вы вліяете на меня. Я не знаю, что это такое. Не влюбленъ ли я въ васъ? Нѣтъ, нѣтъ... Я не знаю. Я въ это не вѣрю. Вѣдь, вотъ я признаюсь вамъ: мнѣ не хотѣлось оторваться отъ работы, когда вы пришли. И я не думалъ о васъ. А сейчасъ, если вы уйдете, я буду чувствовать себя несчастнымъ.

Кетевани Георгіевна тихо и радостно засмѣялась.

— Ахъ, дайте мнѣ ваши губы!—прошептала я.

— Не надо! Не надо,—сказала она, слабо меня отстраняя и полуоткрывая свой ротъ.

Я обнялъ ее и сталъ цѣловать.

Потомъ, лежа на травѣ у ея ногъ, я говорилъ, сжимая ея пальцы:

— Вы такъ явно неестественны, что это уже перестаетъ быть фальшивымъ. Вы откровенно говорите неправду и не хотите, чтобъ вамъ вѣрили.

— Да, не хочу.

— Когда я цѣловалъ васъ, вы шептали: люблю... Но, вѣдь, это неправда, неправда...

— Да, неправда.

— Нѣтъ, вы не женщина.

— Я—Морская Царевна.

Неожиданно она встала и торопливо простилась.

— Прощайте, прощайте... Это ничего. Это такъ. Не думайте обо мнѣ. Это пройдетъ.

Но это не прошло. Я цѣлый день ходилъ самъ же свой. Все время я чувствовалъ запахъ ея духовъ, прикосновения ея губъ. Передъ обѣдомъ на пляжѣ ея не было.

И вечеромъ тщетно я бродилъ по молу, надѣясь ее встрѣтить. Потомъ я пошелъ въ казино и сидѣлъ тамъ за бутылкою вина часа полтора. Я думалъ о Кетевани Георгіевнѣ, о странномъ поцѣлуѣ, который никогда не повторится; сердце мое мучительно ныло и весь міръ казался мнѣ фантастическимъ и страшнымъ.

Я вернулся домой въ двѣнадцатомъ часу. На порогѣ меня встрѣтили старухи и, перебивая другъ друга, сообщили таинственно, что меня ждетъ дама. Сердце мое упало.

Какое это было странное свиданіе! Мы были такъ молчаливы... Мы цѣловали другъ друга, какъ въ бреду, какъ во снѣ. И сейчасъ мнѣ иногда кажется, что ничего не было, что Кетевани Георгіевна не приходила ко мнѣ.

Она ушла отъ меня на разсвѣтѣ. Какъ дрожали мои пальцы, когда я застегивалъ ея платье!

Уходя, Кетевани Георгіевна кивнула мнѣ головой и загадочно сказала:

— Прощай, милый. Это—последнее.

— Что „последнее“?—спросилъ я, удерживая ея руки.

— Все. Жизнь. Больше ничего не надо. Я знаю, что будетъ. Скучно будетъ. А сейчасъ хорошо мнѣ. Прощай.

Слезы почему то подступили къ моему горлу.

— Не надо, не надо. Не уходи,—шепталъ я.

Но она ушла.

Я не спалъ въ эту ночь. Утромъ, когда, наконецъ, я сталъ засыпать, меня разбудилъ стукъ въ дверь.

— Сейчасъ, сейчасъ!—крикнулъ я, вставая и торопливо одѣваясь.

Вошелъ Дробовскій. Онъ былъ блѣденъ. Руки его дрожали. Видно было, что онъ тоже не спалъ всю ночь.

— Я не знаю, почему я пришелъ къ вамъ,—сказалъ онъ, прижимая руки къ груди:—но все равно... Мнѣ ничего не стыдно теперь. Если ея нѣтъ у васъ, значитъ, я угадалъ. Все кончено.

Онъ закрылъ лицо руками.

— Пойдемте на берегъ, гдѣ стоятъ лодки. Я однажды

видѣлъ ее тамъ, когда была буря,—сказалъ я, предчувствуя недоброе.

Онъ молча надѣлъ шляпу.

Когда мы подошли къ берегу, тамъ стояла толпа рыбаковъ и женщинъ и слышался невнятный гомонъ.

Дробовскій вздрогнулъ и, пробормотавъ что-то неясное, пошелъ назадъ торопливо.

Я подошелъ къ толпѣ. На берегу лежало тѣло Кетевани Георгіевны. Я увидѣлъ прядь рыжихъ волосъ на затылкѣ, линію шеи и руку, нѣжную и тонкую. Платье было опутано морской травой.

ПЕЧАЛЬ.

„Пускай скудѣть въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣть нѣжность“...

Ө. Тютчевъ.

Зиночка вышла на крыльцо съ хлыстомъ въ рукѣ. На ней были надѣты черныя шаровары, а голова была обмотана пестрымъ шарфомъ.

— Нравится мнѣ кататься, а страшно: не привыкла я,— сказала Зиночка, улыбаясь и слегка кося глазами:—я только на васъ надѣюсь, дядя Костя.

— Не надо бояться, не надо,—засмѣялся Константинъ Андреевичъ, покачавъ сѣдой головой:—я вотъ вамъ стремя подержу. Такъ... Ну, вотъ и чудесно...

— Ахъ, весело... Ахъ, весело, — задышалась Зиночка, усаживаясь по мужски на высокомъ кавказскомъ сѣдлѣ.

Вороная кобыла Джипси помотала головой, пробуя поводить: въ чьихъ они рукахъ? Въ опытныхъ ли?

Зиночка догадалась и похлопала Джипси по шеѣ, заискивая у нея.

Коляска уже выѣхала за ограду. Въ коляскѣ сидѣли старики—сама Марія Андреевна Ярицкая, глава дома, вдова лѣтъ пятидесяти, съ пріятнымъ добрымъ лицомъ и усталыми сѣрыми глазами, и бабушка съ матушкой.

— А ты опять Руслана велѣлъ осѣдлать; вѣдь, онъ сумасшедшій,—сказала Марія Андреевна укоризненно, когда, ея сынъ Сережа, студентъ, подскакавъ, лихо осадилъ жеребца около коляски.

— Сергѣй Николаевичъ, помогите мнѣ: у меня правое

стремя короче,—сказала Нина Глѣбова, блондинка съ хрупкой шеей и нѣжнымъ нескромнымъ ртомъ.

Въ это время дочка Маріи Андреевны, Варя, въ амазонкѣ, съ зеленой вуалью на шляпѣ, ѣздила по лугу передъ церковью. И ея спутникъ, инженеръ Савиничъ, наклоняясь, что-то шепталъ ей.

Константинъ Андреевичъ сѣлъ на своего лопухаго гнѣдого Ермака и съ удовольствіемъ почувствовалъ, что Ермакъ неустоимъ и что ему тоже хочется въ поле, вонъ изъ усадьбы.

— Мнѣ сорокъ семь лѣтъ, — подумалъ Константинъ Андреевичъ, инстинктивно сжимая колѣнами сѣдло и по привычкѣ перехватывая поводья пальцами лѣвой руки: — сорокъ семь лѣтъ! Боже мой! А еще недавно казалось, что жизнь впереди, что успѣешь и поработать, и подумать о себѣ, о смыслѣ того, что окружаетъ тебя... И что же? Постоянная мысль о завтрашнемъ днѣ, всѣ эти повседневныя заботы изсушили сердце и умъ. Да, хорошо сказано въ Новомъ Завѣтѣ о птицахъ и лиліяхъ, которыхъ любить Богъ за ихъ безпечность...

Коляска и всадники проѣхали по ветхому мостику, перекинутому черезъ небольшую рѣчку, запруженную на скорую руку хворостомъ, соломой и глиной.

Томная благоуханная земля и безоблачное, нѣжное небо и едва уловимое предчувствіе осенняго ущерба — все располагало къ той полупечальной, полусладостной мечтательности, отъ которой такъ жутко и хорошо замираетъ сердце.

Сереза и Нина Глѣбова поскакали впередъ. И пыль изъ-подъ копытъ казалась на солнцѣ розовой.

На перекресткѣ, у криницы, что-то чернѣло.

— Это Григорьевъ, должно быть,—сказала Марія Андреевна брату, который ѣхалъ рядомъ съ коляской.

Григорьевъ, харьковскій студентъ, сынъ сосѣда-помѣщика, ухаживалъ за Варей. И Константинъ Андреевичъ понималъ, что племянница сговарилась съ Григорьевымъ и онъ не случайно ждетъ ковалькаду у криницы.

Варя ударила лошадь хлыстомъ и поскакала къ перекрестку, а Савиничъ поѣхалъ рядомъ съ Зиночкой.

— Зачѣмъ онъ такъ близко ѣдетъ,—думалъ Константинъ Андреевичъ, съ отвращеніемъ разглядывая плотную спину инженера и ловкія ноги, обтянутыя рейтузами.

Почти со всѣхъ полей уже убрали хлѣбъ, а инья были распаханы подъ озимое. Надъ балками, бархатомъ чернозема и рыжей щетиной скошеннаго хлѣба стояла золотистопепельная мгла отъ послѣполуденныхъ солнечныхъ лучей.

— Какъ хорошо! — прошепталъ Константинъ Андреевичъ, любовно вдыхая нѣжный теплый воздухъ:—какъ хорошо! И зачѣмъ эти смѣшныя мысли о невозможномъ, когда прекрасенъ міръ всегда и въ юности, и на ущербѣ и даже тогда, когда мучительно тоскуеть сердце.

Но тотчасъ же Константинъ Андреевичъ почувствовалъ, что мысль его лукава:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Міръ прекрасенъ только потому, что Зиночка улыбнулась ему нѣжно и загадочно, когда онъ помогалъ ей сѣсть на сѣдло.

И онъ опять повторилъ, тряхнувъ сѣдой головой:

— Сорокъ семь лѣтъ! Сорокъ семь лѣтъ!

Теперь ѣхали мимо Берашевскаго хутора. Босоногія дѣвки, въ кубовыхъ сарафанахъ, стали въ рядъ у плетня и глядѣли на проѣзжающихъ, чему-то смѣясь.

Выскочили три лохматныя собаки и, пыля, съ отчаяннымъ лаемъ бросились подъ ноги лошадямъ.

— Не бойтесь, Зиночка! Не бойтесь!—крикнулъ Константинъ Андреевичъ, замѣтивъ, что ея лошадь шарахнулась въ сторону.

— Ничего! Ничего... Только вотъ я хлысть потеряла...

Константинъ Андреевичъ соскочилъ съ лошади и подалъ Зиночкѣ хлысть. Пальцы его встрѣтились съ тонкими горячими ея пальцами и на мгновеніе въ глаза ему блеснулъ влажный и трепетный свѣтъ ея глазъ.

— Тишина какая! — пробормоталъ Константинъ Андреевичъ и отвернулся.

— А вы знаете, — крикнулъ батюшка изъ коляски, когда Константинъ Андреевичъ садился на своего Ермака: — Севригинскій управляющій прислалъ мнѣ сказать, что женится. Скоро свадьба. А! А, вѣдь, ему подь шестьдесятъ, а то и больше, пожалуй.

— Мазепа! — засмѣялся невесело Константинъ Андреевичъ.

Дорога шла внизъ, въ балку. И тамъ, внизу, у шалаша горѣлъ тускло костеръ: бахчари пекли картошку.

— Здравствуй, Архипъ, — крикнулъ Сережа, подѣзжая къ бахчарямъ: — когда уже назадъ поѣдемъ, приготовь намъ кавуновъ послаще.

— Да мы ихъ сейчасъ въ коляску возьмемъ, — крикнула бойкая румяная попадья.

Коляска остановилась и всадники подѣхали къ шалашу. Сережа и Григорьевъ сошли съ коней и, неловко ступая, на согнутыхъ ногахъ, пошли по неровной землѣ къ бахчѣ выбирать кавуны.

Минуть черезъ двадцать вѣхали въ дубовую рощу. Шуршали пріятно колеса коляски. Лошади спотыкались то и дѣло на неровной стѣ корней дорогѣ. Пахло крѣпко и бодро дубовой листвою.

А когда выѣхали опять на просторъ изъ темноозорчатой тѣсноты дубовъ, Нина Глѣбова, гостившая у Ярицкихъ въ первый разъ и незнавшая здѣшнихъ мѣстъ, крикнула изумленная:

— Ахъ, Боже мой! Рай здѣсь, право... Ахъ, Боже мой!

Но и Константину Андреевичу, который всѣ окрестности зналъ очень хорошо и къ нимъ привыкъ, показалось все вокругъ новымъ и неожиданнымъ.

Въ золотистой мглѣ предвечерія дремало озеро колыбельно и тихо. И лугъ зеленый, къ озеру спустившійся покато; и сонное стадо на берегу; и три пастушенка, прикорнувшіе у опрокинутаго челна; и зубчатые гребни дальняго лѣса, за полями, на томъ берегу: все было невѣроятно

красиво, задумчиво, и было во всемъ что-то живое, женственное и таинственное.

Всѣ слѣзали съ лошадей и отдали ихъ кучеру Никифору. Изъ коляски вынули пледы и разостлали ихъ на берегу. Марія Андреевна хлопотала съ закуской. Батюшка раздувалъ самоваръ.

Когда закусили и напились чаю и батюшка уже молвилъ: „А не пора ли, господа, домой?“—никто ему не отвѣтилъ и всѣ молчаливо рѣшили, что надо еще остаться здѣсь, около тихаго озера.

Пастушенки уже давно проснулись и стояли около господъ, съ изумленнымъ видомъ, получая время отъ времени то хлѣбъ съ ветчиной, то конфекты.

— Что это у тебя такое?—спросила Зиночка, указывая на свирѣль, торчавшую изъ-за пазухи бѣлоголоваго мальчугана.

Постушенокъ застѣнчиво улыбнулся, а другой мальчуганъ молвилъ, осклабясь:

— Лихо играетъ Васька.

— Сыграй. Я тебѣ на орѣхи дамъ,—сказалъ Савиничъ. Мальчуганъ насупился.

— Сыграй намъ,—попросила Зиночка робко:—сыграй, милый...

Пастушенокъ улыбнулся и вытащилъ изъ-за пазухи свирѣль. Лицо его стало серьезнымъ и озабоченнымъ. Онъ отошелъ въ сторону и сѣлъ на опрокинутый челнъ.

Серебряное озеро, розовый пепель на небѣ и эта недвижность прозрачная, предзакатная и самъ бѣлоголовый мальчуганъ на челнѣ со свирѣлью у дѣтскихъ губъ, съ глазами, устремленными Богъ знаетъ въ какую даль—все было какъ сонъ необычайный, какъ тайный знакъ, что есть гдѣ-то красота, о которой не смѣетъ мыслить человѣкъ.

Прозвучала одна дрожащая нота, за ней другая, и вотъ уже свирѣльные созвучія, колеблясь и тая, пѣли о чемъ то милomъ, пѣли вмѣстѣ съ озеромъ серебрянымъ и съ розовымъ пепломъ на небѣ.

Когда мальчикъ пересталъ играть и безсильно, и смущенно опустилъ ручки со свирѣлью, будто очнувшись отъ страннаго сна, всѣ молчали, невольно мечтая о невозможномъ.

Только инженеръ Савиничъ, звякнувъ мѣдью, протянулъ мальчику монету.

Зиначка встала съ пледа, подошла къ челну и сѣла рядомъ съ мальчикомъ.

— Васей тебя зовутъ?—спросила она задумчиво.

— Васильемъ.

— Хорошо ты, Вася, играешь.

Неожиданно Зиначка стала на колѣни и прижалась губами къ Васинымъ губамъ, обхвативъ его бѣлокурую голову своими тонкими руками.

— Ахъ, какая вы!—проворчалъ Савиничъ сердито:— развѣ можно такого чумазаго цѣловать!

— Озеро, небо это и мальчикъ со свирѣлью,—сказала Глѣбова мечтательно:—какъ все хорошо. Господи! И почему то о любви хочется говорить... Что такое любовь въ самомъ дѣлѣ? Вы какъ, Сергѣй Николаевичъ, любовь понимаете?

— Всѣ говорятъ о любви,—улыбнулся Сережа:—а вы еще хотите, чтобы и я что-то о ней сказалъ. По моему о ней размышляютъ больше, чѣмъ она того заслуживаетъ. Смыслъ жизни не въ любви: любовь—лишь украшеніе. Смыслъ жизни—въ борьбѣ, въ творествѣ, въ вѣчномъ стремленіи къ какому то рѣшительному и совершенному освобожденію. Ненависть ведетъ человѣчество по путямъ жизни, а любовь это лишь награда тѣмъ, кто смѣетъ и можетъ. Мужчина долженъ путешествовать, воевать, участвовать въ политической жизни, заниматься наукой, а въ часы отдыха искать любовныхъ встрѣчъ, страшась постоянства. Любовь не должна быть плѣномъ. Иначе жизнь будетъ похожа на сонъ.

— Ахъ, это не то, не то, — сказала Варя и, обернувшись къ Григорьеву, спросила:—а вы согласны съ этимъ?

Григорьевъ, юный безбородый, съ длинными золотистыми волосами и съ женственной мягкой улыбкой на алыхъ губахъ, застѣнчиво засмѣялся:

— Я, Варвара Николаевна, думаю, что любовь наша— грѣхъ. Въ заповѣдяхъ сказано: „Не сотвори себѣ кумира“. А мы, когда любимъ, всегда кумиру „поклоняемся. Вотъ и я вѣрю, что нѣтъ прекраснѣе и божественнѣе въ мірѣ той, кого я люблю.

— Нѣтъ, въ любви нѣтъ грѣха,—вмѣшался въ разговоръ батюшка:—и даже Господь нашъ Иисусъ Христосъ благословилъ бракъ. А то, что вы, молодой человекъ, изволили сказать про кумиръ, такъ это—съ одна поэзія. Господь Богъ не возревнуетъ, не бойтесь...

— Я не понимаю сантиментальной любви, — сказалъ Савиничъ, хлопывая хлыстомъ по голенищу: — любовь прежде всего страсть. Она слѣпа и стихійна. Мы, умные и культурные люди, должны ея овладѣть и ввести ее въ нормы, подобно тому, какъ мы стараемся упорядочить и обезвредить такія стихійныя силы, какъ, на примѣръ, электричество. Цѣль любви дѣторожденіе, что бы тамъ ни говорили поэты. Значить, наша задача создать нормальную семью. Тогда любовная страсть не будетъ такъ губительна и безумна, какъ теперь... Но почему же, однако, говорятъ одни мужчины? Интересно, что скажутъ дамы.

У Маріи Андреевны появилась на губахъ добрая и грустная улыбка и она сказала, обращаясь почему то къ дочери.

— Знаешь, Варя, когда твой папа покойный въ первый разъ сказалъ мнѣ о своей любви, мнѣ показалось, что кто-то меня мѣхомъ закуталъ: жарко, душно, темно... Я задохнулась и ослѣпла. А онъ мнѣ нравился. Ахъ, какъ я боялась любви...

— Страшно... страшно, — повторила Варя задумчиво. Всѣ, какъ по уговору, поднялись и стали молча и торопливо садиться на лошадей. И на обратномъ пути всѣ молчали.

Въ лѣсу раскинули густую сѣть темнозеленныя сумерки, и на поля потомъ, когда закатилось солнце, пала зыбкая мгла. И даже дорогу плохо было видно. Лошади пугались кустовъ и шли бокомъ, мелко перебирая ногами.

Когда пріѣхали въ усадьбу, разошлись по разнымъ комнатамъ умываться, а потомъ собрались на террасу къ ужину. И уже садъ былъ въ холодномъ серебряномъ сіяніи, и лишь кое гдѣ лежали густыя черныя тѣни: взошла луна.

Послѣ ужина всѣ разбрелись по дорожкамъ. И Константинъ Андреевичъ, помедливъ немного у круглаго стола, за которымъ сидѣла съ вязаньемъ Марія Андреевна, тоже спустился по шаткимъ ступенямъ въ садъ, въ лунную мглу.

Константинъ Андреевичъ шелъ по главной аллеѣ и чувствовалъ, какъ все въ этой бѣлой зыбкой мглѣ звучитъ и дышитъ по новому—не такъ, какъ днемъ. Возникали какіе-то странные шорохи и шелесты, звучали какіе-то придушенные голоса невѣроятныхъ существъ, маленькихъ, должно быть, и горбатыхъ, въ зеленыхъ колпакахъ.

Среди деревьевъ ходили въ бѣлыхъ мантияхъ какіе-то рыцари съ серебряными щитами; на площадкѣ для тенниса Константинъ Андреевичъ увидѣлъ всадниковъ на огромныхъ бѣлыхъ коняхъ; около бесѣдки стояла женщина, вся въ бѣломъ, съ простертыми впередъ руками: это ворожили луна и туманъ.

На большой чугунной скамьѣ сидѣла молодежь. Слышался сдержанный шопотъ.

Константинъ Андреевичъ повернулъ на боковую дорожку и пошелъ къ пруду. На этой дорожкѣ, заросшей травой, пахло влажно и остро, грибами и прѣлой прошлогодней листвою.

Константинъ Андреевичъ подошелъ къ оградѣ, толкнулъ калитку и вышелъ изъ сада. Прудъ былъ внизу—бѣлый, какъ въ саванѣ, а купальня была непохожа на ту, дневную, въ которой каждое утро купался Константинъ

Андреевичъ: теперь она казалась какимъ-то таинственнымъ убѣжищемъ, и вѣрилось, что въ ней скрываются сейчасъ живыя существа—можетъ быть, люди, а можетъ быть—сказочныя чудовища.

Константинъ Андреевичъ прекрасно зналъ, что до пруда было сажень шесть-семь не больше, но отъ звѣзднаго и луннаго свѣта трудно было опредѣлить разстояніе — все путала серебристобѣлая мгла. Константинъ Андреевичъ сталъ спускаться внизъ, неувѣренно ступая по скользкой травѣ. Неожиданно онъ замѣтилъ маленькую фигуру, прикорнувшую около куста.

— Кто это?—спросилъ онъ глухо, не узнавая въ ночи собственнаго голоса.

Фигурка нерѣшительно приподнялась.

— Боже мой! Это вы, Зиночка?

— Да, я... Посидимъ здѣсь, дядя Костя. Хорошо здѣсь.

— Звѣзды-то сегодня какія, — молвилъ Константинъ Андреевичъ, усаживаясь на траву рядомъ съ Зиночкой.

— Вы вотъ на нихъ съ земли посмотрите, — сказала Зиночка, опрокинувшись на спину:—вотъ ложитесь, какъ я. Кажется, что они упадутъ сейчасъ—прямо на грудь.

Константинъ Андреевичъ легъ на спину и сталъ, какъ Зиночка, смотрѣть на звѣзды.

— Когда такъ смотришь на звѣзды,—проговорилъ Константинъ Андреевичъ, приподнимаясь и заглядывая въ лицо Зиночки:—кажется, что жизнь твоя прошла недостойно, торопливо и мелко. Звѣзды требуютъ прекраснаго и величаваго.

— Это правду вы сказали, дядя Костя. Все вокругъ насъ мелко и ничтожно, а между тѣмъ сердце все надѣется, все ждетъ чего-то... Сегодня на прогулкѣ говорили о любви. Только вы молчали. Что вы думаете о любви, дядя Костя?

Константинъ Андреевичъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы молчите, дядя Костя? Нѣтъ, вы должны сказать—вы такой умный, такой серьезный...

— Я ничего не знаю о любви, Зиночка, право. Когда я былъ молодъ, я принималъ за любовь то страсть, то дружбу, но я не зналъ до послѣдняго времени, что любовь—чудо. Да, Зиночка, я отношусь теперь къ любви суевѣрно. Она измѣняетъ все вокругъ, и то, что казалось случайнымъ и преходящимъ, пріобрѣтаетъ новый таинственный смыслъ, когда приходитъ она, любовь.

— Это мудро—то, что вы говорите,—прошептала Зиночка, тоже приподнимаясь на локти и заглядывая въ глаза Константина Андреевича:—я тоже, если полюблю, полюблю суевѣрно... Да мнѣ кажется, я и теперь люблю такъ... Только кого люблю, сама не знаю.

— Не знаете, Зиночка?

— Нѣтъ, не знаю. И не хочу знать, право. Пусть онъ останется загадочнымъ, неизвѣстнымъ...

— Пусть останется неизвѣстнымъ,—повторилъ задумчиво Константинъ Андреевичъ.

Въ саду, на крайней дорожкѣ, прозвучали голоса, смѣхъ и кто-то крикнулъ громко:

— Зинаида Николаевна! Ау!

И дѣвическій голосъ повторилъ:

— Ау! Зиночка! Ау!

— Пойдемте, дядя Костя!—сказала Зиночка вставая:—насъ ищутъ...

— Идите, идите... А я останусь... Я потомъ приду.

— Я влюблена! Я влюблена!—запѣла Зиночка, убѣгая.

Константинъ Андреевичъ всталъ, подошелъ къ пруду и прислушался.

Тамъ, въ саду, смѣялись и пѣли, а потомъ все стало тихо. Только въ кустахъ, на томъ берегу, что-то шуршало и какъ будто бы кто-то вздыхалъ грустно. Долго стоялъ такъ Константинъ Андреевичъ и прислушивался, и всматривался въ темные кусты, и не могъ понять, кто это тяжело вздыхаетъ.

ОТЕЦЪ ГРИГОРИИ.

I.

Архіерей сидѣлъ въ креслѣ, усталый и унылый. Правая нога, безъ обуви, тщательно забинтованная, лежала безпомощно на мягкой скамейкѣ.

— Это—подагра, мой другъ,—сказалъ онъ, замѣтивъ, что я смотрю на его ногу.

Онъ лѣнливо пожевалъ губами и, помолчавъ немного, точно припоминая забытое, снова обратился ко мнѣ съ увѣщаніемъ:

— Васъ перевели къ намъ, отецъ Григорій, полагая, что здѣсь, вдали отъ столичныхъ волненій, вы сумѣете сосредоточиться и оставите ваши заблужденія... И что же?

Онъ ткнулъ пальцемъ въ книжку петербургскаго журнала, которая лежала передъ нимъ на столѣ.

— Здѣсь нѣтъ ереси, ваше высокопреосвященство,—пробормоталъ я.

— Да, да... Но вы опять критикуете православіе... Вы...

— Я вѣрую въ единую святую и апостольскую Церковь,—сказалъ я угрюмо.

Онъ взглянулъ на меня исподлобья.

У этого архіерея были скучные глаза, пресыщенные губы, и казалось, что давно уже надоѣла ему его архіерейская жизнь.

Какъ будто угадавъ мои мысли, онъ сказалъ:

— Другъ мой! Все суета суеть и всяческая суета.

Я молча пожалъ плечами. Тогда онъ прибавилъ сухо:

— Я, однако, назначаю васъ въ уѣздъ... Село Вязники... Вамъ скажутъ тамъ.

Онъ лѣниво махнулъ рукой.

Меня, окончившаго петербургскую академію, назначаютъ въ провинцію, и вотъ теперь, наконецъ, ссылаютъ въ глухую деревню... Но не все ли равно?

Годъ назадъ, когда была жива Маша, меня волновало бы это, но теперь не страшна мнѣ ссылка.

На другой день я отправился на постоянный дворъ Васюка и нанялъ лошадей. А черезъ два часа я былъ уже среди полей весеннихъ.

Дѣвственное небо и зеленя неожиданно опьянили меня. Я такъ отвыкъ отъ деревни, отъ этого простора и слѣпительнаго солнца. Я наслаждался, но въ глубинѣ сердца осталось злое жало и я все время чувствовалъ его.

— Моя чудесная Маша! Моя тихая Маша! Печальная подруга моя! Боже мой... Боже...—думалъ я, изнемогая въ тоскѣ.

Мы ѣхали часа три: спускались въ балки, на днѣ которыхъ бѣжали мутные торопливые ручьи; подымались на горбатые холмы, гдѣ высокія мельницы, съ разсѣяннымъ и недоумѣннымъ видомъ глядѣли въ голубую даль, какъ бы ожидая чего то. Въ иныхъ мѣстахъ лошади наши плелись шагомъ по размытымъ колеямъ; въ иныхъ, особенно когда мы проѣзжали деревню, мчались лихо, преслѣдуемые бѣлозубыми собаками, съ голодными красными глазами.

Солнце замѣтно свинулось съ высоты своей, когда показались сивые дымки села и мой возница сказалъ, обернувшись ко мнѣ:

— Вязники, батюшка.

Вотъ домъ, маленькій и ветхій, съ шаткимъ крыльцомъ. Тамъ внутри, отъ длинной щели въ ставнѣ, сіяетъ лучистая полоса и въ ней золотятся тысячи пылинкокъ. И отъ этой, протянувшейся черезъ комнату, солнечной поло-

сы у меня сжимается сердце: она напоминает мнѣ почему то мои ребяческіе дни и отцовскій домъ...

II.

Вотъ я живу отъ воскресенья до воскресенья, служу всенощныя и обѣдни въ маленькой старинной церкви; я успѣлъ уже окрестить трехъ младенцевъ, похоронить одного старика... Мужики пріятно изумлены, что я не беру съ нихъ ничего за требы, но ихъ обижаетъ то, что я не пью водки.

Староста Элпидифоръ Курослѣповъ объясняетъ мнѣ здѣшніе порядки и обычаи. Говоритъ онъ солидно, внушительно, но я чувствую, что онъ нѣсколько презираетъ меня за мою молодость и за то, что я не поѣхалъ къ земскому начальнику Драгоманову, къ которому, по его словамъ, я долженъ былъ явиться.

У Элпидифора тупые мутные глаза и шея, какъ у вола, упрямая. Онъ любитъ разсуждать на политическія темы.

Но когда онъ слишкомъ долго говоритъ объ императорѣ Вильгельмѣ или о чемъ-нибудь международномъ, я ему говорю откровенно:

— Уходите, Элпидифоръ. Я долженъ работать. Вы мнѣ мѣшаете.

Онъ уходитъ обиженный, но дня черезъ два опять является, съ номеромъ „Свѣта“ въ рукахъ, и многозначительно сообщаетъ, что племянница испанскаго короля вышла замужъ за баварскаго наследнаго принца.

Я работаю, брожу по полямъ. По средамъ и субботамъ, въ шарабанѣ, на гнѣдомъ жеребцѣ, котораго я приобрѣлъ по случаю въ Баулеровской экономіи, ѣзжу я обыкновенно въ волость за почтою.

Тамъ я захожу въ сельско-хозяйственную школу къ учителю, и онъ мнѣ показываетъ глобусы, карты, лагу-

шекъ въ спирту и какіе то ботаническіе препараты, и при этомъ горько жалуется, что графиня, устраивая школу, отвела землю для запашки и садовой культуры въ двадцати верстахъ отъ села и поэтому невозможно найти учениковъ, даже за деньги: далеко ходить на работу, силъ не хватить. А школа каменная двухъ-этажная...

Иногда, въ волости, встрѣчаюсь я съ Тарбѣевымъ, затемъ нашей сосѣдки—помѣщицы, госпожи Шахтуровой. Ея усадьба рядомъ съ Вязниками, за рѣчкой. А еще ближе къ намъ тарбѣевскій хуторъ, съ садомъ вишневымъ. Онъ сейчасъ весь въ серебрястой бѣлизнѣ.

Тарбѣеву на видѣ лѣтъ тридцать пять. Онъ бѣлокуръ, глаза у него голубые, румянецъ во всю щеку. Пріѣзжаетъ онъ обыкновенно верхомъ на англійской рыжей кобылѣ. На сѣдлѣ сидитъ молодцевато.

На обратномъ пути онъ ѣдетъ рядомъ съ шарабаномъ и время отъ времени, указывая хлыстомъ на поля, говоритъ: — Великолѣпнѣйшій видѣ, батюшка. Вы согласны?

Я охотно соглашаюсь, что видѣ дѣйствительно прекрасенъ.

Но Тарбѣевъ не вѣритъ, что солнце и поля нравятся мнѣ. Онъ долго старается объяснить, почему красиво небо и все вокругъ. И отъ этихъ объясненій у меня начинается такая скука, что я готовъ доказывать, что и поля нехороши, и солнце тускло.

— Вы бы насъ, батюшка, навѣстили,—говоритъ онъ, прощаясь.

Въ одно изъ воскресеній къ концу обѣдни пришла въ церковь госпожа Шахтурова, а потомъ и двѣ ея дочери—одна дѣвушка, другая, та, что постарше, вдова и какіе то молодые люди, гостившіе въ Шахтуровкѣ, и, наконецъ, Тарбѣевъ съ женою.

Шахтурова попросила отслужить панихиду по покойномъ мужѣ. У этой пріятной на видѣ пятидесятилѣтней женщины грустное и покорное выраженіе лица; крестится она неумѣло по-дворянски...

Послѣ панихиды она пригласила меня въ усадьбу, на завтракъ.

Госпожа Шахтурова, Анна Ивановна, занимала меня усердно, угощая яствами... А я смотрѣлъ на нее, на ея дочерей и думалъ:

— Какая тихая семья. Какъ всѣ онѣ печальны и какъ безропотно несутъ онѣ въ своемъ сердцѣ эту печаль. Или я ошибаюсь?

Старшей дочери, вдовѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, лѣтъ двадцать шесть, не больше. Ея мужа убили на войнѣ подъ Мукденомъ. У нея трехлѣтняя дочка Оля, съ грустными мечтательными глазами, какъ у матери. Оля эта—какъ стель, тоненькая и нѣжная.

Средней дочери, Софьѣ Павловнѣ, года двадцать четыре, должно быть. Какъ она красива! У нея строгія брови. Говоритъ она литературно, точно и неспѣшно, какъ будто книгу читаетъ.

Одинъ изъ гостей, студентъ, глазъ съ нея не спускаетъ. Его зовутъ Александромъ Артемьевичемъ. Онъ смуглый, кудрявый, губы у него какъ у негра. Мнѣ кажется, что онъ влюбленъ въ красавицу...

Но меня поразила младшая дочь, Нина—та, что замужемъ за Тарбѣвымъ. У нея каріе глаза, продолговатые, японскіе. Она, какъ и сестры, печальна и строга, но иногда въ улыбкѣ ея появляется вдругъ что то иное—острое, тонкое и пьяное. И вся она тогда розовѣетъ облачно. И какъ то призывно и загадочно горятъ ея глаза.

Такъ мнѣ показалось сначала. Когда я собрался уходить домой, она сказала мнѣ:

— Заходите къ намъ, батюшка, на хуторъ. По воскресеньямъ Николай и я всегда дома.

Въ это время у нея было грустное лицо. И мнѣ стало стыдно, что я увидѣлъ въ немъ что то лукавое и чувственное.

III.

Въ началѣ іюня ко мнѣ пришелъ Тарбѣевъ и сказалъ:
— Прощайте, батюшка. Уѣзжаю въ Питеръ.

Я удивился.

— Зачѣмъ? Здѣсь такъ хорошо..

— Нельзя. Дѣла,—сказалъ онъ:—надо деньги добывать. Я, вѣдь, директоръ банка...

Онъ засмѣялся:

— „Горсть золота накопленнаго всыпать“... Однако, прощайте, батюшка. Навѣщайте нашихъ. Мы, по правдѣ сказать, дичились васъ сначала. И въ Шахтуровской семьѣ, и въ нашей не любятъ духовенства. Но вы, извините, не похожи на попа.

Я пожалъ ему руку. Въ сущности, я былъ радъ, что Тарбѣевъ уѣзжаетъ. Онъ много и развязно говорилъ, размахивая руками...

— Безъ него на хуторѣ и въ шахтуровской усадьбѣ будетъ еще тише,—подумалъ я.

А меня тянуло къ этимъ грустнымъ и милымъ людямъ.

Какъ я проводилъ время? Ученую работу, которую я началъ писать въ Петербургѣ, мнѣ пришлось оставить: не было книгъ. По привычкѣ я посылалъ очередныя статьи въ „Путь Живни“, но это занимало у меня мало времени. Я больше возился съ моимъ огородомъ. Мнѣ было пріятно взрывать черноземъ, полоть гряды, слѣдить за всходами овощей... Капуста, морковь, огурцы, рѣпа, рѣдиска—на все это я смотрѣлъ поновому теперь, понимая глухую ихъ жизнь, ихъ отношеніе къ солнцу и землѣ. А по вечерамъ я шелъ въ усадьбу, къ Шахтуровымъ. Тамъ все собирались, вокругъ стола, на террасѣ, и кто-нибудь читалъ вслухъ. И я читалъ иногда. Ко мнѣ привыкли и перестали меня дичиться.

Но когда была луна, тревога овладѣвала мною. По ночамъ я не могъ спать и все думалъ, думалъ... Я думалъ о

Машѣ, чувствовалъ ее около себя. И мнѣ казалось, что я виноватъ передъ нею, что я не успѣлъ рассказать ей о томъ, какъ нѣжно я люблю ее... Я видѣлъ ее, тихую, задумчивую, неразгаданную мною. Мы прожили съ нею пять лѣтъ. Мы любили другъ друга. Но какъ безнадежно мы были одиноки. Вотъ она земная человѣческая любовь,—думалъ я. И въ такіе часы мнѣ хотѣлось надѣть черную рясу и уйти куда-нибудь въ пустыню, хотя бы въ Сибирь, въ тайгу...

Однажды вечеромъ я сидѣлъ у Шахтуровыхъ. Артемьевъ читалъ Пушкина. Читалъ онъ его на распѣвъ и восторженно смотрѣлъ на Софью Павловну.

— Вы теперь, Александръ Петровичъ, что-нибудь ваше прочтите,—сказала Анна Ивановна, не подымая глазъ отъ пялецъ, на которыхъ она вышивала замысловатый узоръ.

Артемьевъ, блѣднѣя отъ волненія, прочелъ свои стихи. Въ нихъ говорилось о страстной любви, и вѣяло отъ нихъ молодостью.

— Какъ вамъ нравятся стихи Александра Петровича?—спросила меня Нина Павловна.

— Стихи неплохіе,—сказалъ я:—они звучны и пріятны, но, по правдѣ сказать, я люблю иную поэзію и иное отношеніе къ любви.

— А вы намъ, отецъ Григорій, не расскажете, какъ вы объ этомъ думаете?—обернулся ко мнѣ Артемьевъ, по-видимому, слегка задѣтый.

— Я готовъ сказать, если только сумѣю выразить то, что надо,—проговорилъ я нерѣшительно, не зная еще, слѣдуетъ ли мнѣ разсуждать здѣсь на эту тему.

Нина Павловна подошла ближе, сѣла противъ меня, и я чувствовалъ на себѣ ея пристальный взглядъ.

— Страстная любовь всегда корыстна,—сказалъ я:—человѣкъ въ сущности не видитъ лица того, съ кѣмъ хочетъ соединиться. А развѣ это достойно человѣка? Цѣль любви безсмертіе личности, а не удовлетвореніе страсти и

не продолженіе рода... Пока мы влюблены цѣломудренно въ чертахъ нашей возлюбленной мы узнаемъ черты божественныя, но когда мы увлечены страстью, мы забываемъ о томъ, что этотъ міръ путь, а не цѣль; мы мечтаемъ обладать женщиной—и это почти всегда—какъ будто бы въ предѣлахъ этого міра возможно прочное счастье. Но это заблужденіе. И великіе поэты всегда пѣли о томъ, что въ существѣ, которое мы любимъ здѣсь на землѣ, надо искать лишь знакъ, лишь символъ иной любви, вѣчной и совершеннѣйшей... Боккачю не такъ великъ, какъ Данте. И Пушкинъ гениаленъ потому, что онъ чаще бывалъ опечаленъ земною любовью, чѣмъ очарованъ ея радостями: вся его любовная лирика тоска по невозможному. А тамъ, гдѣ онъ судить о любви и страсти въ духѣ легкомысленнаго XVIII вѣка, тамъ онъ не такъ значителенъ и великъ.

— Да,—сказалъ я, вспомнивъ о Машѣ:—мы постигаемъ любовь, ея смыслъ, ея тайну, только тогда, когда смерть коснется насъ своимъ крыломъ. Только тогда мы угадываемъ, кого мы любили, и мы плачемъ, страшась того, что мы недостойно любили...

Я забылъ, что вокругъ меня чужіе люди и говорилъ, какъ во снѣ, для самого себя, говорилъ долго и горячо все о томъ же—о любви и смерти.

Когда я вспомнилъ, наконецъ, что я не одинъ, что меня слушаютъ, я смутился и сталъ торопливо прощаться.

— Проводите меня на хуторъ,—сказала Нина Павловна:—Темно какъ.

Луны не было и жутко было смотрѣть въ черную глубину парка. Анна Ивановна дала мнѣ фонарь.

Когда мы вышли изъ сада и переходили плотину, Нина Павловна сказала:

— Вы хорошо говорили сегодня о любви. Но какъ далеко отъ меня эта ваша мудрая, чистая, трудная любовь...

Я ничего не сумѣлъ на это сказать. Мы шли теперь по аллеѣ среди вишенъ. При бѣломъ свѣтѣ ацетиленоваго фонаря эта маленькая хрупкая женщина казалась таин-

ственной, и мнѣ хотѣлось угадать, что творится сейчасъ въ ея сердцѣ.

IV.

Я полюбилъ Шахтуровыхъ и часто бывалъ у нихъ. Иногда устраивались у насъ прогулки то въ дубовую рощу, на пчельникъ,—то къ Алябьевскимъ балкамъ, гдѣ мы любили пить чай; ѣхали въ двухъ экипажахъ обыкновенно, а иные верхомъ. Нина Павловна ѣздила верхомъ по мужски въ широкихъ шароварахъ, на кавказскомъ сѣдлѣ. И когда она обгоняла нашъ фаэтонъ, и я видѣлъ на мигъ ея развѣвающуюся вуаль, ея загадочную улыбку и загорѣвшееся золотымъ румянцемъ лицо, мнѣ хотѣлось тоже скакать рядомъ съ нею верхомъ, и я сожалѣлъ, что на мнѣ ряса, и я не могу жить просто, наивно, не думая объ отвѣтственности. Когда мы пріѣзжали на пчельникъ и кто-нибудь изъ молодежи помогалъ Нинѣ Павловнѣ слѣзть съ сѣдла, я невольно слѣдилъ за нею, и мнѣ казалось страннымъ, что другой, а не я, касается сейчасъ ея руки, и мнѣ было непріятно это.

Когда всѣ оживлялись, ѣли душистый медъ и шутили, обо мнѣ забывали и мнѣ было грустно. А вспоминали обо мнѣ тогда, когда всѣмъ хотѣлось отдохнуть отъ суеты и помолчать.

— Отецъ Григорій, скажите что-нибудь умное,—говорила Нина Павловна, лукаво улыбаясь.

Нина Павловна была музыкальна. Въ ненастные дни всѣ собирались на хуторѣ, и она играла намъ, играла превосходно, отчетливо. Чаще всего Моцарта. И я тогда чувствовалъ восемнадцатый вѣкъ и какъ-то по-новому понималъ старые портреты чопорныхъ кавалеровъ и милыхъ дамъ съ такими же глазами, какъ у Нины Павловны.

А потомъ, когда я возвращался домой и оставался одинъ, я не могъ разобраться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ.

Однажды я сказалъ себѣ:

— Не надо ходить на хуторъ. И у Шахтуровыхъ не надо бывать.

Я такъ и сдѣлалъ. Я проводилъ время за книгами или уходилъ гулять одинъ.

Какъ прекрасны были поля. На иныхъ полосахъ пшеница была скошена, и золотая щетина червонилась и горѣла на солнцѣ; дѣвки складывали снопы въ крестны; красные сарафаны казались веселыми праздничными нарядами, и оттого, что звучала пѣсня, хотѣлось вѣрить, что полевая работа легка и пріятна.

Кое-гдѣ земля была уже запахана подъ озимое, и, когда солнце склонялось къ западу, черноземъ казался лиловымъ бархатомъ.

Я любилъ бродить по межамъ, среди овса, пугая перепеловъ; любилъ вдыхать запахъ конопли; любилъ смотрѣть, какъ подсолнухи повертываютъ свои желтыя головы къ солнцу...

VI.

Однажды я сидѣлъ у себя и читалъ „Fioretti“. Вдругъ я услышалъ стукъ въ дверь и знакомые голоса. Это пришли Шахтуровы, Александръ Петровичъ и Нина Павловна.

Входя, Анна Ивановна сказала мнѣ:

— Мы васъ пришли навѣстить, отшельникъ. Отчего вы перестали у насъ бывать?

— Я самъ не знаю, Анна Ивановна, — пробормоталъ я:— должно быть, потому, что лишнимъ себя почувствовалъ. Я буду откровеннымъ, если хотите. Во мнѣ есть мрачность и на все я смотрю трагически, а вы всѣ, господа, умѣете жить въ эпосѣ какомъ-то. Вотъ у Софьи Павловны глаза печальны и у Екатерины Павловны тоже. Но всѣ вы покорны и со смиреніемъ несете иго жизни. А я тревожный человѣкъ, несмотря на то, что священникъ.

— Вы правы, — сказалъ Александръ Петровичъ съ юношескимъ пыломъ:—я вотъ полтора мѣсяца въ Шахтуровкѣ. Здѣсь хорошо, люди очаровательны. Но я не могу понять этой ихней тишины. Зачѣмъ они такъ примирились съ міромъ и съ судьбой?

— Какъ же иначе?—едва слышно проговорила Екатерина Павловна:—я не чувствую себя отдѣлившейся отъ міра. Вотъ у меня—Оля. А я смотрю на нее и думаю; это я, мой свѣтъ въ глазахъ, моя кровь... Мужа подъ Мукденомъ убили, а я и тамъ съ нимъ, на его могилѣ травой расту... Травой только. Я въ личное безсмертіе не вѣрю.

— И я не понимаю васъ, отецъ Григорій, — сказала Софья Павловна строго: — вы — образованный человѣкъ, вы обличаете православіе, негодуете на пороки нашего духовенства, а сами зачѣмъ-то остаетесь въ церкви... Я думаю, вы поэтому такъ мрачны и тревожны.

— Дѣло не въ православіи и не въ католичествѣ, — сказалъ я:—а въ единой вселенской церкви. Я въ ней. Я мраченъ, потому что, какъ слабый человѣкъ, не могу приблизиться къ свѣту по своей лѣни и угмленію сердечному, но я вижу свѣтъ. А вы даже не смотрите въ ту сторону, гдѣ заря загорается.

— Какая заря?—спросилъ Александръ Петровичъ.

— Заря любви новой. Прочтите четвертое евангеліе и вы поймете, о чемъ я говорю.

Всѣ замолчали. Потомъ Анна Ивановна сказала:

— Пойдемте къ намъ ужинать, отецъ Григорій.

Послѣ ужина всѣ пошли въ поле смотрѣть, какъ дѣвки при лунѣ гречиху жнутъ. Но почему-то, когда вышли изъ сада, рѣшили не подыматься на гору, гдѣ была гречиха, и еѣли подѣ ивой.

Нина Павловна раскинулась на землѣ и мечтательно стала смотрѣть на небо.

— Господи! Высота какая,—проговорила она тихо:—вотъ вы, отецъ Григорій, говорите о новой любви, философствуете... А я смотрю на мѣсяцъ и думаю: какъ мы ничто-

жны, малы, слѣпы... Я не умѣю ни о чемъ разсуждать, но сейчасъ сердце мое замираетъ отъ страннаго счастья, у меня въ душѣ тайна, и мнѣ это сладко и больно. Хотите знать мою тайну?

— Хочу.

— Нѣтъ, я не скажу вамъ. Впрочемъ, не знаю... Можетъ быть... Потомъ...

Лобъ и глаза Нины Павловны я видѣлъ, а губы ея были въ тѣни, и я не зналъ, улыбается она или нѣтъ.

И отъ смутнаго не то предчувствія, не то воспоминанія что-то дрогнуло у меня въ душѣ. Душистая недвижная ночь, близость этой нѣжной маленькой женщины и разговоръ о любви—все волновало меня.

Послышался гулкѣй топотъ, и по дорогѣ, мимо насъ, промчался табунъ лошадей. Нѣсколько мальчишекъ лихо скакали позади табуна.

Одинъ изъ нихъ громко свистнулъ. И этотъ удалой посвистъ напомнилъ о степномъ раздолбѣ, о вольной жизни подъ открытымъ небомъ, о красныхъ ночныхъ кострахъ.

VII.

Наступилъ Успенскій постъ. Деревня говѣла. Однажды въ церкви я сидѣлъ за ветхими ширмами и исповѣдывалъ бабъ, дѣвокъ, ребятъ и дряхлыхъ стариковъ.

Рябая Акулина, съ красными воспаленными глазами, говорила, сокрушаясь:

— А еще, батюшка, пустила я полѣномъ въ ейную курицу. А еще, въ Баулеровской экономіи когда работали шаль ейную новую вилой нарочно проткнула... Не могу терпѣть морды ейной, разлучницы безстыжей...

Я накрывалъ епитрахилью жалкія бабьи головы и волею Богомъ мнѣ данною отпускалъ имъ грѣхи.

И проходила передо мною вереница усталыхъ глазъ, грустныхъ губъ; я слышалъ глухое бормотанье, наивное

раскаянъе въ деревенскихъ грѣхахъ, темныхъ, ничтожныхъ, нелѣпныхъ...

Я отпустилъ грѣхи какому то бѣлоголовому мальчугану, „рабу Димитрію“—и неожиданно ко мнѣ за ширму вошла Нина Павловна.

Она стала рассказывать шопотомъ, задыхаясь, что она не знаетъ, какъ жить и что дѣлать, и то ей кажется, что она вѣрять въ Бога, то нѣтъ. А Христось? Она не можетъ безъ страннаго волненія читать евангеліе, рассказъ о томъ, какъ ночью пришелъ къ Нему Никодимъ и Онъ говорилъ съ нимъ о тайнѣ, или рассказъ о Маріи, которая лобзала ноги Іисусу, или странную повѣсть о Его мукахъ. Но церковь учить, что Христось былъ Богомъ: съ этимъ не можетъ примириться ея разумъ...

Я старался успокоить сумасшедшую голову Нины Павловны; я говорилъ ей о тайнѣ Богочеловѣчества...

Она шептала:

— Да... Да... Я вѣрю... Я хочу вѣрять... Но у меня есть еще грѣхъ, ужасный грѣхъ...

— Какой грѣхъ?—спросилъ я, чувствуя, что голова моя кружится отъ близости этой взволнованной женщины, отъ ея трепетнаго шопота и отъ блеска ея влажныхъ глазъ. Тогда она что-то невнятно сказала.

— Что?—спросилъ я:—Что?

— Я люблю васъ,—повторила она:—люблю... люблю...

— Вы говорите безумныя слова,—сказалъ я:—я не могу допустить васъ до таинства причащенія. Вы недостойны крови Господа нашего Іисуса Христа. Ступайте домой и не приходите завтра къ обѣднѣ...

Послѣ исповѣди, вмѣсто того, чтобы итти домой, я пошелъ въ поля. Тихое августовское предвечеріе; обнаженные поля, розоватныя отъ послѣднихъ лучей уже дремлющаго солнца, скрипъ телѣги и грустная пѣсня, которую пѣли возвращающіяся съ работы дѣвки: все странно очаровало меня и навѣяло на меня какую-то сладкую печаль.

Я думалъ:

— Я поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить иерей. И кромѣ того я остался вѣренъ памяти моей дорогой Маши.

Я старался вспомнить лицо Маши,—и оно возникало передо мной, строгое, милое, родное, но рядомъ мнѣ мерещились иные глаза, загадочные глаза Нины Павловны...

Я старался повѣрить въ то, что это соблазнъ, искушенье, но сердце мое билось чаще и мнѣ было приятно думать, что меня любитъ эта нѣжная женщина, съ крошечными руками.

Я не бывалъ теперь на хуторѣ. Стояла крѣпкая, бодрая, сухая осень. Когда я проходилъ мимо Шахтуровской усадьбы, я чувствовалъ запахъ яблокъ, слышалъ голоса играющихъ въ лаунъ-теннисъ, и мнѣ хотѣлось пойти къ этимъ милымъ людямъ, но я зналъ, что идти туда нельзя мнѣ, и я возвращался домой.

Однажды, въ началѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Элпидифоръ и, поговоривъ о политикѣ, сообщилъ между прочимъ, что Шахтуровы уѣхали въ Петербургъ.

— А съ хутора уѣхали?—спросилъ я, не рѣшившись почему то назвать Нину Павловну по имени.

— Уѣхали одновременно,—сказалъ Элпидифоръ равнодушно.

Я пошелъ на хуторъ. Вокругъ дома ходилъ управляющій и говорилъ работникамъ, показывая на окна:

— Заколачивайте крѣпче, ребята. Теперь до новой весны.

Небо было въ лиловыхъ тучахъ. И вскорѣ хлынулъ дождь, темный, бурный, стремительный, первый дождь въ эту осень.

На другой день утромъ я опять пошелъ на хуторъ. Рѣчка, жутная теперь и быстрая, снесла плотину и залила часть сада. Аллея, гдѣ были вишни, по которой не разъ ходилъ я съ Ниной Павловной, провожая ее вечеромъ изъ Шахтуровской усадьбы, вся была въ водѣ. И грустно было сентябрьское небо.

ПОДСОЛНУХИ.

I.

Когда я вижу этотъ большой цвѣтокъ, золотой и махровый, всегда обращенный къ солнцу, въ сердцѣ моемъ начинаетъ звучать пѣсенка—тихая, печальная и сладостная,—и въ душѣ возникаютъ воспоминанія о милomъ далекомъ, о юности моей, о томъ, чего не вернешь никогда, никогда... Я вспоминаю тогда моего дядюшку Степана Егоровича Руднева, курскія поля, тихую усадьбу: мнѣ тогда кажется, что пахнетъ бѣлой акаціей, что старость моя дурной сонъ и что вотъ стоитъ только глаза протереть—и я вновь увижу незабвенное весеннее.

Однако буду рассказывать по порядку.

Окончивъ гимназію, попалъ я на лѣто въ имѣніе къ моему дядюшкѣ. На моей вихрастой головѣ уже была надѣта студенческая фуражка, и чувствовалъ я себя такъ, какъ будто бы весь міръ только того и ждалъ, чтобы привѣтствовать меня, мою свободу и благословить меня на какую то новую жизнь.

Мнѣ шелъ тогда восемнадцатый годъ и сердце мое было отравлено тою нѣжной и пугливой мечтою, которая исчезаетъ вмѣстѣ съ юностью.

Впрочемъ, не всѣ теряютъ вмѣстѣ съ весенними днями душевную чистоту и нѣжность. И дядюшка мой, Степанъ Егоровичъ, былъ однимъ изъ этихъ избранныхъ. Когда то, въ молодости, влюбился онъ въ одну московскую барышню,

генеральскую дочку, и сдѣлалъ ей предложеніе. Но ба-рышня не была благосклонна къ Степану Егоровичу и по-спѣшила выйти замужъ за какого то уланскаго ротмистра. Дядюшка мой не разочаровался, однако, въ своей возлюб-ленной и крѣпко затосковалъ. Друзья посовѣтовали ему поѣхать за границу, развлечься. Степанъ Егоровичъ поѣ-халъ въ Венецію, но и Венеція его не утѣшила, хотя св. Маркъ и роскошь Веронеза и Тинторетто плѣнили его мечтательное сердце.

Послѣ Венеціи поселился онъ у себя въ деревнѣ и сталъ жить отшельникомъ и чудакомъ, неустанно мечтая о генеральской дочкѣ, исчезнувшей во мглѣ былыхъ дней. И какъ наивны, и какъ нѣжны были его мечты...

Когда я пріѣхалъ къ дядюшкѣ, было ему уже подѣ пятьдесятъ, не все еще въ лицѣ его было что-то юное. Но какое то недоумѣніе выражали всегда его свѣтлые глаза.

Зажили мы съ дядюшкою, какъ говорится, душа въ душу. Одно только обстоятельство насъ раздѣляло—поли-тическія убѣжденія: я былъ вольнодумецъ и демократъ, а дядюшка былъ приверженецъ аристократической олигар-хіи. Чудаку все мерещился какой то „совѣтъ дождей“ и нравилась чрезвычайно итальянская пышность XVI вѣка. А въ житейскихъ дѣлахъ дядюшка ничего не понималъ. И, если бы не управляющій Аверьянычъ, маленькій хуторъ его давно бы продали съ молотка.

Я пріѣхалъ на хуторъ, когда вишни и яблони уже отцвѣли, но за то благоухала бѣлая акація. Вѣяло весною, не тою подсыѣжною мартовской весною, отъ которой стоитъ въ сердцѣ влажный дурманъ, а тѣмъ нѣжнымъ и тихимъ маемъ, который медленно склоняется къ лѣту и бываетъ такъ плѣнителенъ въ своемъ сладостномъ томленіи.

Дядюшка подарилъ мнѣ славнаго иноходца Робин-зона, и я каждый день таскался на сѣдлѣ по окрестно-стямъ, мечтая Богъ знаетъ о чемъ, увѣренный, что вотъ гдѣ то рядомъ ждетъ меня чудо, называемое любовью.

Но какъ я былъ застѣнчивъ и боязливъ! Смѣхъ и во-

скликанія босоногихъ дѣвокъ, попадавшихся мнѣ на дорогѣ, заставляли меня краснѣть до ушей, и я не рѣшался обернуться и посмотрѣть еще разъ на ихъ пестрые сарафаны, тайно меня плѣнявшіе.

А какія незабываемыя бессонныя ночи я проводилъ тогда! Неясныя, смутныя предчувствія волновали мою кровь и все казалось, что вотъ откроется дверь и кто то войдетъ сейчасъ въ комнату и скажетъ тихо волшебное слово — люблю.

Я дрожалъ, ожидая свиданія съ неизвѣстной, таинственной, прекрасной. Иногда въ лунныя ночи я вылѣзаль черезъ окно въ садъ и шелъ по дорожкѣ къ пруду, изнемогая отъ волненія и сладостныхъ соловьиныхъ трелей.

Помню одну ночь, когда предчувствія мои какъ будто бы воплотились. Я сидѣлъ на скамейкѣ около пруда. Луна была на ущербѣ. По лѣтнему было душно. Я закрылъ глаза и мнѣ представилось—такъ ясно, такъ осязательно близко—женское лицо, съ нѣжнымъ лукавымъ ртомъ, съ серебристо-туманными глазами, мечтательными и влекущими. И я почувствовалъ, что кто то коснулся моей руки, и въ этотъ мигъ я испыталъ то острое неизъяснимое наслажденіе, которое никогда уже не повторялось въ моей жизни, никогда...

II.

Какъ то разъ, послѣ обѣда, пошелъ я въ конюшню, осѣдлалъ моего Робинзона и выѣхалъ изъ усадьбы. Июльскія поля тихо розовѣли. И крестцы, въ полдень казавшіеся золотыми, теперь стали дымчатокрасными.

На ветхомъ мосту, перекинутомъ черезъ рѣчку Воронку, встрѣтилъ я Аверьяныча, и онъ сказалъ мнѣ, указывая плеткой на юго-западъ.

— Гроза идетъ. Не совѣтую вамъ далеко уѣзжать. У насъ ливни бываютъ—мое почтеніе.

— Я до Красной Криницы,—сказалъ я, улыбаясь съдоусому Аверьянычу: — успѣю. Да и грозы то я не боюсь. И я пустилъ моего Робинзона галопомъ.

А небо въ самомъ дѣлѣ темнѣло.

Приятно скакать въ предвечерней прохладной мглѣ, когда беззвучна земля и молчить небо, а сердце поетъ свою пѣсню, свою мечту все о томъ же миломъ, желанномъ, невозможномъ, о чемъ не расскажешь никакъ.

Я очнулся, когда крупныя капли дождя упали мнѣ на руки, и гдѣ то нерѣшительно и глухо зазвучалъ громъ.

Я посмотрѣлъ на небо. Боже! Что тамъ творилось. Въ нѣсколько слоевъ ползли тучи—синія, коричневыя, черныя. А тамъ, гдѣ-то въ высокой дали, двигались новыя караваны—уже съ иной стороны, какъ враждебное полчище.

Я повернулъ коня домой, но уже хлынулъ неистовый дождь. Казалось, что какой то великанъ - безумецъ бьетъ землю нещадно злыми бичами. А за горами тучь хохочетъ другой лютый великанъ. И это его глаза сверкаютъ бѣлыми молніями.

Въ какія-нибудь пять минутъ дорогу размыло, и ноги лошади безпомощно вязли въ мокромъ черноземѣ. Рыжая мгла заслонила отъ меня міръ. Я шагомъ вѣхалъ, какъ слѣпой, бросивъ поводья на шею Робинзону.

Совсѣмъ неожиданно раздались около меня голоса и черный кузовъ фэтона, съ поднятымъ верхомъ, выросъ изъ дождевой смутной мглы.

— Вы не изъ Самыгина будете? — спросилъ меня кучеръ, когда я вплотную наѣхалъ на чужой экипажъ.

— Да. Оттуда,—крикнулъ я, выждавъ, когда прогремѣлъ громъ.

При блескѣ молніи я увидѣлъ, что въ фэтонѣ сидитъ маленькая фигура, повидимому, женская, но лица я не успѣлъ разглядѣть.

— А вотъ мы не знаемъ, куда теперь вѣхать, — продолжалъ словоохотливый кучеръ: — къ намъ ли, къ вамъ ли—куда ближе? Ливень-то, вѣдь, Боже мой—море-океанъ.

— Поѣдемте къ намъ, пожалуйста,—сказалъ я, нагибаясь и заглядывая въ фэзтонъ.

— Нѣтъ, къ намъ ближе, — сказала маленькая женщина: — благодарю васъ. А вотъ вы лучше лошадь вашу Михею отдайте, а сами въ фэзтонъ садитесь. Здѣсь все-таки отъ дождя защита.

— Пользайтесь, баринъ,—молвилъ Михей и отобралъ у меня поводья, замѣтивъ мою нерѣшительность.

Черезъ минуту мы ѣхали въ Мартовку, имѣніе господина Ворошилова, съ супругой котораго я сидѣлъ теперь бокъ-о-бокъ.

— Меня зовутъ Натальей Петровной,—сказала она, заглядывая мнѣ въ глаза:—я теперь одна. Мужъ на Кавказъ поѣхалъ. Онъ докторъ. Санаторій тамъ устраиваетъ.

Гроза шумѣла, и я не могъ понять доброй половины того, что говорила мнѣ Наталья Петровна, но за то я видѣлъ ея лукавыя зеленовато-жемчужные глаза, ея милныя губы, нескладно очерченныя, но влекущія улыбкой, я чувствовалъ рядомъ ея нѣжное маленькое тѣло —и отъ всего этого у меня слабо и сладко кружилась голова.

Когда экипажъ съ колесами въ тяжелой черноземной грязи, въѣхалъ, наконецъ, въ Мартовку, гроза уже утихла и начался хлопотливый гомонъ намокшихъ и напуганныхъ птицъ.

Наталья Петровна провела меня въ круглую столовую. Намъ подали веселый самоваръ, и она стала мнѣ объяснять, куда и зачѣмъ она ѣхала въ фэзтонъ, но я слушалъ ея слова, какъ музыку, не понимая ихъ смысла. Взглядъ, должно быть, былъ у меня при этомъ странный и разсѣянный, такъ что Наталья Петровна, замѣтивъ его, остановилась на полусловѣ и спросила, что со мной.

Я, конечно, покраснѣлъ до ушей и сказалъ, что у меня мигрень. Тогда она заставила меня съѣсть какой то порошокъ и повязала мнѣ голову большимъ бѣлымъ платкомъ. Въ такомъ нарядѣ ходилъ я съ нею по саду и она спрашивала меня о гимназіи, о книгахъ, которыя я чи-

таю, о томъ, зачѣмъ я поступаю на филологическѣй факультетъ... Въ концѣ концовъ она заставила меня читать вслухъ Пушкина, котораго она, по ея словамъ, обожала. Я ей читалъ любовные стихи, выразительно на нее поглядывая. Видѣ, должно быть, былъ у меня при этомъ забавный. Наталья Петровна засмѣялась.

Я сконфузился и сталъ прощаться.

— Навѣщайте меня,—сказала она ласково, когда я робѣя, цѣловалъ ея руку.

III.

Я рассказалъ дядюшкѣ о моемъ знакомствѣ. Онъ внимательно выслушалъ меня и сказалъ:

— Ты говоришь, у нея русые волосы.

— Да.

— У моей невѣсты тоже были русые волосы.

Чтобы доставить дядюшкѣ удовольствіе, я сказалъ:

— Расскажите мнѣ про вашу невѣсту.

Онъ покраснѣлъ, какъ юноша, и охотно сталъ говорить на эту тему.

Въ ближайшее воскресенье я поѣхалъ съ визитомъ къ Натальѣ Петровнѣ. Она встрѣтила меня, какъ стараго знакомаго.

Мы гуляли по саду, гдѣ огромные тополя шуршали своими верхушками; сидѣли у плотины, гдѣ не устая, журчала вода; потомъ пошли въ поля...

Все меня плѣняло въ Натальѣ Петровнѣ: и ея милый взглядъ, и мечтательная улыбка, и ея пальцы, блѣднорозовые, какъ лепестки мальвы.

Она говорила со мной довѣрчиво и нѣжно, какъ съ младшимъ братомъ, и я былъ счастливъ, счастливъ... Одно только меня смущало: она непрестанно вспоминала о своемъ мужѣ.

Я уже зналъ, что его зовутъ Павломъ Ивановичемъ,

что онъ бѣлокуръ, что у него большая борода, голубые глаза, что онъ гениальный ученый, врачъ, психологъ, что онъ идеальный мужъ, что онъ сильный, смѣлый, [адорный и прочее, и прочее.

Я какъ то не слишкомъ восхищался этимъ человѣкомъ, несмотря на пламенное краснорѣчіе Натальи Петровны.

Когда я прощался съ нею, мнѣ было грустно почему то. Однако, я сталъ часто бывать въ Мартовкѣ. Я игралъ [съ Натальей Петровной въ лаунъ-теннисъ; держалъ по полчаса, растопыривъ руки, какую то розовую шерсть, когда она ее разматывала; читалъ ей вслухъ то Пушкина, то Флобера, то Бальзака...

Ночью я шепталъ непрестанно: люблю, люблю... И все мечталъ открыть мою тайну Натальѣ Петровнѣ.

Однажды, послѣ вечерняго чая, мы пошли съ нею гулять, спустились въ Алябьевскую балку, гдѣ было сыро и пахло болотомъ, поднялись на высокій холмъ, при чемъ Наталья Петровна оперлась на мою руку и прижалась ко мнѣ плечомъ, и очутились, наконецъ, около огромнаго поля подсолнуховъ. Вечерѣло. Подсолнухи повернули свои желтыя головы къ западу. Было тихо. И казалось, [что земля устала и спить.

То, что Наталья Петровна касается меня своимъ маленькимъ нѣжнымъ плечикомъ; то, что она молчитъ, и эта розоватая предвечерняя тишина полей—все волновало меня и неясная надежда на что-то возникала у меня въ сердцѣ.

— Пойдемте сюда,—сказала тихо Наталья Петровна и слегка толкнула меня къ подсолнухамъ.

Мы вошли въ этотъ зеленый лабиринтъ, гдѣ надъ нашими головами покачивались золотыя чаши, и скоро міръ пропалъ для насъ и мы для міра.

Недоумѣвая, я слѣдовалъ теперь за Натальей Петровной, которая пробиралась сквозь чащу подсолнуховъ, какъ звѣрокъ.

Наконецъ, на маленькой полянкѣ она остановилась и сѣла на землю. И я опустился покорно у ея ногъ. Мы ви-

дѣли клочекъ далекаго безмолвнаго неба, а вокругъ насъ была непроницаемая зеленая стѣна. Мы были одни, одни...

— Какой вы милый! Милый!—сказала Наталья Петровна и прижала свою ладонь къ моимъ губамъ.

У меня закружилась голова отъ счастья.

— Что съ вами?—спросила Наталья Петровна, замѣтивъ мое волненіе.

— Я люблю васъ,—пробормоталъ я, чувствуя, что краснѣю.

Наталья Петровна загадочно улыбнулась.

Неожиданно она приблизила свои губы къ моимъ губамъ, я почувствовалъ ея горячее дыханіе, и влажный долгій поцѣлуй, непонятный для меня, заставилъ меня дрожать отъ неяснаго чувства наслажденія и тревоги.

Потомъ, слегка оттолкнувъ меня, Наталья Петровна сказала тихо:

— Здѣсь мнѣ въ первый разъ признался въ любви Павелъ... у васъ глаза какъ у Павла, совсѣмъ какъ у него... Онъ прислалъ телеграмму... Завтра пріѣдетъ.

ГЛУШЬ.

I.

Сани были безъ подрѣзовъ и, когда мы вѣхали въ засѣдательскій дворъ, они раскатились, описавъ полукругъ.

Засѣдатель стоялъ на крыльцѣ, въ барнаулкѣ и мохнатой шапкѣ.】

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, протягивая обѣ руки:— милости просимъ! Давно изъ Россіи? За политику, конечно?

— Да... Нѣтъ,—усмѣхнулся я, потому что и самъ, по правдѣ скázatъ, не зналъ, за что меня послали въ эту трущобу.

— Далеконько васъ ахнули, — радовался засѣдатель, помогая мнѣ раздѣться: — три тысячи триста верстъ отъ желѣзной дороги. Это, батюшка, не шутка! Пожалуйста въ горницу. Мы ужъ васъ устроимъ. Не беспокойтесь. А пока умыться надо да закусить съ дороги.

— Ну, вотъ будетъ теперь въ нашемъ улусѣ пятый русскій, — молвила засѣдательша, когда я вошелъ въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ: — будемъ [знакомы. Скучно здѣсь, сударь, весьма: батюшка съ матушкою, я съ супругомъ, да иной разъ купцы наѣзжаютъ изъ Якутска или съ Алдана, только рѣдко. А то все якуты — народъ, я вамъ скажу, непонятный... Впрочемъ, сами увидите. Кушайте, сударь, кушайте...

— А вотъ мы по рюмочкѣ, да струганинки, да струганинки,—крякнулъ засѣдатель, тыкая вилкой въ замороженную янтарную стерлядь.

Послѣ завтрака засѣдатель задремалъ въ креслѣ, а его супруга заботливо стала объяснять мнѣ, какъ надо устроиться въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Да, проснись ты, старый,—крикнула она, дернувъ мужа за рукавъ:—сведи молодого человекѣ къ Николаю Кривому. У него юрта есть пустая. Пусть отдастъ постояльцу. А на кухнѣ у батюшки живетъ сейчасъ Сура — сиротка. Вотъ господину и служанка будетъ.

— Я и не спалъ вовсе,—сказалъ засѣдатель, протирая глаза.—идемте, сударь.

Мы надѣли барнаулки и вышли изъ дома. Какъ было пустынно вокругъ! Нѣсколько юртъ, застывшихъ во льду. Деревянная убогая церковка на юру. Гряда бѣлыхъ холмовъ. А за холмами вдали черный узоръ тайги.

По правдѣ сказать у меня сжалось сердце, когда подумалъ я объ этой безмолвной пустынѣ, объ этой глухонѣмой странѣ.

— Да, сударь,—сказалъ засѣдатель, вздохнувъ:—ежели у васъ въ Россіи родители живы или еще кто, письма къ намъ долгонько будутъ итти: недѣль пять не менѣе, а въ распутицу и два мѣсяца безъ вѣстей живемъ. Дико здѣсь, сударь, что и говорить.

II.

Николай Кривой уступилъ мнѣ юрту за три рубля въ мѣсяць. Мы ударили, какъ водится, по рукамъ. Но, должно быть, ему показалась плата слишкомъ дорогой.

— Я тебѣ, тойонъ, лисицъ буду дарить, — утѣшилъ онъ меня, потрепавъ дружески по плечу:—лисица всетаки чего-нибудь стоитъ.

Въ моей юртѣ было все налажено — утварь и хозяйство. И все мнѣ очень нравилось: камелекъ, широкія нары, полки съ турсуками, ковры изъ коровьихъ кожъ и лосиные рога.

Принесли мои чемоданы; я повѣсилъ на стѣну ружье и поставилъ на полку книжки, которыя привезъ съ собою— „Арабскія Сказки“ и „Записки Казанова“.

— Э! Да здѣсь не такъ ужъ худо,—думалъ я, разгуливая по моему жилищу.

Кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! крикнулъ я, недоумѣвая, кто бы это могъ быть.

Вошла дѣвочка лѣтъ четырнадцати.

— Я — Сура,—сказала она:—меня къ вамъ господинъ засѣдатель прислалъ.

Я молча рассматривалъ ее.

— Я могу стряпать,—промолвила она тихо и потупилась.

— А гдѣ же ты будешь жить?—спросилъ я.

— Вотъ здѣсь,—и она указала на уголъ за перегородкою.

— Ну, что-жъ... Прекрасно... Я согласенъ...

У этой Суры были косые глаза. И она загадочно улыбалась. Время отъ времени она скалила зубы, какъ звѣрокъ. Но что-то было пріятное въ ней.

— У тебя, Сура, отецъ былъ русскій?

— Отецъ былъ якутъ, а мать русская... Я сирота,—проговорила она тихо.

Вотъ и стали мы зимовать съ этою Сурою. На Амгинско-Ленскомъ плоскогорьѣ звѣря и птицъ довольно. Я не лѣнился и ходилъ стрѣлять. Научился также у якутовъ ставить капканы. Очень пріятно бродить въ оленьихъ камосахъ по колѣно въ снѣгу, когда въ лѣсной тѣсотѣ приходится снять лыжи. Кругомъ бѣлый дѣвственный снѣгъ и въ прозрачномъ морозномъ воздухѣ чувствуется острый запахъ пушного звѣря. Морозъ — знаете какой? Пятьдесятъ градусовъ „по-реомюру“. Ежели бы не тишина, не этотъ воздухъ недвижный, дышать нельзя было бы. А когда вотъ такъ тихо, тогда ничего. А потомъ придешь въ юрту, снимешь съ себя кухлянку и все прочее и къ камельку. Ка-

мелекъ у насъ никогда не гаснетъ. Мы живемъ, слава Богу, по якутски. Сура знаетъ, какъ и что надо дѣлать.

Она умѣетъ печь вкусныя лепешки, сбиваетъ масло и вообще занимается хозяйствомъ прилежно. Меня она все-таки дичится, по правдѣ сказать.

Я привезъ изъ Россіи флейту и порою на ней играю, что вспомню. Иногда и самъ сочиняю что-нибудь узывчивое.

Тогда Сура выходитъ изъ-за перегородки, садится у камелька на коврикѣ и слушаетъ. Она смотритъ куда-то своими странными невѣрными глазами, и потомъ я вижу слезы на ея щекахъ.

— Ты, кажется, плачешь, Сура? О чемъ это? — спрашиваю я, недоумѣвая.

— Я не плачу, тойонъ.

Она размазываетъ слезы по щекамъ своею маленькою смуглою рукою.

— А ты умѣешь пѣть, Сура?

— Умѣю.

— Ну, спой что-нибудь, пожалуйста.

Она вытащила изъ ларя бубенъ съ красными, зелеными и желтыми ремешками, прицѣпленными для красоты, и сѣла на коврикѣ передъ камелькомъ. Посмотрѣла на меня строго и запѣла по якутски.

Она потомъ не разъ пѣвала мнѣ эту пѣсенку. Я запомнилъ ее и переложилъ на русскій языкъ. А слова въ ней были вотъ какія.

У тойона—глаза голубые;

У тойона—ротъ алый...

Весною ломается ледъ синій...

Ахъ, сердце мое! Темное сердце!

У тойона грудь широкая;

У тойона зубы какъ у волка;

Какъ хруститъ ледъ и сползаетъ въ рѣку...

Ахъ, сердце мое! Темное сердце!

У тойона ножъ острый,
У тойона ножъ окровавленный;
Ахъ, что-то не видно хозяйки....
И шумить половодье, шумить!
Ахъ, сердце мое! Темное сердце!

Сура пѣла эту пѣсенку тонкимъ молодымъ голосомъ и раскачивалась плавно, ударяя въ бубенъ своей смуглой маленькой рукой. Отъ звуковъ бубна, отъ мѣрнаго покачиванія этихъ милыхъ узкихъ плечъ и страннаго тревожнаго напѣва у меня кружилась голова. Хотѣлось самому пѣть какую-то пѣсню, исполненную любви и печали.

III.

Однажды ко мнѣ пришла засѣдательша.

— Ну, какъ вы устроились здѣсь? — спросила она ласково, снимая съ шеи пушистый майтрукъ.

— Ничего. Хорошо,—улыбнулся я.

— Вижу, что хорошо. Тепло у васъ, уютно. Сурю довольны?

— Очень доволенъ. Сура прекрасная.

— А мнѣ скучно,—вздыхнула засѣдательша:—мужъ мой по улусамъ поѣхалъ. Раньше трехъ недѣль не вернется... А что я хотѣла васъ спросить, сударь? Что тамъ, въ Россіи? Каково живетъ? То есть вы такъ мнѣ что-нибудь скажите, чтобы я понять могла. Я, вѣдь, никогда въ Россіи не была.

— Да, вѣдь, и здѣшняя сторона тоже Россія.

— Нѣтъ, ужъ, какая же это Россія. Помилуйте. Это тайга.

— И Россія—тайга,—сказалъ я серьезно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—мотала головою несогласная засѣдательша.

— Вы знаете, сударь,—прибавила она, помолчавъ:—я, вѣдь, никогда желѣзной дороги не видѣла. Тысячи верстъ до нея. Добраться трудно.

Засѣдательша сѣла на нару, за столъ, и задумалась. Этой дебелой женщинѣ было лѣтъ сорокъ. Глаза у нея были круглыя, свѣтлыя, грустныя и покорныя, какіе бывають у овецъ... А все же мечтала она о чемъ-то.

— Какъ же въ Россіи-то?—опять спросила меня засѣдательша.

Сура поставила самоваръ, и мы пили чай съ молокомъ и лепешками. Потомъ засѣдательша разсматривала мои ружья, книги, флейту...

— Ну, прощайте. Заходите когда. Гостемъ будете.

— Я васъ провожу, — сказалъ я и вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ юрты.

Солнце здѣсь закатывается рано. Краснотусклые лучи горять тихо. Какъ печальна сумеречная тайга! Она похожа на сѣрую монахиню съ бѣлымъ головнымъ уборомъ. Какіе-то сумеречныя шорохи возникаютъ повсюду, какъ сонное бормотанье гдѣ-то спрятавшейся старухи.

Потомъ эта сѣрая старуха-тайга снимаетъ съ лица своего бѣлое покрывало. И если пристально посмотрѣть на ея лицо, то въ глубокихъ впадинахъ глазъ увидишь неожиданный огонь. Полно! Старуха ли это? Не чародѣйка ли надѣла эту старческую личину. А тамъ, въ сердцѣ ея, горитъ неугасимое солнце, быть можетъ.

IV.

Я не могъ заснуть. Вотъ уже три дня мы ждемъ почту. Она приходитъ два раза въ мѣсяцъ, но въ иные дни запаздываетъ.

Ночь. Я хожу по юртѣ и прислушиваюсь: не звучитъ ли колокольчикъ?

Глупое сердце такъ неровно бьется! Я самъ не знаю, почему я волнуюсь. Все сложилось очень хорошо. Меня судьба забросила въ эту тайгу, а та, чьи глаза мнѣ мерещутся теперь, осталась въ Россіи. Не пора ли намъ было

кончить эти наши странныя встрѣчи и разговоры, и все, и все?... Она всегда была, какъ въ бреду. И у меня туманъ въ головѣ: я пьянѣю и отъ звѣздъ, и отъ высоты, и отъ запаха иныхъ травъ... Возможно ли намъ жить вмѣстѣ? Конечно нѣтъ. Слава Богу, что такъ все сложилось. Но сердце стучитъ неровно. Чего я жду? Письма... Нѣсколько строкъ написанныхъ ея рукою. Я прочту ихъ и буду видѣть эти нѣжные пальцы и эти глаза—преступные или святые, знаетъ одинъ Богъ.

— Почему ты не спишь, Сура? Почему ты такъ смотришь на меня?

— Тойонъ боленъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Сура... Я чувствую себя очень хорошо. И я опять хожу и прислушиваюсь, не звучитъ ли колокольчикъ.

— Тойонъ ждетъ писемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Какія письма? Нѣтъ, я ничего не жду.

— Почта ѣдетъ,—говоритъ Сура и пристально на меня смотреть.

— Какой у тебя чуткій слухъ, Сура! Я ничего не слышу.

И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ я слышу глухія позвякиванія. Но вотъ они становятся все яснѣе, яснѣе, и, наконецъ, я различаю явственно лошадиный топотъ и окрики ямщика.

Я торопливо надѣваю барнаулку и иду къ почтовой избѣ. Въ этакихъ мѣстахъ не ждутъ утра: тотчасъ же развязываютъ кожаный мѣшокъ и достаютъ почту.

Тамъ уже засѣдательша. И чего она ждетъ? Развѣ придетъ „Иллюстрированная Недѣля“: писемъ она никогда не получаетъ. А все-таки каждый разъ она спрашиваетъ:

— А писемъ мнѣ нѣту?

— Вамъ нѣтъ,—говоритъ почтальонъ—а вотъ господину есть одно письмецо.

Я дрожащими руками разорвалъ конвертъ.

— Она приѣдетъ... Она приѣдетъ,—бормоталъ я, страшась чего-то.

Когда я вышелъ изъ юрты, въ небѣ былъ праздникъ. Тамъ зажглись огромные звѣздные вѣнки. И въ синей глубинѣ пѣли ангелы, золотые и серебряные.

Я ходилъ по юртѣ и пѣлъ. Я не знаю, что это была за пѣсня.

Сура сидѣла на корточкахъ передъ камелькомъ. Я взглянулъ на нее. У нея были слезы на глазахъ.

— Ты плачешь, Сура?

Она молчала.

— Ну, говори же, милая! Почему ты плачешь?

— У тойона есть невѣста? Когда она пріѣдетъ?

МОНАХЪ.

Бхалъ я на пароходѣ изъ Кременчуга въ Кіевъ. Былъ я тогда молодъ, но творилось у меня въ душѣ неладное: казалось, что вотъ ужъ и пора со всѣмъ проститься. И все будто бы не для меня—хорошо, а чужое. И на все я тогда смотрѣлъ съ любопытствомъ. Тянуло меня къ людямъ. А въ первомъ классѣ какъ нарочно пусто: ни единого человека. Пошелъ я тогда въ третій—тамъ было довольно народу. Сталъ я бродить среди мѣшковъ, бочекъ—мимо жирной, жаркой, черной машины. И всѣ лица вокругъ казались трогательными. Жуетъ хохоль сало, закусываетъ арбузомъ—и уже нравится мнѣ этотъ усатый человекъ, Богъ вѣсть почему, хотъ я и не успѣлъ съ нимъ перекинуться двумя словами. Вотъ вижу на кормѣ молится еврей. На немъ полосатый талесъ, на лбу—ремешки, тефилимъ. И мнѣ мерещится что то древнее, соломоновское, и въ сердцѣ поетъ псалтирь. Въ грязи, на полу валяется хохлушка, въ расшитой паневѣ, съ ногами голыми чуть не по колѣно. И мнѣ хочется, не отрываясь, смотрѣть на нее: такъ изогнулись ея брови и такія милныя, такія капризныя ея губы...

Черезъ часъ, какъ полагается на Днѣпрѣ, сѣли на мель. Я пошелъ на верхнюю палубу, придерживая свою шляпу: сильный вѣялъ вѣтеръ.

Матросы тщетно отпихивались баграми. Сердито стучала машина. Капитанъ размахивалъ руками и не безъ удовольствія кричалъ лоцману басомъ:

—Слушай ты, тамъ! Ломи налѣво.

Лоцманъ, повертѣвъ руль, отвѣчалъ спокойно:

—Я жъ ломаю, да она не согласна...

И опять багры, крики и крѣпчайшій вѣтеръ и сизыя торопливыя облака на вечерѣющемъ небѣ.

Отъ вѣтра все попрятались въ каюты и внизъ, къ машинѣ: только одинъ монахъ, съ развѣвающимися волосами, бродилъ тоскливо по открытой палубѣ.

Лицо этого монаха показалось мнѣ любопытнымъ—смуглое, почти оливковое, какъ на иныхъ старинныхъ иконахъ, съ глазами сіяющими откуда то изъ глубины, и съ губами какъ то ужъ слишкомъ красными. И я не могъ понять, плѣняетъ ли оно меня или пугаетъ чѣмъ то.

—Пойдемте, батюшка, въ каюту: вѣтеръ крѣпкій,—сказалъ я, наконецъ, чтобы какънибудь начать бесѣду...

Онъ посмотрѣлъ на меня не слишкомъ дружелюбно и пробормоталъ:

—Нѣтъ охоты. Я во второмъ ѣду. А туда бабья понабилося. Повернуться некуда.

—Такъ пойдемте въ первый. Если во второмъ тѣсно, вы имѣете право безъ приплаты... Въ первомъ никого нѣту...

Онъ какъ будто бы колебался.

—Ну, пожалуй, пойдемте...

Черезъ полчаса мы разговорились.

—Отъ дьявола все это,—говорилъ монахъ, поблескивая глазами и кривя красныя губы:—отъ дьявола... И куда не кинь, вездѣ оно, вездѣ навожденіе... Жду не дождусь, когда можно будетъ на Аеонъ поѣхать, гдѣ бабамъ запретъ. А здѣсь не могу больше, измучился... Въ монастырѣ отъ нихъ проходу нѣтъ. И гдѣ онѣ, тамъ ужъ бѣды жди навѣрное. Баба всегда въ сторонѣ, а ты, какъ отравленный, погибай... Вотъ вы изволите улыбаться, а потому, что молоды: не умѣете внутреннимъ окомъ смотрѣть, а вы припомните-ка Екклесіастовы слова: „Горше смерти женщина“, тогда и откроется вамъ ихняя сѣть и соблазнъ. Вы вотъ, навѣрное, „охи и ахи“ около дѣвицы, а если до дѣла дойдетъ, то норовите поскорѣе кончить, то-есть какъ

разъ тогда, когда искусившійся начинается. Путааетесь вы, напримѣръ, съ бабой, и все это у васъ отъ избытка молодости торопливо выходитъ, и значить, пока вы еще цѣлы, и просто, извините за выраженіе, глупостями занимаетесь. А оно, то самое, незамѣтно подкрадывается. Вотъ когда вамъ настоящее откроется, тогда вы и поймете, почему женщина „горше смерти“, какъ мудрецъ выразился. А, вѣдь, онъ на этотъ счетъ былъ мастакъ. На что хитра была царица Савская, однако и она покорилась царю. А все-таки, въ концѣ концовъ, сталъ царь пѣть о суетѣ суетъ. Поняли? пока вы, какъ воробей, прыгъ-прыгъ—и дѣло съ концомъ, а потомъ будете мудры, какъ змѣй, но и погибнете какъ змѣй, ибо развѣ не гибель по землѣ пресмыкаться, извиваясь отъ вождельній? Вотъ, какъ я покоя себѣ не нахожу. Вы слушаете меня?

— Очень, очень слушаю.

— Такъ вотъ, значить, и бродишь, какъ умалишенный, какъ лунатикъ какой. А въ головѣ все одно сидить. И червь душу гложетъ. Повѣрите-ли? Запаха ихняго не выношу прежде всего. Какъ только зачую запахъ, на землю грохнуться охота и головой биться. Давно ужъ для меня это открылось. Я не какъ прочіе: съ малыхъ лѣтъ самую суть угадалъ, самую іоту, дьявольскую эту точку. Потерянный я человѣкъ—что и говорить.

— Вы—монахъ. Вы ближе къ Богу. Спасетесь.

— Близость къ Богу тоже не безопасна, молодой человѣкъ. Трудно эта объяснить, однако попробую. Гдѣ Богъ, тамъ и молитва. А отъ молитвы все какъ то острѣе становится. Поняли? Знаю, что вотъ это грѣхъ, а отъ этого знанія моего грѣхъ кажется слаще. Начнешь каяться и какъ бы на молитвѣ душу открываешь, и тогда какъ будто опять весь грѣхъ заново творишь, да еще поехиднѣе, да еще подовитѣе. Это я думаю, дьяволъ душу на изнанку выворачиваетъ.

— Это все разсужденія, батюшка. А грѣхъ плотскій разсужденій не терпитъ. Человѣкъ безъ мыслей грѣшитъ,

а какъ у васъ поступковъ никакихъ нѣтъ, значить, вамъ рай обезпеченъ.

— Вы вотъ шутить изволите, но въ шуткѣ вашей есть возраженіе, и я, если угодно, могу его опровергнуть. Во первыхъ, о поступкахъ своихъ я еще пока не говорилъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что у меня ихъ не было. А что до разсужденій, то, думается, въ нихъ можетъ быть больше грѣха, чѣмъ въ иномъ поступкѣ. Вотъ у насъ въ монастырѣ почти всѣ монахи безобразничаютъ. На одномъ берегу наша пустынь, а на другомъ деревенька. Тамъ и живутъ „монастырскія жены“. А по моему, это все ерунда и грѣхъ пустяковый, больше по легкомыслію. Не тотъ грѣшитъ, кто съ бабой путается, а тотъ, кто бабу во снѣ видитъ. А сны грѣшные бываютъ отъ разсужденій. Съ разсужденія начнешь, а кончишь воображеніемъ, а оно тогда такое разрисуетъ, чего у естественной бабы и со свѣчю не отыщешь. Такъ ли я говорю, молодой человекъ?

— Вотъ ужъ, право, не знаю...

— Не знаете. Такъ повѣрьте мнѣ на слово. Я ужъ вамъ имѣлъ честь докладывать, что давненько бабскимъ дѣломъ былъ занятъ и, такъ сказать, на немъ свою голову потерялъ. И въ монастырь пошелъ по этому поводу.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Родитель мой изъ села Ямской Ярунь. Торговалъ тамъ и саломъ, и дегтемъ, и лошадьми и чѣмъ придется. Мужикъ былъ сообразительный и меня къ грамотѣ поощрялъ. Я съ охотой „Житія“ и всякую премудрость тогда же читывалъ. Но это такъ себѣ къ слову пришлось, а суть то въ грѣхѣ моемъ. А въ грѣхѣ моемъ я ошалѣлъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Ямской Ярунь — село, какъ вамъ извѣстно, торговое и довольно много въ немъ обитаетъ еврейскаго народа. Къ еврейскому народу злобы я не питалъ и по сіе время не питаю, однако въ связи съ этимъ племенемъ приключилось мое несчастіе. Было мнѣ тогда восемнадцать лѣтъ не больше; и случилось въ этотъ годъ смятеніе и жестокости, противъ жи-

довъ направленные. Не сумѣю вамъ объяснить, за что собственно народъ остервенился, однако, былъ я очевидцемъ всяческаго безобразія. Три дня народъ бушевалъ. А я въ этой исторіи вотъ при чемъ. Иду я, знаете ли, подъ вечеръ и пожаромъ люблюсь; горѣла тогда мельница Исаака Шайкевича, который впослѣдствіи удавился. Иду, знаете ли, и ни о чемъ не думаю. Моя хата съ краю. Вижу: пухъ летаетъ отъ перинъ распоротыхъ; въ домахъ окна разбиты; въ кабакѣ гуляютъ буяны—такой свистъ идетъ, бѣда! Иду, и вижу у мелочной лавченки жидовочка стоитъ. И вспомнилъ я, что у этой жидовочки третьяго дня мать яруны убили. А отецъ ея годъ тому назадъ померъ. Вотъ и стоитъ передо мной эта самая дѣвченка, знаете, какъ былинка или цвѣточекъ какой на стебелькѣ тонкомъ,—очень грустная. И вдругъ что-то меня укололо.

— Да какъ тебя зовутъ?—спрашиваю.

Такъ, знаете ли, какъ будто мысль свою вслухъ продолжаю: значить, успѣлъ я въ то время подумать о судьбѣ ея, то-есть, что нѣтъ ужъ ей спасенія, что ужъ непременно растоптать ее должны.

— Меня, говорить, зовутъ Рахилью.

И, представьте, довѣрчиво такъ на меня смотритъ. А я ужъ чувствую, что терпѣть больше не могу, что ужъ ноженки ея босыя невыносимы для меня. И ужъ казалось бы, никакихъ тутъ мыслей постороннихъ быть не могло, однако, до какого предѣла человѣкъ свиньей бываетъ—вѣдь, мелькнула же у меня тогда мысль поганая: сегодня все можно, въ погромной неразберихѣ—концы въ воду, и ладно. Вотъ я и говорю:

— Пойдемъ, Рахиль, къ намъ. Я тебя въ сараѣ спрячу. А то, смотри, яруны изъ кабака идутъ.

Какъ я сказалъ это, она, какъ будто, испугалась. Вижу, рученка ея къ периламъ прилипла. Однако я потащилъ ее, хотя она и упиралась. Отца дома не было. Я это зналъ. Поташилъ я дѣвченку черезъ крытый дворъ, въ старый сарай. Она за мной едва поспѣвала, шлепая по

грязи напрямикъ. А потомъ все какъ быть должно. Сарай изнутри не забылъ припереть, представьте. А самъ къ дѣвченкѣ. Толкаю въ уголъ легонько и говорю самъ не знаю, что:

— Это ничего... Ничего... Я съ тобой побуду здѣсь...
Ничего... Ничего...

А у самого ноги дрожать...

А она какъ заплачетъ вдругъ.

— Чего ты,—говорю,—глупая, испугалась... Не съѣмъ, небось... И ужъ на сердцѣ змѣйка такая шевельнулась: не услышали бы,—думаю.

— Чего,—говорю,—плачешь?

— Такъ, говорить, мамусю жалко...

— Не плачь, говорю. Вотъ я поцалую тебя...

Нагнулся къ ней, знаете ли, а отъ нея чѣмъ то пахнетъ прянымъ, волосы ея намазаны были что ли, уже не сумѣю вамъ объяснить, только отъ запаха этого сердце у меня, какъ голубь, въ груди шарахнулось. Я губами къ губамъ. А она какъ разъ, плача, ротикъ раскрыла... Хотѣла отъ меня податься, да поскользнулась какъ то, упала,—я еще, помнится, поддержалъ слегка...

Съ тѣхъ поръ, молодой человѣкъ, затосковалъ я и въ монастырь ушелъ, но жидовочка моя не идетъ изъ головы, да и всякія прочія терзанія меня замучили... И ужъ теперь, собственно, жидовочка моя въ сердцѣ у меня расплылась. Мучаетъ меня что-то такое непонятное... женское что-то... трудно изъяснить, молодой человѣкъ. Идешь, напрямѣръ, изъ обители въ Воскресенскій монастырь полями. Верстъ десять будетъ не болѣе. Идешь, знаете ли, въ лѣтнее время; чувствуешь, что здѣсь оно... вотъ совсѣмъ близко... тутъ, съ тобой. Обернешься, никого. Отъ такого навожденія обомлѣешь весь и потъ съ тебя градомъ. А въ глазахъ голубизна какая то. Зажмуришься даже, только бы, думаешь, съ ума не сойти бы. А самъ будто отъ земли отдѣляешься. И сладостно. Улетѣлъ бы, кажется. Или, напрямѣръ, за всенощной стоишь на

клиросѣ — я пѣвчій — стоишь на клиросѣ и смотришь на Богоматерь иконостасную, и вдругъ у тебя къ горлу что то подкатитъ, и плачешь, и дрожишь весь. Архимандритъ Аѳанасій выговаривалъ: „ты, говоритъ, испорченный человѣкъ. Тебя, говоритъ, попъ, когда крестилъ, окуналъ плохо. Чего, говоритъ, ты передъ иконой Заступницы, какъ изувѣръ грохаешься. Небось, передъ Николаемъ чудотворцемъ на землѣ не валяешься“. Вы, молодой человѣкъ, меня не осуждайте, что я такъ все вмѣстѣ путаю—и божественное, и плотское. Это я безъ намѣренія. И самъ тому не радъ. А сны какіе! Господи, Боже ты мой! И трудно понять, гдѣ сонъ, гдѣ явь—только и понимаешь, что сновидѣніе, потому что неправдоподобія бывають, а что до видимости, такъ все, какъ есть и для глаза, и для руки живой. Бывають, однако, несуразности. Вотъ, напримѣръ, снится мнѣ, вхожу я ночью въ пустую церковь, дверь за собою заперъ, иду будто бы къ правому придѣлу. Смотрю, у новой иконы, которую Михаилъ Никифоровичъ пожертвовалъ, по случаю пріѣзда великаго князя къ намъ въ обитель, смотрю, женщина какая то склонилась, вся въ черномъ. Я къ ней будто бы. А ея ужъ нѣтъ. А позади голосъ: „Я здѣсь, Гавріиль“. Меня Гавріиломъ звать. Я обернулся, нѣтъ ужъ ея, изъ другого угла кличетъ: „Я здѣсь, Гавріиль“. Я—туда. Такъ мы съ ней какъ будто въ прятки играемъ. Страшно мнѣ стало. Закрылъ я лицо руками. И вдругъ чувствую, кто-то меня за плечо трогаетъ ручкой такой маленькой... Жутко... А если на-яву съ бабой спутаешься, грѣхъ такой разведешь, что и рассказать невозможно. И почему ко мнѣ бабы льнутъ, тоже не понимаю. И монахъ я. Да и жестокъ я съ ними бываю. А все для нихъ нипочемъ. Ежели меня соблазнить какая, такъ я ужъ потомъ измучаю ее. Бѣгаю по комнатѣ, волосы на себѣ рву, о грѣхѣ тоскую. Все прощаютъ и опять ко мнѣ лѣзутъ. А то вотъ еще раздвоеніе у меня бываетъ. Распалишься, знаете ли, и баба разомлѣетъ, и вдругъ голосъ откуда то, какъ во снѣ: „Я здѣсь, Гавріиль“. И какъ толь-

ко я этотъ голосъ услышу, такъ у меня къ бабѣ отвраще-
ніе. Хочется ту увидѣть, что изъ темноты кличетъ... Одна-
ко, кажется, спать пора, молодой человѣкъ. Простите, если
что лишнее сказалъ.

— Нѣтъ, напротивъ, я бы еще послушалъ...

Въ это время дверь къ намъ въ каюту пріоткрылась
и на порогѣ появилась дама. Я успѣлъ замѣтить, что гла-
за у нея красивые и робкіе, съ поволокой, и ротъ большой,
довѣрчивый, съ алыми губами...

— Простите,—сказала она:—позвольте къ вамъ дверь
открыть... Въ дамской каютѣ кромѣ меня никого. А мнѣ
страшно... Въ газетахъ все разные ужасы пишутъ...

Я пробормоталъ торопливо:

— Пожалуйста... Пожалуйста...

А монахъ мой отвернулся и сталъ возиться съ подуш-
ками. Дама пошла къ себѣ, шурша юбками, обвѣявъ насъ
своими духами.

Я легъ спать. Часа черезъ два я проснулся и посмот-
рѣлъ на диванъ, гдѣ спалъ монахъ. Тамъ его не было. Я
поднялся на палубу. Вольно гулялъ съ посвистомъ вѣтеръ.
И капитанъ опять кричалъ:

— Эй, лоцманъ! Ломи на-лѣво.

И пароходъ шелъ все дальше и дальше навстрѣчу
ночи, слѣпой и темной.

Монаха и здѣсь не было.

А когда я спустился внизъ и проходилъ мимо дам-
ской каюты, дверь ея была заперта.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Мертвецы.	7
Докторъ Чернышевъ.	141
Морская царевна.	161
Печаль.	181
Отецъ Григорій.	193
Подсолнухи.	209
Глушь.	219
Монахъ.	229

СОЧИНЕНІЯ ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Разказы: Тайга. На этапахъ. Сулусъ. Дама со змѣей. Въ плѣну. Уля. Сѣверный Крестъ. Бѣлая Криница. Признаніе. Невѣста. Мертвый женихъ. Архивариусъ. Сентябрь. Земля. Весною. Парадизъ. Сестра. *(Второе изданіе).*

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Разказы: Весенній разливъ. Амга. Пустыня. Полунощный свѣтъ. Въ лѣсу. Тамара. Ева. Тишина. На дачѣ. Меленкій Раухъ. Западня. Сося. Маша и Роза. *(Второе изданіе).*

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Повѣсти и разказы: Слѣпые. Домъ на пескѣ. Овцы. Цыганъ и Жучка. Оеклуша. Свирѣль. Оамарь. Демонъ Асмодей.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Стихи и драмы: Тайга. Адонія. Лирика. 1904—1910 г.г.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Статьи: О Тютчевѣ. Память Тургенева. Дымный Ладанъ. Исходъ. Снѣжная Дѣва. Оправданіе Земли. Умные Стихи. Листопадъ. Казни. Правда Максима Горькаго. Кипарисовый Ларець. Траурный Эстетизмъ. Поэзія Вл. Соловьева. Покрывало Изиды. Лилія и Роза. О Достоевскомъ. Генрикъ Ибсенъ. Тайна любви. О лирической трагедіи. Элеонора Дуза. О Верлэнъ. Міровая Скука.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Повѣсти и разказы: Мертвецы. Докторъ Чернышевъ. Морская Царевна. Печаль. Отецъ Григорій. Подсолнухи. Глушь. Монахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Повѣсти. (Готовится къ печати).